

59/4/2
Ш34

В. Н. Щеголев
А. В. Носов

НЕО ГЛОБАЛИЗМ США

в Латинской
Америке

·Мысль·

А. В. Носов
Б. Н. Щеголев

НЕО
 ГЛОБАЛИЗМ
США
в Латинской
Америке

Москва
"Мысль"
1988

РЕДАКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

чл.-кор. АН СССР, д-р экон. наук В. В. ВОЛЬСКИЙ,
канд. экон. наук Э. И. ПАНКОВ

Щ $\frac{0604000000-152}{004 (01) -88}$ 28-88

ISBN 5-244-00035-7

©Издательство "Мысль". 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема, вынесенная в заголовок данной работы, может показаться развитием традиционной темы политических аспектов взаимоотношений между Соединенными Штатами Америки и их южными соседями. Однако узкорегиональный подход не дает логического объяснения изменений в межамериканских отношениях, происшедших в 80-е годы. Они неразрывно связаны с обострением глобальных проблем, стоящих перед человечеством. В докладе М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великого Октября, была по-новому поставлена проблема взаимосвязи борьбы за выживание человечества с вопросом о необходимости системы неокOLONиального угнетения для самого существования современного капитализма. Подобный широкий подход может стать основой для ряда логически развивающих его положений. Так, если империализм не может существовать без эксплуатируемой периферии, то он не может не защищать всеми силами и средствами данное положение дел. Поэтому под любыми проявлениями политики, направленной на консервацию отношений неокOLONиализма, в какие бы идеологические формы эта стратегия ни рядилась, необходимо искать более глубокие корни, связанные в первую очередь с экономическими интересами. Вместе с тем выдвигание политических аспектов на первый план имеет под собой и объективную основу: борьба за изменение неравноправного положения бывших колониальных стран и ее перспективы тесно связана с основным противоречием нашей эпохи и предстает в виде противодействия "коммунистической экспансии".

В первых рядах антикоммунистического похода начала 80-х годов выступила администрация США, стремящаяся восстановить былые позиции Соединенных Штатов как экономического, идейного и политического лидера Запада, создать более благоприятную обстановку для высокоприбыльной деятельности их финансового капитала. Эти задачи и установки американских правящих кругов нашли свое отражение и в подходе к бывшим колониальным странам, получившем название "доктрины неоглобализма". В эту концепцию вошли составной частью многие интервенционистские идеи предшественников Рейгана, но она имеет и свои характерные черты. Во-первых, "противоборство с коммунизмом" ведется

по всему миру, и любое прогрессивное изменение в любом регионе может быть квалифицировано как результат "подрывной деятельности Советов". Такой унифицированный подход к народам, подвергавшимся безжалостной эксплуатации империализмом, намерение сохранить ее любыми средствами составляют суть концепции неоглобализма, которая "для того именно и изобретена. Она представляет собой наиболее обобщенное выражение политики современного колониализма и милитаризма"¹ — этот вывод М. С. Горбачева, сделанный во время визита в Индию в ноябре 1986 г., наглядно подтверждается латиноамериканской практикой Вашингтона. Во-вторых, эта доктрина предполагает использование всех способов воздействия на страны, попавшие в фокус внимания США, причем наиболее надежным, хотя и крайним средством является прямое использование американской военной мощи. Именно в 80-е годы началось накачивание мускулов специальных "сил быстрого развертывания", предназначенных для действий прежде всего в развивающихся странах. В-третьих, для "реагирования" на критические, с точки зрения Вашингтона, ситуации предполагается привлекать как можно более широкий круг участников. Становится более гибким подход к выбору союзников. Ставка делается на того из них, чьи интересы в данный момент больше всего отвечают целям США.

Следуя указанию В. И. Ленина о том, что "диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к конкретным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе"², в предлагаемой вниманию читателя книге наряду с рассмотрением конкретных проявлений экспансионизма США в отношении Латинской Америки в 80-е годы предпринята попытка анализа его экономической базы, выявления, а по возможности и персонализации движущих сил американской региональной политики.

Такое понимание движущих сил и истоков неоглобализма обусловило структуру данной работы. Начав с рассмотрения Латинской Америки как "сферы приложения" доктрины неоглобализма и одновременно как одной из "болевых точек" неоколониальной империи США, проблемы которой в 80-е годы породили интересующую нас концепцию, авторы анализируют далее основные движущие силы американской экспансии в южном направлении и созданный ими же комплекс экономических противоречий. На этой основе сформировался тугий узел межгосударственных конфликтов и социальных антагонизмов, завязанный на коренной противоположности интересов капитала США и эксплуатируемых им латиноамериканских народов. Таким образом, исследование, начинаясь со сферы внешней политики, охватывает затем экономические проблемы, идя как бы расширяющимися кругами и раскры-

вая постепенно весь комплекс движущих сил и интересов, породивших и питающих доктрину неоглобализма. Отход от традиционной "отраслевой" схемы рассмотрения противоречий между США и Латинской Америкой определяется стремлением найти свой подход в отличие от ранее вышедших печатных трудов, касающихся как исторических корней американского неоглобализма³, так и конкретных проблем меж-американских отношений⁴.

80-е ГОДЫ: НОВЫЙ РАУНД "НАСТУПЛЕНИЯ НА ЮГ"

Истоки и движущие силы

В современный период резко обострились проблемы выбора пути развития странами "третьего мира". При этом сама жизнь недвусмысленно демонстрирует перед ними бесперспективность попыток преодоления разрыва между "богатым Севером" и "бедным Югом" на пути зависимого капиталистического развития. Появление таких форм эксплуатации, как технологическая и долговая зависимость, ослабило надежду развивающихся стран увидеть "свет в конце туннеля". В этих условиях успех социальных преобразований в какой-либо из них послужил бы, с точки зрения их бывших "опекунов", слишком опасным примером. Противостоять ему без периодического возврата к использованию самых грубых форм насилия они уже не могут. Поэтому современному этапу борьбы освободившихся стран за возможность самостоятельного развития сопутствует возросшая агрессивность империализма вплоть до рецидива некоторых методов из арсенала эпохи колониализма.

В этом контексте и следует рассматривать доктрину неоглобализма, одной из основ которой является концепция "конфликтов малой интенсивности". Эта модификация интервенционистской стратегии США ориентируется на разжигание и использование конфликтов в Латинской Америке, Африке, Азии и проводится в жизнь в первую очередь Пентагоном, но захватывает также сферу интересов госдепартамента и в той или иной степени осуществляется им. Подход руководства США к проблеме вмешательства в "конфликты малой интенсивности", или, как их еще называют, "конфликты в зонах жесткого соперничества", не исключает возможности использования американского военного потенциала в качестве дипломатического средства*. Это — откровенное признание политики "с позиции силы".

Опасность стратегической концепции применения военного насилия и других видов давления для решения конфликтов

* Приведем в подтверждение слова Р. Рейгана: "Цель наращивания и укрепления вооруженных сил США — убедить Советы, что враждебные действия повлекут за собой равное или даже большее по силе возмездие. Это сработало в Гренаде" (President's Size-UP of the World. An exclusive interview with President Ronald Reagan // U. S. News and World Report. 1983 — 84. N 26. P. 35).

в интересах США заключена прежде всего в ее характере как тоталитарной доктрины, диапазон которой охватывает все регионы и аспекты американской политики. Реализация ее не только создает непосредственную угрозу военного вмешательства США, но и способствует созданию новых очагов конфликтов. Кроме того, чрезвычайно усиливается опасность перерастания ограниченных конфликтов в войны или даже в мировую атомную катастрофу. Такое положение в немалой степени является следствием того, что "многие члены рейгановской администрации... не были довольны "сдерживанием"; вместо этого они стремились отбросить назад коммунизм в третьем мире... что получило значительный импульс во второй срок пребывания Рейгана у власти и стало известно как "доктрина Рейгана". В применении к Центральной Америке и странам Карибского бассейна указанная доктрина была нацелена против Никарагуа и Гренады и, возможно, при благоприятных обстоятельствах, также и против Кубы"¹. Подобная интервенционистская концепция все больше ориентируется на тайные, в значительной степени превентивные по характеру действия с целью создать условия для проведения военных операций или сделать возможным быстрое, "не бросающееся в глаза" уничтожение пустившего ростки прогрессивного, антиимпериалистического движения. Такая установка нашла свое отражение в президентской директиве № 138 от 3 апреля 1984 г., которая закрепила "право" США вмешиваться во внутренние дела суверенных государств путем использования широкого спектра военных, подрывных и невоенных средств нажима.

Однако доктрина неоглобализма не является выдумкой Рейгана, и она не плод только его личных усилий. В число "многих членов администрации" входит значительная группа истинных творцов американского экспансионизма. Некоторые из них непосредственно стоят у руля власти, другие находятся в тени. Напомним, что в США имеется множество частных организаций, занимающихся борьбой против "международного коммунизма". Часть этих организаций непосредственно финансирует подрывные объединения и группы, действующие против законных правительств демократической направленности во многих странах мира, в том числе в Никарагуа. Так, непосредственное руководство распределением средств, получаемых от ультраправых, осуществляли лица, близкие к руководящим кругам администрации США; среди них шеф оперативного отдела ЦРУ Д. Клэридж, один из руководителей вторжения на Гренаду, генерал П. Гормэн, известный по "ирангейту" сотрудник аппарата Совета национальной безопасности США подполковник О. Норт и др.

Можно было бы привести множество фактов и эпизодов из области активности, развиваемой в Соединенных Штатах десятками организаций, которые занимаются "теоретиче-

ской" разработкой и практическим осуществлением того, что называют "доктриной Рейгана". Как следует из анализа стратегии неоглобализма в части, связанной с концепцией "конфликтов малой интенсивности", первоочередными ее целями являются:

— создание благоприятных предпосылок для максимально эффективного военного вмешательства в различные конфликтные ситуации в развивающихся странах ввиду повышения их значимости для США;

— всеобъемлющий контроль Вашингтона над региональными конфликтами, а также революционными процессами в их начальной стадии, чтобы в зародыше уничтожить возможность невыгодного ему исхода конфронтации, упрочить реакционный потенциал участвующих в столкновении сил и способствовать проимпериалистическому решению конфликта, не понеся при этом значительных военных и политических потерь;

— усиление американской поддержки в деле укрепления полицейского, карательного аппарата, дабы не возникло необходимости спасать режимы, зашатавшиеся под натиском освободительной борьбы народных масс.

Появление доктрины неоглобализма положило конец иллюзиям 70-х годов, расчетам на то, что силы империализма после ряда поражений в их военных авантюрах будут избегать методов прямого давления и эксплуатации, характерных скорее для колониального периода. Примеры с Аргентиной, Гренадой, Никарагуа ясно показали, что наиболее агрессивные империалистические круги по-прежнему предпочитают рычаги прямого насилия для обеспечения своих интересов в Латинской Америке. Таким образом, неоглобализм отражает процесс милитаризации отношений между ведущими империалистическими державами и эксплуатируемой ими частью капиталистического мира с целью воспрепятствовать прогрессивным изменениям. В этом смысле Р. Рейган, как он и сам признает, не внес ничего принципиально нового в американский подход к отношениям между народами. "Военная сила остается константой американской внешней политики" — на этом тезисе зиждется, по сути, вся концепция неоглобализма.

В целом и применительно к Латинской Америке в частности эта доктрина мало чем отличается от идей политических деятелей США тех времен, когда молодой американский империализм настойчиво завоевывал себе "место под солнцем". В начале века президент Теодор Рузвельт, импонирующий монополиям открытостью в выражении их интересов, прямо заявлял, что Центральную и Южную Америку "следует превратить в наш протекторат, и все будет в порядке". Действия нынешней администрации и стоящих за нею сил в Латинской Америке преследуют на практике ту же цель. Отличие состоит лишь в том, что если Т. Рузвельт цинично и во всеусл-

лышание говорил о нежелании считаться с "презренными нищими республиками", то Р. Рейган прикрывает грубый нажим разглагольствованиями о необходимости "восстановления демократии" и борьбы с "проникновением коммунизма" в Латинскую Америку.

В 80-е годы отношение к проблемам Центральной Америки и Карибского бассейна стало одной из "лакмусовых бумажек", на которых проверялась искренность тех или иных программных заявлений и деклараций Белого дома. Подтвердилось, что он ни на шаг не отступил от своих общих теоретических постулатов, и "независимая" комиссия Генри Киссинджера наглядно продемонстрировала наличие преемственности в тесной связи политики неоглобализма с курсом предыдущих администраций. Проанализировав действия США в Центральной Америке в первой половине 80-х годов, комиссия в своем докладе одобрила принятый подход к проблеме региона как составной части конфликта "Восток — Запад" и пришла к выводу, что ситуация угрожает интересам США².

Такое совпадение взглядов не является случайным. Администрация Р. Никсона, при которой Г. Киссинджер был помощником президента по национальной безопасности, а затем государственным секретарем, воочию продемонстрировала свое отношение к революционным процессам в Латинской Америке активным участием в свержении правительства Сальвадора Альенде в Чили. Небезынтересно, что тот же Киссинджер до начала своей карьеры на государственной службе был одним из ближайших советников Д. Рокфеллера, который возглавлял аналогичную комиссию по латиноамериканским проблемам, функционировавшую в прошлом десятилетии.

При этом далеко не все причины разработки "новой" доктрины лежат на поверхности, и правящие круги США не заинтересованы в их афишировании. Но без этих звеньев, хотя некоторые из них кажутся далекими от проблем региона, логическая цепь причин и следствий нарушается. Как отмечает советский исследователь А. Н. Яковлев, особый интерес США к Латинской Америке определяется тем, что они тратят на военные цели значительное количество потребляемого сырья, стремясь одновременно сохранить свои стратегические запасы сырья, а в некоторых случаях и увеличить их³. Американские монополии охотно пошли бы на расширение добычи сырья за границей, в частности в Латинской Америке, где за счет использования дешевой рабочей силы можно получать высокие прибыли. Однако страны региона, защищая свои ресурсы, неоднократно ограничивали деятельность иностранных ТНК, координировали свои действия в рамках международных организаций и т. д. Отсюда, с точки зрения американских неоглобалистов, усиливается необходимость защиты районов, из которых США получают сырье, от мнимой "коммунистиче-

ской угрозы”, а она в последнее время все чаще приписывается и национально-освободительным движениям.

Латиноамериканская действительность 80-х годов подбросила немало топлива в костер подобных псевдологических построений. Она отличалась небывалым в послевоенные десятилетия, да, пожалуй, и за всю историю Латинской Америки, феноменом одновременного укрепления общедемократических тенденций практически во всех крупнейших странах региона, которые заняли во многом неприемлемые для правящих кругов США позиции по вопросам взаимоотношений с транснациональным капиталом и по проблемам самостоятельного выбора пути развития.

Военные режимы диктаторского типа, верой и правдой служившие интересам крупного капитала вне зависимости от его национальной принадлежности, были вынуждены уступить свое место в таких ключевых странах региона, как Бразилия, Аргентина, Уругвай. Гражданские правительства, отражая настроения окрепшего национального капитала, явили собой резкий контраст с прежними, относительно сговорчивыми, во многом зависящими от США диктатурами. В этой связи Фидель Кастро отмечал: “Невозможно себе представить, чтобы новые руководители этих стран, вставшие во главе процесса демократизации после долгих лет военной диктатуры, бросили на улицу армию и полицию стрелять в народ для того, чтобы провести меры Международного валютного фонда и выплатить долг до последнего сентаво”. И далее: “Эти руководители со всей ясностью высказали три положения, заявив, что они не собираются перекладывать на плечи народа бремя последствий задолженности, что они не собираются проводить политику сокращения производства и что они не собираются жертвовать развитием страны. Они выдвигают это в качестве трех основных предпосылок”⁴.

Особое недовольство в Соединенных Штатах вызвало изменение позиций этих государств в отношении Кубы. Одним из следствий активных процессов демократизации было принятие в 1986 г. решения восстановить в полном объеме бразильско-кубинские дипломатические отношения, прерванные в 1964 г. после военного переворота в Бразилии. Ее министр связи А. Карлос Магальяэш назвал историческим событием диалог между бразильским президентом Ж. Сарнеем и Ф. Кастро в январе 1987 г. по только что проложенному прямому проводу Куба – Бразилия.

В октябре 1985 г. последовало соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Кубой и Уругваем после 20-летнего перерыва, навязанного Вашингтоном. Президент Уругвая Хулио Мариа Сангинетти объявил об отмене ряда статей Декрета 343, по которым запрещалось поддерживать дипломатические и торговые связи, а также морское сообщение с Кубой, и приветствовал возобновление контак-

тов с "братским народом, который принадлежит к той же культуре"⁵.

Аргентина к этому времени продвинулась гораздо дальше в развитии отношений с Кубой и другими социалистическими странами, что связано с более ранним переходом к гражданской форме правления. В конце 1986 г. президент Рауль Альфонсин посетил с официальным визитом Кубу и Советский Союз. Обосновывая необходимость расширения таких контактов, он указал, что Куба должна играть важнейшую роль в разрешении центральноамериканского кризиса "благодаря в первую очередь ее большому влиянию в регионе"⁶. Во время встречи лидеры обеих стран констатировали единство в подходе к стоящим перед Центральной Америкой проблемам, которые должны решаться лишь посредством переговоров, и подтвердили в этой связи особую важность деятельности Контадорской группы*, а также группы ее поддержки, к которой принадлежит Аргентина.

Срыв американских попыток бойкота Кубы подтверждает и факт успешного развития ее связей с другими странами, например с Испанией, в последние годы. Во время официального визита на Кубу в 1986 г. главе испанского правительства Ф. Гонсалесу был вручен орден Хосе Марти в первую очередь за выдающуюся роль в развитии и укреплении демократии в своей стране, ее поддержку в Латинской Америке, личный вклад в дело улучшения отношений между Кубой и Испанией.

Непривычной для прежних времен традицией становятся постоянные контакты государственных деятелей Латинской Америки с руководителями КПСС и Советского государства. Особо следует выделить отношения с Мексикой. Поддержка, которую оказывает СССР мексиканским инициативам по обеспечению мира в Центральной Америке, высокая оценка ее роли в Движении неприсоединения, в Контадорской группе нервируют официальный Вашингтон. В общем комплексе мексикано-американских проблем его особенно раздражает независимая позиция Мексики по вопросам отношений с социалистическими странами и поддержки национально-освободительных движений в регионе. В 80-е годы расхождения, особенно в оценках ситуации в Центральной Америке, становились все глубже и достигли своего пика в середине десятилетия, когда США готовили прямую интервенцию в Никарагуа.

Журнал "Тайм" в августе 1986 г. отмечал, что отношения между США и Мексикой находятся на самой низкой отметке за 50 лет. По мнению бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, "мексиканский кризис так глубок, что должен быть включен в число важнейших приоритетов". В клубок противоречий между двумя соседями вплетаются проблема нелегальной мексиканской эмиграции в США, конфликты по воп-

*Мексика, Панама, Колумбия, Венесуэла.

росам морского права и рыболовства, ущерб, наносимый Мексике американскими протекционистскими мерами, и т. д. Причем "стаж" каждой из проблем насчитывает не один десяток лет, а в 80-е годы они получили солидное подкрепление в виде кризиса мексиканской задолженности.

Другим неприятным для администрации США сюрпризом 80-х годов стало изменение политической направленности победившей в 1985 г. на выборах в Перу прежде консервативной Народной партии (АПРА). Ее лидер Алан Гарсиа Перес в своей речи при вступлении на пост президента выдвинул такие крамольные, с точки зрения Вашингтонской верхушки, лозунги (солидарность с Сандинистской революцией и деятельностью Контадорской группы, необходимость создания латиноамериканского фронта в ее поддержку), что был занесен в список "марксистов". Не часто в Национальном конгрессе Перу в прежние времена можно было услышать от лидера апристов обвинения по адресу транснациональных корпораций, Международного валютного фонда, американского и мирового империализма, на которых президент возложил ответственность за острейший социально-экономический кризис в стране. Один из тезисов "тронной речи" А. Гарсиа Переса, вначале не привлечший особого внимания, скоро стал центральным в борьбе между перуанским президентом и теми, кого он обличал. Речь идет об ограничении выплат по внешнему долгу Перу, возросшему к середине 1985 г. до 14 млрд долл., 10% от общей суммы экспортных доходов, что прибавило немало забот американским транснациональным банкам, на которые приходится немалая доля перуанской задолженности.

Причины прогрессивных сдвигов в общественных настроениях, известного "полевения" и роста антиамериканизма в Латинской Америке многообразны и неравнозначны. В их основе лежат накопившиеся за предыдущие десятилетия противоречия, прежде всего экономического плана. В свою очередь эти сдвиги повлияли на доктрину неоглобализма: ее оформление — как пропагандистское, так и организационное — шло на протяжении 80-х годов во многом и под влиянием событий в Латинской Америке, которые отражаются в сознании правящих кругов США как следствие "происков мирового коммунизма".

Примечательно, что некоторые ее положения охотно используются и другими империалистическими державами. Подобная деятельность наблюдалась и раньше, отличительной же чертой 80-х годов стало энергичное идеологическое и практическое противодействие ей со стороны Латинской Америки. В результате США оказались перед явной тенденцией консолидации латиноамериканских государств, окрепшей в связи с Вашингтонской политикой поддержки Великобритании в ее конфликте с Аргентиной. Как отмечалось на международной

теоретической конференции в Гаване, посвященной анализу противоречий между странами Латинской Америки и США (1983), "в условиях повсеместного подъема революционной активности наших (латиноамериканских.— Авт.) народов ни одна южноамериканская страна не пошлет своих солдат убивать и умирать в Никарагуа или Сальвадоре. Подобного рода планы, казавшиеся реальными в тот период, когда в Центральной и Южной Америке существовали два совершенно разных уровня борьбы, сейчас неосуществимы. И именно поэтому возрастает опасность прямой военной интервенции США"⁷.

Администрация Соединенных Штатов предприняла ряд мер по усилению интервенционистского потенциала, направленного против развивающихся стран. Сюда относятся наращивание мощи флота, укрепление базирующихся в районах возможных конфликтов региональных командований (тихоокеанское формирование — до 115 тыс. солдат и офицеров; "ответственное" за Латинскую Америку "Южное командование" — 19,5 тыс. человек), развитие сил СЕНТКОМ*, предназначенных для глобального военного удара, расширение сети опорных пунктов для передового базирования оружия и военного оборудования вблизи очагов конфликтов.

В целях демонстрации и увеличения ударной мощи "сил быстрого развертывания" проводятся совместные маневры военных подразделений США с вооруженными силами латиноамериканских стран, особенно в Центральной Америке, а то, что Вашингтон использует свои "силы быстрого развертывания" не только как средство угрозы, доказывает хотя бы нападение на Гренаду, в котором принимали участие подразделения СЕНТКОМ.

Основу военного вмешательства США в "конфликты малой интенсивности" составляют вооруженные силы специального назначения (Special Operation Forces). По бытующему в Вашингтоне мнению, их задача состоит в демонстрации американской мощи там и тогда, где и когда применение обычных вооруженных сил преждевременно, не соответствует обстановке или невозможно. Одно из таких "боевых крещений" получило соединение в составе 32 тыс. человек в ходе вероломного нападения США на Гренаду. До 1990 г. в рамках плана "Возрождение" численность таких соединений должна быть увеличена до 38,4 тыс., оснащение модернизировано, ударная мощь повышена. В эти войска, которые созданы и используются без согласия конгресса, входят воздушные, морские и сухопутные силы. В очередной раз печальную славу снискали себе в агрессии против Гренады "зеленые береты", к чьим специальным навыкам относится помимо прыжков

* Центральное командование — объединенное командование "силами быстрого развертывания".

с парашютом и умения выжить в самых тяжелых условиях также "искусство" бесшумного убийства. Эти навыки передаются в порядке "обмена опытом" репрессивным аппаратам диктаторских режимов, в поддержке которых заинтересованы США.

В 80-е годы были приняты энергичные меры для повышения боеспособности и усиления частей "Южного командования", которое рассматривается в регионе как "острие копья агрессии, направленной против центральноамериканских народов", как образно назвал его видный колумбийский журналист Р. Лейс⁸. Его штаб-квартира находится в зоне Панамского канала, а личный состав сосредоточен в основном на военных базах США в бассейне Карибского моря. Уже в начале 1984 г. американские военные признавали, что создана "структурная основа, которая позволяет "Южному командованию" реагировать в случае необходимости". Под этим имелась в виду не только "оборона" самого Панамского канала, но и "защита стабильности Латинской Америки, где Никарагуа является главной угрозой миру"⁹. Только за 1984—1986 гг. в военных учениях, проводимых для подготовки к "отражению сандинистской угрозы", участвовало несколько десятков тысяч американских военнослужащих.

Составную часть доктрины неоглобализма, в частности ее латиноамериканского аспекта, представляет консолидация всех антидемократических сил в борьбе против "экспансии коммунизма". Так, английское руководство, оказывая негласную поддержку "контрас", как бы расплачивалось с Вашингтоном, предоставившим важные для английских войск разведывательные данные во время фолклендской операции Лондона. Никарагуанские контрреволюционеры получили в 1985 г. из Великобритании несколько партий оружия на сумму как минимум 18 млн ф. ст. (более 20 млн долл.). А в ходе расследования "ирангейта" выяснилось, что в поставках оружия Ирану и перечислении вырученных средств "контрас" участвовала подставная консультативная фирма, созданная в Эдинбурге тогдашним заместителем военного атташе посольства США в Лондоне полковником Уильямом Моттом. Как оказалось, он способствовал также отправке "специалистов" из авиадесантных сил Великобритании в Центральную Америку для обучения антисандинистов, причем действовал в контакте с О. Нортом.

Активную помощь Соединенным Штатам в их попытках удушить общедемократические и революционные движения в регионе оказывает Израиль. Как один из крупнейших в мире экспортеров оружия он получает немалые выгоды от затруднений американской администрации в отношениях с "чересчур диктаторскими" режимами. Вашингтон, разрываясь между стремлением играть роль лидера "свободного мира", защищая "права человека", и необходимостью поддер-

живать своих ставленников в развивающихся странах, с облегчением оставляет Израилю роль ведущего продавца оружия Центральной Америке. Армии таких стран, как Гватемала и Гондурас, на 30 — 40%, а как Сальвадор и Никарагуа (при Сомосе), на 75 — 80% оснащены оружием, полученным из Израиля. Для широких слоев населения Никарагуа израильское оружие стало столь одиозным, что на одной из площадей столицы после победы революции установили как напоминание и символ свергнутого ненавистного режима многократно увеличенный макет автоматической винтовки "Галил", переломленной пополам.

К тандему США — Израиль присоединяются обычно и другие верные союзники Соединенных Штатов из числа мелких вассалов. Под давлением Вашингтона проамериканские режимы Южной Кореи и Тайваня приняли посильное участие в секретном финансировании никарагуанских контрреволюционеров. Непосредственным организатором этой акции выступил бывший начальник штаба американских сухопутных войск генерал Дж. Синглауб. После отставки он не оставил поприще борьбы за "демократию" в ее вашингтонском понимании, а продолжил ее на посту председателя американского отделения Всемирной антикоммунистической лиги.

Постоянным оплотом и "рассадником" коммунизма в регионе для американского истеблишмента была и остается Куба. Здесь преемственность взглядов и политики всех администраций проявляется наиболее ярко. Попытки добиться экономической и политической изоляции острова Свободы имеют своей целью не только задушить революционный процесс в самой стране, но и нейтрализовать огромное идейное влияние Кубы на развивающиеся государства, в первую очередь латиноамериканские. Опыт построения реального социализма в некогда одной из самых отсталых и эксплуатируемых стран столь притягателен, а ее внешнеполитическая активность и влияние настолько наглядны, что в глазах правящих кругов США Куба превратилась в страшный символ нежелательной исторической перспективы развития Латинской Америки.

В плане практических задач их политики в регионе ультраправый Комитет Санта-Фе, разработавший ее основные направления на 80-е годы, выдвинул на передний план необходимость изоляции Кубы от других латиноамериканских государств, программу подрыва кубинской экономики и нейтрализации внешней политики Гаваны. Она предусматривает, во-первых, попытки воздействовать на экономическую ситуацию в стране путем организации ее блокады. Для этого используется как прямой запрет на торговлю с Кубой для американских компаний, так и давление на западноевропейские страны и Японию, чтобы заставить их присоединиться к блокаде. Во-вторых, усиление идеологического давления путем

подрывной пропаганды, внедрения американских стереотипов жизни и т. п. В-третьих, стремление помешать Кубе оказывать поддержку тем силам в регионе, что борются против гегемонии США (Гренада, Никарагуа и т. д.).

Ввиду серьезной угрозы, которая исходит от США для региональной и международной безопасности, кубинское правительство заявило о своей готовности использовать все возможности, включая переговоры, для ослабления напряженности в регионе, в частности начать прямой диалог с США для решения наиболее спорных вопросов. Ф. Кастро вновь подтвердил это в 1986 г. на III съезде Коммунистической партии Кубы. Однако в духе пресловутой дипломатии "с позиции силы" правоконсервативные круги назначили непомерно высокую цену за изменение американской политики. Элементами этой цены объявлены ни много ни мало свертывание связей Кубы с другими социалистическими странами, прежде всего с СССР; изменение внутренних общественных отношений; отказ от солидарности с народами Латинской Америки, борющимися за свою независимость. В качестве важнейшего условия выдвинут пересмотр позиции Кубы как члена СЭВ, поскольку ее тесное и все расширяющееся экономическое сотрудничество с социалистическими странами является решающей предпосылкой ее независимости, свободы и успешного экономического развития в интересах народа. В то время как США не проявляют желания отойти от политики массовой конфронтации, уже сегодня становится ясно, что их попытки заблокировать и политически изолировать Кубу потерпели фиаско. "Нравится это США или нет,— заявил Ф. Кастро,— они должны считаться с революционной Кубой, примириться с ее существованием, с теми изменениями, которые произошли в мире"¹⁰.

Другое свидетельство усиления агрессивных антидемократических тенденций со стороны руководящих кругов Соединенных Штатов представляет их реакция на независимую политику революционной Никарагуа, которую Рейган назвал "раковой опухолью" Центральной Америки. В одном из выступлений он запугивал своих сограждан тем, что Никарагуа под руководством сандинистов превращается во "вторую Кубу", хуже того — во "вторую Ливию, прямо у границ США"¹¹. При этом президент и его сподвижники преднамеренно стремятся изобразить прогрессивные преобразования и внешнюю политику этой страны как звено единой террористической цепи, протянувшейся через весь развивающийся мир и направленной, естественно, против США. В подобной интерпретации Центральная Америка предстает в виде бочки с динамитом, бикфордов шнур от которого находится под контролем Советского Союза и Кубы.

В последние годы, исходя из подобных установок, администрация США организовала кампанию давления на своих

южных соседей с целью заставить их отказаться от поддержки или даже сочувствия Никарагуа. Методы давления и лихорадочная активность в попытках изолировать "непокорную" страну очень напоминали деятельность правительства Кеннеди в 60-е годы в связи с революцией на Кубе. Однако с тех пор обстановка существенно изменилась. Если два десятилетия назад давлению Соединенных Штатов поддались все государства региона, кроме Мексики, то теперь они выступили достаточно сплоченным фронтом в поддержку Никарагуа. Помимо Контадорской группы, которая с 1983 г. последовательно проводит курс на обеспечение мира в Центральной Америке, в 1985 г. была создана группа поддержки Контадоры. В ее состав вошли Бразилия, Аргентина, Уругвай и Перу.

Если в начале 80-х годов аргентинские военные советники, например, участвовали в обучении никарагуанских контрреволюционеров, в том числе (совместно с израильскими инструкторами) и подводников для минирования портов Никарагуа, то теперь личный посланник американского президента не сумел добиться изменения позиции гражданского правительства Р.Альфонсина. Другая иллюстрация: организовав экономическую блокаду Никарагуа, администрация США была вынуждена констатировать, что даже ближайшие союзники отказали ей в прямой поддержке. М. Тэтчер в мае 1985 г. подчеркнула, что ее правительство в принципе выступает против подобных санкций и считает экономическое эмбарго неэффективным. Аналогичную позицию заняли правительства Испании, Австралии, Канады, Норвегии, некоторых других стран — членов НАТО.

Болезненный удар по престижу американской администрации был нанесен Международным судом в Гааге, который признал США виновными в агрессии против Никарагуа. В этой ситуации Вашингтон прибег к недостойному приему. За день до того, как Никарагуа подала жалобу по поводу минирования ее портов и других подрывных действий со стороны США, администрация Рейгана объявила о том, что не признает правомочия высшего юридического органа ООН по рассмотрению подобных вопросов. В то же время отказ от участия в процессе под фальшивым предлогом "использования Международного суда в политических целях" не помешал ей активно использовать трибуну ООН для антисандинистской пропаганды и обвинений в "терроризме". Отпор этим инсинуациям дал на заседании Совета Безопасности при рассмотрении вопроса о невыполнении Соединенными Штатами решения суда в Гааге министр иностранных дел Никарагуа Мигель Д'Эското. "Мы не требуем никаких санкций против США, — заявил он, — но считаем необходимым напомнить о том, что несоблюдение международных обязательств приведет к превращению силы в решающий аргумент международных отношений, а США будут выступать как судья, свидетель, проку-

пор, полиция и сторона в своем собственном деле"¹². Такой диалог на равных, ведущийся представителем ранее послушной "банановой республики", раздражает имперски мыслящих руководителей США, вызывает у них все новые приливы неоглобалистских настроений.

Многочисленные проблемы, связанные с "ирангейтом", похоже не охладили пыл правых, борющихся с коммунизмом на "заднем дворе Америки". В начале 1987 г. известный "мозговой трест" американских ультраконсерваторов "Хэритидж фаундейшн" обнародовал доклад, где назывались 20 целей, достижение которых необходимо для передачи "консервативного наследия" преемнику Р. Рейгана. Оправдывая наименование своей организации — "Фонд наследия", составители доклада включили в список задач все те же требования уже сточить блокаду Кубы, усилить давление на Никарагуа, вплоть до разрыва дипломатических отношений, добиваться перестройки ООН, где США все чаще оказываются без поддержки даже своих верных союзников. Следует отметить, что рекомендации "Фонда наследия" всегда воспринимались Вашингтоном как обязательные для исполнения, а в составе его важную роль играют представители промышленных и банковских кругов США, действующих в Латинской Америке. А капиталу США "к югу от Рио-Гранде" приходится сталкиваться со все более ожесточенным противодействием не только латиноамериканских народов, но и конкурентов из других стран.

Обострение конкуренции в бывшей американской вотчине

За спиной американских политиков и идеологов-неоглобалистов стоят крупные корпорации США, чьи интересы оказались очень серьезно задетыми именно в 80-е годы. Соотношение сил в сфере конкуренции международных монополий и банков в регионе меняется кардинальным образом, что отражает как общие тенденции в капиталистическом мире, так и характерные только для Латинской Америки моменты¹³. Господство американского капитала сменяется все большим обострением конкуренции со стороны как западноевропейских стран, так и в первую очередь Японии (табл. 1).

Прямые частные инвестиции японских компаний в Латинской Америке к апрелю 1986 г. выросли до 15,8 млрд долл. Действуют они осторожно, в отличие от американских ТНК, стремясь не вызывать столкновений с принимающими странами. Так, в Мексике из 750 промышленных предприятий, по официальной статистике находящихся под контролем зарубежного капитала в 1986 г., лишь 16 принадлежало японским вкладчикам. Однако реальное влияние капитала Японии

Таблица 1. Распределение прямых иностранных инвестиций в Латинской Америке, %

Страны и отрасли	1975	1980	1984
США			
Всего, млрд долл. *	22,1	43,5	51,8
Горнодобывающая промышленность	6,7	3,7	4,3
Нефтяная	15,0	10,0	11,5
Обрабатывающая	38,7	33,5	30,5
Сфера услуг*	39,5	52,8	54,0
Великобритания**			
Всего, млрд долл. ***	1,1	3,3	
Сельское, лесное хозяйство и рыболовство	12,9	1,0	
Горнодобывающая промышленность	0,2	0,3	
Обрабатывающая	78,6	53,6	
Сфера услуг	8,3	45,0	
Япония			
Всего, млрд долл.	2,9	6,2	13,0
Сельское, лесное хозяйство и рыболовство	3,0	3,2	2,0
Горнодобывающая и нефтяная промышленность	19,7	19,3	10,9
Обрабатывающая	53,3	45,1	32,5
Сфера услуг	24,0	32,4	54,6

* Исключая вложения в финансовую сферу, страхование и недвижимость на Нидерландских Антиллах.

** Исключая инвестиции в нефтяную промышленность.

*** Данные за 1974 и 1981 гг.

Источник. Foreign Direct Investment in Latin America: Recent Trends, Prospects and Policy Issues. UNCTC Current Studies. N. Y., 1986. Series A, N 3. P. 4.

здесь гораздо значительнее: по общему размеру инвестиций она находится на третьем, а по товарообороту — на втором месте среди стран — партнеров Мексики¹⁴.

Весьма неприятным для руководства США является тот факт, что их конкуренты в Латинской Америке используют вашигтонскую политику бойкота Кубы и Никарагуа для достижения собственных целей. С 1985 г. начали активно развиваться торгово-экономические связи между Кубой и Великобританией. В течение двух лет Гавану посетили представители более 100 английских компаний. При переговорах среди благоприятных для расширения торговли факторов было названо отсутствие конкуренции со стороны американских фирм.

В феврале 1987 г. в столице Гондураса Тегусигальпе проводилась третья конференция министров иностранных дел стран — членов Европейского сообщества, государств Центральной Америки и участников Контадорской группы. В очередной раз с 1984 г., когда состоялась первая конференция,

США попытались оказать нажим на западноевропейские страны, чтобы заставить их присоединиться к американской блокаде Никарагуа. Однако все попытки добиться этой цели потерпели крах.

Конечно, причинно-следственные связи здесь достаточно сложны. С одной стороны, проявляется стремление западноевропейского капитала захватить образовавшуюся на рынке "нишу", с другой — в переговорах с ЕЭС даже в 80-х годах, после победы сандинистской революции, антинародные режимы соседних с Никарагуа стран выступают с ней единым фронтом. Таковую их позицию вряд ли можно считать специфической формой протеста против политики США. Скорее это игра проамериканских правительств Сальвадора, Гватемалы и Гондураса с целью выжать из Соединенных Штатов больше помощи и кредитов, и в этом торге козырной картой, причем "долгосрочного действия", служит их общая с Никарагуа позиция в рамках Центральноамериканского общего рынка (ЦАОР).

К тому же и от сотрудничества с ЕЭС эти страны выигрывают немало. Если объем помощи Европейского сообщества всем центральноамериканским странам за 8 лет — с 1979 по 1986 г. — составил 380 млн экю, то лишь в 1987 г. — уже 80 млн. ЕЭС осуществляет в Центральной Америке программы содействия мелким и средним предприятиям, обеспечения продовольствием, борьбы с детской смертностью, ряд совместных проектов. Торговля ведется на основе принципа наибольшего благоприятствования, и в целом она сводится с положительным для центральноамериканских стран сальдо. В 1985 г. заключено соглашение об экономическом сотрудничестве между ЦАОР и ЕЭС. Использование в своих интересах интеграционных процессов в развивающихся странах вообще характерно для ЕЭС. Энергично развиваются его связи с Карибским сообществом и с Андским пактом. С 1979 по 1985 г. оно выделило 220 млн экю в качестве помощи странам Андской группы, а в феврале 1987 г. вступило в действие соглашение об экономическом сотрудничестве¹⁵. Латиноамериканские страны заинтересованы в развитии контактов с Западной Европой не только в плане противодействия диктату США. Рост их задолженности требует увеличения валютных доходов, а баланс торговли между ЕЭС и Латинской Америкой в первой половине 80-х годов неизменно сводился в ее пользу, причем в возрастающих масштабах.

Помимо традиционных соперников из Западной Европы, а в послевоенный период и Японии, у США в 80-е годы появились новые конкуренты из числа стран, которые многими исследователями относятся к группе среднеразвитых государств. В первую очередь "новые индустриальные страны" Юго-Восточной Азии — Сингапур, Гонконг, Тайвань, а также Южная Корея. Для Соединенных Штатов соперничество этих

государств и территорий в целом не представляет столь серьезной угрозы, как конкуренция со стороны Западной Европы и Японии. Не обладая серьезным наукоемким потенциалом, они рискуют вступать в борьбу лишь за недостаточно заполненные ниши латиноамериканского рынка. Обычно такими зонами относительно слабой конкуренции являются торговля товарами широкого потребления, продажа оборудования для небольших предприятий и другая аутсайдерская по своей сути деятельность. Вместе с тем нельзя не учитывать, что под вывеской местных фирм в этих странах действуют зачастую филиалы американских же корпораций.

Возрастающую активность в Латинской Америке проявляет Испания, которая использует традиционно сложившиеся связи с бывшими колониями, а в пропагандистском плане пытается сыграть на общности языка, культуры и т. п. Сейчас к "розовой легенде" о цивилизаторской миссии Испании в колониальный и последующий периоды добавляются аргументы о взаимодополняемости национальных хозяйств и "близости" уровней экономического развития. Цель достаточно ясна: уверить народы и правительства латиноамериканских стран в безопасности последствий проникновения испанского капитала для их экономики и политики, в преимуществах такого сотрудничества перед привлечением средств из империалистических стран "первого эшелона". В совокупности с другими факторами такая пропаганда дает определенный эффект. Так, если в начале 60-х годов на долю Испании приходилось не более 1% во внешнеторговом обороте, то через 20 лет она превысила 2,5%, а прямые испанские вложения достигли примерно 1,5% от всех иностранных инвестиций¹⁶.

В итоге Латинская Америка приобрела для Испании немаловажное значение: в начале 80-х годов здесь находилось уже более $\frac{1}{2}$ всех испанских прямых инвестиций за рубежом, $\frac{3}{4}$ кредитов и $\frac{1}{10}$ внешнеторгового оборота страны. Активно эксплуатируя тезис о "паниберийской общности", она использует в своих интересах и процессы латиноамериканской интеграции. В 1976 г. Мадрид вступил в Межамериканский банк развития, через три года подписал долгосрочное соглашение о сотрудничестве с Латиноамериканской экономической системой (ЛАЭС), в 1980 г. — соглашение с Организацией американских государств (ОАГ) об участии в программе аграрного развития и не имевший ранее аналогов акт о присоединении Испании в качестве полноправного члена к Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА)*.

Хотя по масштабам операций испанские фирмы не представляют угрозы североамериканским монополиям, актив-

* В настоящее время — Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК).

ность Испании в регионе вызывает определенную встречную реакцию со стороны США. Например, в оценке ее исторической роли со стороны проамерикански настроенных исследователей преобладает "черная легенда", само название которой показывает, каким цветом рисуется историческое прошлое, а также современное состояние испано-латиноамериканских отношений. Но по-настоящему серьезным препятствием для их развития стали в 80-е годы последствия долгового кризиса Латинской Америки, от которого сильно пострадали иберийские банки, вовлеченные своими американскими партнерами в предоставление крупных кредитов странам региона.

Более "многообещающим" для США феноменом конкурентной борьбы становится появление новых соперников в самой Латинской Америке. Правда, пока речь может идти только о Бразилии, которая в некоторых сферах экономики достигла больших успехов. В 1985 г. страна имела актив торгового баланса в размере 12,4 млрд долл. — третий результат в мире после Японии и ФРГ. На сырьевые товары пришлось лишь 33,2% ее экспортных поступлений, в то время как на продукцию обрабатывающей промышленности — 65,6% (в том числе готовые изделия — 54,8%, полуфабрикаты — 10,8%). Несмотря на это, М. А. Алаби, генеральный координатор ФУНСЕКС — бразильской государственной организации, занимающейся внешнеторговыми исследованиями, — заявил в 1986 г., что Бразилии "необходимо уменьшить уязвимость своей внешней торговли путем диверсификации экспорта по номенклатуре и географической направленности"¹⁷.

Особых успехов добилась Бразилия в производстве и экспорте компьютеров. Вообще индустрия информатики стала одной из важнейших отраслей бразильской промышленности, технологическую независимость которой страна решительно отстаивает от посягательств американских ТНК на протяжении последних 10 лет. Становление и развитие этой отрасли в Бразилии происходили при широкой поддержке государства. Так, в 1979 г. был создан Специальный секретариат по информатике. Его деятельность не ограничивалась выдачей разрешений на импорт электронной вычислительной техники, а охватывала ее производство, внешнюю торговлю, разработку технологии, меры по защите внутреннего рынка. Разработанный им Закон № 7232 о национальной политике в области информатики был одобрен Национальным конгрессом в октябре 1984 г. Основные черты этого акта — неприкрытый протекционизм, жесткая защита национальных предприятий по производству электронной вычислительной техники от конкуренции извне. В соответствии с законом был введен контроль над импортом оборудования, компонентов, интегральных схем и отдельных изделий, имеющих отношение к микроэлектронике. Установлен также запрет на любые виды иностранных инвестиций в производство компьютеров

до 1992 г. Собственность иностранных компаний, которые уже действовали в Бразилии, не национализировалась, но расширение их производства допускалось только при одновременном увеличении экспорта.

В итоге к середине 80-х годов они утратили свое прежнее монопольное положение на внутреннем рынке страны. Лишь филиалы ИБМ сохранили первое место по объему продаж вычислительной техники. Дочерняя компания американской фирмы "Бэрроуз" со второго места в 1980 г. отодвинулась на 4-е, филиал "Хьюлетт-Паккард" – на 14-е, "Фудзицу" – на 16-е, "Спэрри" – на 17-е и "Оливетти" – на 20-е. Национальные же компании стали все активнее выходить на внешний рынок, проникая даже в США. Среди развивающихся стран Бразилия занимает 1-е место по уровню индустрии информатики, производя 60% ее продукции; если взять Латинскую Америку, то доля страны еще выше – около 75%¹⁸.

Бразилия вместе с Аргентиной сформировала в Южной Америке довольно оживленный рынок средств производства, причем заполняли они его собственной продукцией. Значительное развитие он получил уже в конце 70-х – начале 80-х годов. Ведущую роль здесь играет Бразилия, в отдельные периоды и в ряде стран серьезно оттесняя даже своего партнера-конкурента. Наличие значительной сырьевой базы, резервов рабочей силы, в том числе квалифицированной, и ряд других факторов благоприятствуют развитию обрабатывающей промышленности в стране, которая в 80-е годы даже получила возможность создавать благоприятные условия для своих соседей, объединяя их под своей эгидой.

Тенденция развития товарооборота между самими латиноамериканскими странами, вытесняя партнеров с севера и из-за океана, явственно проявилась именно в 80-е годы. Наглядное свидетельство – сопоставление доли основных империалистических центров в экспорте региона в начале 60-х годов и через 20 лет (табл. 2).

Все большие проблемы стали испытывать США в сфере финансово-кредитных отношений, где в первые послевоенные десятилетия они делили прибыли лишь с западноевропейскими конкурентами и только в 70-е годы были вынуждены несколько потесниться, когда на рынок выплеснулась огромная масса "нефтедолларов". Когда в следующем десятилетии в связи с кризисом задолженности получили довольно широкое развитие операции по обмену долговых обязательств на долю участия в латиноамериканских компаниях, одним из первых зарубежных их участников был арабский "Нэшнл бэнк оф Сауди Арабия". Превратив часть долга в активы ряда чилийских фирм, он создал в стране холдинговую компанию для контроля над своими вложениями. Аналогичную сделку осуществила японская корпорация "Ниссан", приобретя мексиканские долговые обязательства у американского банка

Таблица 2. Латинская Америка, основные направления экспорта, % к общему объему

Страны	В США		В ЕЭС		В Японию		В Латинскую Америку*	
	1961-1963	1981-1983	1961-1963	1981-1983	1961-1963	1981-1983	1961-1963	1981-1983
Аргентина	9,1	10,9	60,1	21,5	3,5	3,4	13,1	18,0
Боливия	31,7	25,7	58,9	17,2	2,4	1,5	5,4	49,2
Бразилия	39,3	20,5	31,0	26,2	2,6	6,1	6,4	15,0
Венесуэла	36,7	33,3	16,4	18,2	0,6	4,5	10,1	16,2
Гаити	52,4	78,4	36,8	16,0	4,8	0,5	1,8	1,6
Гватемала	49,6	26,9	27,8	18,9	9,4	4,5	7,5	38,2
Гондурас	60,7	54,4	13,1	18,1	0,8	5,9	19,2	12,7
Колумбия	56,7	26,6	24,8	35,9	0,8	4,5	6,5	16,8
Мексика	60,6	55,2	6,6	10,4	6,9	6,6	4,0	8,6
Панама	75,1	49,3	6,0	15,2	0,5	0,2	5,0	15,2
Парагвай	22,5	5,5	26,0	25,7	0,1	6,2	30,3	47,6
Перу	35,4	36,8	40,1	19,1	7,3	16,1	9,3	10,2
Сальвадор	30,7	30,3	31,5	25,5	20,0	4,3	15,4	26,6
Уругвай	13,9	8,5	56,3	24,4	2,0	1,6	6,1	27,2
Чили	35,7	21,7	42,1	32,2	6,3	10,7	8,9	17,8
Эквадор	61,0	48,2	24,2	3,6	4,8	5,4	6,8	19,7
Ямайка	36,0	38,6	29,7	20,6	0,2	0,8	1,7	12,4

* Страны — члены Межамериканского банка развития.

Источник. Banco Interamericano de Desarrollo. Informe Anual 1985. Wash., 1986. P. 121.

”Ситикорп” и инвестировав в автомобильную промышленность Мексики 54 млн долл.

Пошли в атаку и японские банки. Их доля в общем объеме внешней задолженности всех развивающихся стран составляет, по оценкам экспертов МБРР, 10–15%, что соответствует 100–150 млрд долл. Долг Латинской Америки образует $\frac{2}{3}$ этой суммы. Например, из 72 млрд долл., которые Мексика к началу 1986 г. была должна иностранным частным финансовым учреждениям, 48 млрд приходилось на банки Японии и Западной Европы. Частные же кредиты, предоставленные Соединенными Штатами, составляли вдвое меньшую сумму, в то время как в начале 80-х годов соотношение было обратным. Правда, здесь следует учитывать снижение заинтересованности североамериканских банков в кредитовании ввиду углубления экономических трудностей Мексики, как и всего региона. В ноябре 1986 г. правительство Мексики и Экспортно-импортный банк Японии достигли соглашения о предоставлении кредитов на общую сумму 1 млрд долл. В соответствии с ним в марте 1987 г. был заключен договор между японским банком и мексиканской государственной нефтяной компанией ”Пемекс” о предоставлении ей кредитов на 100 млрд иен (400 млн долл.). Они предназначены для строительства портовых сооружений, нефтехимических предприятий, трубопроводов и хранилищ для нефти и природного газа на Тихоокеан

ском побережье страны. Таким образом, расширяются возможности дальнейшей диверсификации и увеличения японо-мексиканского товарооборота¹⁹.

В 80-е годы все более активную роль стали играть банки самих латиноамериканских государств, отвоевывая себе место в таких традиционных заповедных сферах операций финансовых воротил США, как кредитование стран региона и обслуживание их внешнего долга. (Конечно, им достаются пока не самые прибыльные сделки, действовать приходится зачастую совместно или под косвенным контролем со стороны американских партнеров, которые стремятся извлечь выгоду даже из трудностей этих стран.) В связи с кризисом их платежеспособности в 80-е годы все большее распространение получают различные операции по обмену их долговых обязательств. И в данную сферу постепенно внедряются банки крупных стран региона, в первую очередь Бразилии.

Подобные тенденции, несомненно, тревожат руководство США, поскольку усиление позиций латиноамериканских государств способствует укреплению их независимости, способности самостоятельно принимать решения в области внешней и внутренней политики. Расширяются возможности для обмена продукцией на взаимовыгодных условиях, ослабевает зависимость от США во внешнеэкономических связях, сужается поле эксплуатации этих стран в сфере внешней торговли. Поэтому доктрина неоглобализма, развиваясь, вероятно, повернется своим острием против тех латиноамериканских стран, что пытаются выступать на равных с Соединенными Штатами на региональном и мировом рынках, затрагивая в меньшей степени старых конкурентов — империалистические государства, являющиеся политическими союзниками США, хотя борьба с ними будет продолжаться.

Таким образом, вполне обоснован тезис XXVII съезда КПСС о формировании в Латинской Америке нового центра межимпериалистических противоречий. Конечно, капитал США, как и во времена его выхода на мировую арену, использует любые средства, дабы "устранить конкуренцию даже в чужом государстве"²⁰ любыми средствами, будь то политическое давление, военное насилие или экономическая экспансия. Можно с высокой степенью точности предположить, что применение Соединенными Штатами подобного "джентльменского набора" в отношении Латинской Америки будет расширяться, поскольку формирующийся здесь узел противоречий имеет ряд неприемлемых для США особенностей. На ожесточенную конкурентную борьбу "старых" империалистических "центров силы" накладывается появление так называемого бразильского субимпериализма, а также высокий революционный потенциал Латинской Америки, антиимпериалистическая направленность которого определяет специфику обстановки в регионе.

В современных условиях борьба здесь ведется не только за рынки сбыта, источники сырья и сферы выгодного приложения капитала, хотя их относительное, а в некоторых случаях и абсолютное сокращение для империализма США очень болезненно само по себе. Огромное и всеувеличивающееся воздействие оказывают мировая система социализма, революционные идеи и опыт практического построения общества, свободного от эксплуатации, в частности на многострадальной земле Латинской Америки. На повестку дня встает вопрос об общих перспективах развития этого региона, о самом существовании системы империалистической эксплуатации на континенте.

Транснациональные корпорации: переход к "ползучей" экспансии

До начала 80-х годов на Латинскую Америку приходилась наибольшая доля иностранных прямых инвестиций в развивающемся мире. Значительное сокращение их притока объясняется прежде всего экономической депрессией в странах региона, уменьшением внутреннего спроса и огромными трудностями, связанными с обслуживанием внешнего долга. Кроме того, на инвестиционную активность ТНК оказывает влияние риск, связанный с резко участвовавшими перепадами валютных курсов. Во многих странах курсы испытывали резкие колебания вследствие частых изменений политики правительств перед лицом высоких темпов инфляции и неуравновешенности платежных балансов. Совокупность этих факторов обусловила снижение нормы прибыли до таких уровней, установление которых трудно было даже предположить в 60–70-е годы, когда Латинская Америка считалась одним из наиболее выгодных для инвестирования районов капиталистического мира. Даже с учетом вероятно намеренного занижения монополиями данных о прибылях тенденция падения нормы прибыли обозначилась достаточно наглядно (табл. 3). Естественно, это обуславливает снижение интереса монополий к новому инвестированию.

Приток частных прямых инвестиций в Латинскую Америку сократился с 1981 по 1983 г. примерно наполовину – больше, чем во всех других регионах развивающегося мира, где снижение в среднем не превысило $\frac{1}{3}$. В результате впервые за послевоенный период доля Латинской Америки в общем объеме американских накопленных инвестиций в развивающихся странах приблизилась в 1984 г. к 50%, в то время как еще в начале 80-х годов она превышала 70%. Большая часть вложений концентрируется в двух крупнейших странах региона – Бразилии и Мексике. В 1985 г. на их долю приходилось 42% всех инвестиций США в Латинской Америке по сравнению

Таблица 3. Норма прибыли на прямые частные инвестиции США за границей, %

	1980	1981	1982	1983
Развитые капиталистические страны	16,5	11,7	8,0	8,9
обрабатывающая промышленность	12,4	8,1	5,9	7,5
Развивающиеся страны	24,3	23,5	15,2	10,0
обрабатывающая промышленность	16,3	12,8	3,7	2,4
Латинская Америка	18,8	15,8	7,6	2,2
обрабатывающая промышленность	15,8	11,5	1,6	- 1,4
Остальные развивающиеся страны	41,3	40,9	29,9	21,6
обрабатывающая промышленность	18,3	18,2	12,8	18,4

Источник. Trends and Issues in Foreign Direct Investment and Related Flows. A Technical Paper. UN Centre on Transnational Corporations. N. Y., 1985. P. 30.

с 26% в 1955 г.²¹ Монополии США проявляют все больший интерес к расширяющимся внутренним рынкам этих стран, возможностям экспортировать продукцию, производимую там своими дочерними предприятиями, в страны Латинской Америки, а наиболее конкурентоспособные товары — и за пределы региона. При этом в 80-е годы иностранный капитал стремится широко освоить богатые природные ресурсы бразильской Амазонии, распространяется практика создания американскими монополиями сборочных предприятий в пограничных с США районах Мексики с их льготным налоговым режимом и избытком дешевой рабочей силы. Зарождается своеобразная интеграция стран Карибского бассейна с Соединенными Штатами в области нефтепереработки, ряде отраслей обрабатывающей промышленности, развивается туризм. Началось освоение американскими монополиями полезных ископаемых (в первую очередь нефти) на континентальном шельфе Карибского моря. Вместе с тем за последнее десятилетие в американских инвестициях понизился удельный вес Венесуэлы, ряда Андских стран (Чили, Колумбия), стран Центральной Америки, а также Аргентины, что объясняется прежде всего неблагоприятным инвестиционным климатом и финансовым положением многих из этих стран.

В 60-е и 70-е годы большое распространение в регионе получила национализация иностранной собственности как один из радикальных методов обеспечения национального суверенитета, интересов стран региона. Сильнейший удар по позициям американских монополий нанесла кубинская революция, в ходе которой были национализированы активы иностранных, прежде всего американских, монополий стоимостью около 1,4 млрд долл. В 60-е годы Аргентина, Боливия, Бразилия, Колумбия, Мексика, Коста-Рика, Перу, Чили национализировали собственность американских и других монополий на сумму около 1,6 млрд долл. Только за первую половину 70-х годов латиноамериканские страны национализировали

собственность более 30 иностранных компаний общей стоимостью свыше 2 млрд долл. В наибольшей степени эти меры затронули предприятия таких важнейших отраслей промышленности, как нефтяная, газовая и горнорудная.

В 70-е годы наметились изменения в отношениях иностранных компаний с государством и местным капиталом. Если до недавнего времени американские монополии старались задушить государственные предприятия латиноамериканских стран, то теперь предпочитают сотрудничать с ними, чтобы использовать в своих целях. Так, американские банки, ранее отказывавшие государственным предприятиям в кредитах, в 70-е годы резко изменили свою позицию. Такие сдвиги вызваны рядом обстоятельств. По мнению американцев, создание смешанных предприятий с участием национального государственного или частного капитала и монополий США уменьшает опасность национализации их собственности. Американским компаниям куда выгоднее выступать в роли равноправных партнеров, иногда предпочтительнее найти компаньона в лице местной частной фирмы или государственной организации, если это — единственный способ проникновения на рынок и наиболее надежная гарантия неприкосновенности их предприятий и применения к ним национального режима. Конечно, перспективы сотрудничества с государственным капиталом почти всегда вызывают особое неудовольствие и сопротивление американских инвесторов, поскольку с подобными партнерами им еще труднее договориться и достигнуть какого-либо компромисса при определении своей политики, чем с разрозненными частными фирмами, а также вследствие традиционной неприязни американских монополий ко всякого рода "социалистическим" формам хозяйствования. К тому же государственные организации часто стремятся поставить под свой контроль иностранные предприятия, в которых они принимают участие. В этих условиях американские бизнесмены, по их собственным признаниям, всячески старались уклоняться от партнерства с госсектором.

Изменению тактики иностранных монополий в отношении государственного сектора в немалой степени способствовала и официальная политика в отношении иностранного капитала со стороны правительств ряда латиноамериканских стран. Теперь они сами нередко стремятся привлечь его как для создания государственных предприятий, так и для развития новых отраслей.

Политика стран Латинской Америки в данной области в целом весьма непоследовательна. Используя этот фактор, Соединенным Штатам удается добиваться от них довольно значительных уступок, что наглядно подтверждается практикой заключения Вашингтоном соглашений о гарантиях американским инвесторам. Такие соглашения предусматривают четыре категории гарантий: на случай неконвертируемости

валют, экспроприации, военных действий и революции, наконец, для ряда других видов "риска". Соглашения, охватывающие гарантии всех четырех категорий, еще до начала 80-х годов были заключены с Аргентиной, Бразилией, Боливией, Чили, Колумбией, Коста-Рикой, Эквадором, Доминиканской Республикой, Венесуэлой. С Никарагуа и Панамой США заключили соглашения о гарантиях трех категорий, а с Сальвадором, Гватемалой, Гаити, Гондурасом, Парагваем, Перу, Уругваем — двух.

Эта практика — одно из важнейших средств стимулирования частных капиталовложений. Она сыграла определенную роль в том, что в 80-е годы случаи национализации были крайне редки. Систему инвестиционных гарантий высоко оценивают американские монополии и представители администрации. Между тем применяемый США механизм защиты их частной собственности в странах Латинской Америки нарушает юридические нормы и принципы действующего международного права, выходя за рамки традиционной защиты. В самом деле, в соглашениях о страховании между компанией и правительством США предусматривается право государства-страховщика (США) — в случае, если оно считает, что риск наступил, — заменить собой частную компанию в качестве субъекта права на получение вознаграждения или на требование компенсации. Таким образом, спор, который обычно относится к внутренней юрисдикции страны, декретировавшей национализацию, превращается, вопреки нормам международного права, в конфликт между двумя государствами.

Корпорации США стремятся сейчас не привлекать к себе излишнего внимания. Абсолютная сумма их прямых инвестиций, хотя и внушительная сама по себе, все же не раскрывает реального значения ТНК. Во-первых, важную роль приобрели неакционерные формы их участия в экономике принимающих стран — лицензии, контракты на управление, операции "под ключ". Во-вторых, дочерние компании ТНК зачастую осуществляют вложения за счет собственных займов, в основном на международном рынке капиталов, так что относительно небольшие прямые инвестиции материнской компании превращаются в значительное присутствие в экономике принимающей страны.

Характерно, что в крупных латиноамериканских странах доля акционерного капитала в зарубежных инвестициях постепенно уменьшилась. В Аргентине и Бразилии возросли реинвестиции прибыли вследствие увеличившихся трудностей в их переводе. Важной формой вложения средств в странах Латинской Америки является кредитование материнскими компаниями своих филиалов. Наблюдается и обратная тенденция, особенно там, где сильны позиции американских монополий. В целом с 1982 г. баланс движения капиталов из США в Латинскую Америку в финансовом секторе был отри-

цательным. Причиной этого является рост задолженности американских ТНК дочерним компаниям, которая возникла, поскольку материнские фирмы заимствуют средства, полученные их филиалами, на международном рынке ссудных капиталов. Прямые инвестиции могут способствовать процессу развития посредством привлечения иностранной валюты, технологии, "ноу-хау", использования каналов маркетинга и другими важными, но скрытыми путями. В то же время они могут способствовать потере принимающей страной определенной степени контроля над своей экономикой и переводам ресурсов за границу.

Владение акциями — лишь один канал влияния или контроля, поэтому даже самое резкое уменьшение роли ТНК как держателей акций может не повлечь за собой полного ухода со сцены, по крайней мере немедленного. Так произошло и с рядом американских ТНК в регионе. В период национализации они нередко оказывались единственными обладателями знаний и опыта в управлении производством и в маркетинге продукции тех предприятий, которыми до недавнего времени владели. Поэтому для дальнейшего эффективного функционирования этих предприятий правительства часто вынуждены продолжать сотрудничество с ТНК, чтобы избежать серьезных сбоев в национальной экономике в случаях, когда национализированный сектор обеспечивает значительную часть ВВП и экспортных поступлений.

Подобная ситуация складывалась и в развитии новых — венчурных (рисковых) — предприятий. В 70-е годы правительства обычно приобретали значительный, часто даже контрольный пакет акций таких предприятий. Но при этом в большинстве случаев за ТНК оставались реализация инвестиционной программы и управление деятельностью предприятий с момента, когда начинался выпуск продукции. Как и в случаях с национализированными предприятиями, одной из важных причин, заставлявших предлагать ТНК осуществление этих функций, являлась недостаточная квалификация национальных кадров. Другой причиной были настойчивые требования банков и других финансовых организаций, предоставляющих капитал для венчурных предприятий, чтобы до погашения их займов за выполнение проекта и функционирование объекта отвечали корпорации, имеющие длительный опыт в разработке и эксплуатации этих предприятий. Некоторые обстоятельства позволяют предположить, что значение таких неакционерных форм участия в будущем может уменьшиться. Но пока что они используются как один из рычагов давления и влияния американского капитала в экономике латиноамериканских стран.

Деятельность частного капитала США, как и американская "помощь", несет с собой другую существенную опасность. Это ярко проявилось в отношении Никарагуа, когда оказа-

лось, что ЦРУ передало "контрас" чертежи и необходимые технические данные для различных подрывных действий, диверсионных актов против электростанций, мостов, портовых сооружений, построенных в свое время по американским проектам. Таким образом, технологическая зависимость может непосредственно работать на проводников неоглобализма.

После нескольких волн национализации обеспокоенные корпорации США разработали чуть ли не специально для Латинской Америки "мобильную" технологию ряда производств. Суть этого метода заключается в том, что при возникновении угрозы для их капиталов производственные мощности относительно легко демонтируются и перемещаются в страну с более "мягким" инвестиционным климатом. В качестве примера можно указать на начавшуюся "утечку" некоторых производств из Аргентины, Боливии, Уругвая после прихода к власти гражданских правительств. Другой способ — традиционный: замаскироваться под вывеской национального производителя или вообще оставить себе только контроль за сферой сбыта, который дает очень широкие возможности для воздействия на деятельность того или иного предприятия или компании.

В магазинах многих стран мира можно встретить бананы с фирменной наклейкой "Чикита" (в переводе с испанского — "малышка"). Под этой маркой продает свою продукцию просшая корнями в латиноамериканскую почву "Юнайтед брэндс" (бывшая "Юнайтед фрут"). Она уже давно отказалась от непосредственного владения плантациями (большая их часть была продана после кубинской революции), борьбы с рабочими и правительствами принимающих стран по вопросам зарплаты, гарантий от экспроприации и т. д. Все эти проблемы стали заботой местной компании, которая формально не является североамериканским филиалом. Но ее продукция должна перевозиться по железной дороге, которая часто принадлежит той же "Юнайтед брэндс" (например, в Гондурасе — железнодорожная компания "Тэла рейлроудс"), портовые сооружения в городе Тела — тоже ее собственность, как и предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и современные суда — банановозы, без которых невозможно доставить продукцию в США.

В условиях, когда национальные производители связаны по рукам и ногам системой поставок сельскохозяйственной техники и материалов, закупок готовой продукции и т. д., деятельность ТНК прямо не вызывает антиамериканских настроений. Но латиноамериканские контрагенты, получая по контракту определенную, причем меньшую долю от суммы продаж, часто вынуждены при неблагоприятной конъюнктуре (неурожай, падение цен и т. д.) урезать заработную плату наемных работников, ухудшать условия труда, повышать его

интенсивность и т.п. Нередко местный компаньон попадает в финансовую кабалу к североамериканскому партнеру, поскольку принужден брать в долг семена, удобрения, химикаты и, конечно, денежные средства. Поэтому в ряде случаев условия труда и жизни рабочих на плантациях формально независимых латиноамериканских компаний хуже, чем в хозяйствах, принадлежащих иностранному капиталу. Естественно, это ослабляет накал борьбы против диктата монополий, и ее центр тяжести смещается на отношения с государством.

"Стандарт фрут" (с конца 60-х годов под контролем "Кэстл энд Кук") распродала к началу 80-х годов свои земельные владения в Гондурасе и Коста-Рике и большую часть бананов получает для прибыльного сбыта от местных частных производителей и кооперативов по контрактам. Как и в прежние времена, когда "Стандарт фрут" передавала деньги военным режимам в Центральной Америке "в обмен" на репрессии против профсоюзов и участвовала в свержении неугодных правительств, она готова активно участвовать в борьбе против Никарагуа. Президент фирмы Дон Кирчофф считает, что она должна действовать наступательно в партизанской войне против врагов бизнеса²².

Стремление к максимизации прибыли проявляется и в тенденции к полному охвату всего процесса производства и реализации продукции. Почти $\frac{3}{4}$ американских корпораций осуществляют свои операции в Латинской Америке через собственные торговые фирмы и филиалы. Такой внутрикорпорационный оборот приводит к двойному искажению цен в целях снижения налогов. Значительное (на 30 — 50%) завышение цен на импорт сырья, оборудования, полуфабрикатов и занижение — на экспорт готовой продукции открывают возможности не только для получения больших прибылей, но и для обхода ограничений на их вывоз. В результате происходит фактическое обескровливание наиболее важных для Латинской Америки отраслей. Кроме того, внутрикорпорационный оборот с помощью трансфертных цен не позволяет латиноамериканским странам, ориентированным на рынок США, получать преимущества от специализации их хозяйств.

К началу 80-х годов стало очевидно, что расчеты правящих кругов Латинской Америки на использование ТНК в качестве тарана для прорыва на мировой рынок, а возможно — и в круг развитых держав, не оправдались. Исследования Комиссии ООН по ТНК показали, что, скажем, в Бразилии соотношение экспорта и объема продаж у компаний, принадлежащих иностранному капиталу, обычно не выше, чем у национальных фирм. В целом в Латинской Америке за период с середины 60-х до начала 80-х годов доля экспорта в продажах филиалов американских ТНК увеличилась только с 6 до 10%, в то время как в Азии — с 23 до 62%, что косвенно характеризует высокую степень приспособляемости монополий США. Основу

экспорта большинства стран региона составляют сырье и продовольствие — и в этой области, как отмечалось, они предпочитают действовать под национальными вывесками. В передовых отраслях ТНК также занимали доминирующие позиции, поставив основную массу национальных производителей в положение аутсайдеров. Не опасаясь национализации, они действуют открыто, о чем свидетельствуют данные о доле иностранных компаний в экспорте готовых изделий (здесь им предоставлены значительные привилегии), которая к началу 80-х годов составляла 25 — 30% в Мексике, около 30% — в Аргентине и Колумбии, 43% — в Бразилии²³.

В течение 80-х годов в регионе постепенно происходило возобновление интереса к широкому привлечению иностранных прямых инвестиций, а лозунг национализации вышел из употребления. Причин здесь несколько. С одной стороны, руководство многих латиноамериканских стран убедилось в ограниченности возможностей собственными силами и с помощью заемных финансовых средств вырваться из замкнутого круга отсталости и зависимости. С другой стороны, используя рычаг внешнего долга, тесно связанные с банками ТНК практически обеспечивают неприкосновенность своих вложений. В связи с этим в Латинской Америке в последнее время не акцентируют внимание на расширяющемся поглощении иностранным капиталом национальных предприятий, прежде всего в обрабатывающих отраслях. Реальный учет данной тенденции особенно важен в свете очевидных попыток монополистического капитала США и некоторых тесно связанных с ним местных правящих кругов скрыть истинные масштабы иностранного засилья в экономике континента. Весьма показательно заявление бывшего министра финансов Бразилии Делфина Нето, утверждавшего, что участие иностранных компаний в бразильской экономике невелико, ибо на их долю приходится лишь 6% всего акционерного капитала страны. Однако конкретное соотношение сил в наиболее важных отраслях хозяйства свидетельствует о том, что иностранные монополии располагают значительно более сильными позициями и на многих участках выступают господствующей силой. В целом на их долю в 1980 г. приходились активы 500 наиболее крупных компаний в обрабатывающей промышленности страны²⁴. Подобное положение характерно не только для Бразилии.

При этом монополии предпочитают покупать уже действующие предприятия в латиноамериканской обрабатывающей промышленности, а не создавать новые. Для них это более легкая и дешевая операция. Наконец, капиталовложения зачастую осуществляются в форме поставок устаревшего оборудования, которое в материнских компаниях США уже заменено более современным. Их меньше всего заботит, что у местных предприятий будут высокие издержки производ-

ства: ведь их можно снизить, урезав зарплату рабочим. В этом, пожалуй, заключается один из ответов на вопрос о том, почему страны региона, несмотря на все усилия, так медленно продвигаются по пути индустриализации.

Имеет тенденцию к снижению, но все еще остается значительным удельный вес горнодобывающей и нефтяной промышленности в общей сумме инвестиций²⁵. По прогнозам, в ближайшее десятилетие экономическое, политическое и военно-стратегическое значение региона для США в целом не уменьшится, и Латинская Америка сохранит свое положение важного источника ценного сырья и топлива. Значит, и дальше США будут проявлять большую заинтересованность в сохранении контроля над важнейшими месторождениями минерального сырья и топлива, в частности редкоземельных элементов. В тесной взаимосвязи с уменьшением доли добывающей промышленности в прямых инвестициях США находится рост доли обрабатывающего сектора, которая возросла с 31 до 36% от общего объема инвестиций в развивающихся странах. Эти вложения в значительной степени сконцентрированы в нескольких латиноамериканских странах, в основном в Бразилии и Мексике²⁶.

В последние годы американским капиталом для проникновения в те отрасли, которые представляют особый интерес с точки зрения прибыльности или были прежде менее доступны для зарубежных инвесторов, используются операции с долговыми обязательствами. В Мексике, например, разрешено путем конверсии долга в акции не только частных, но и государственных компаний приобретать доли участия в предприятиях электронной промышленности, гостиничном хозяйстве и т. д. Особую заинтересованность в таких операциях проявили американские компании различного масштаба — от крупных, стремящихся диверсифицировать свою деятельность, типа "Форда", до небольших, как химическая фирма "Ромм энд Хасс" из Филадельфии, вложившая таким способом в Мексике 3 млн долл.

Под нажимом Вашингтона, находясь в безвыходной финансовой ситуации, правительство Мексики приняло решение ослабить контроль над иностранными инвестициями. В настоящее время наибольший интерес здесь проявляют американские ТНК, производящие наукоемкую продукцию, в частности ЭВМ и полупроводниковые приборы. Монополии США привлекают в Мексику не только ее географическая близость, но и возможность использования дешевого труда местных рабочих, которым можно выплачивать в 5—7 раз меньше, чем их американским собратьям.

В начале 80-х годов на Соединенные Штаты приходилось 70% всех прямых иностранных инвестиций в экономику Мексики, около 60% ее экспорта и 80% импорта. В 1984 г. там насчитывалось 636 сборочных предприятий с участием капита-

ла США ("макиладорас"), 565 из них находилось вблизи границы с США. Развитие земледелия, ориентированного на экспорт в США, могло бы дать работу многим мексиканцам, но его рост сдерживается недостатком водных ресурсов для сельского хозяйства. Эти два фактора определяют особенно интенсивный прирост населения приграничных районов в 60 — 70-е годы (100%) и тот факт, что более $\frac{3}{4}$ жителей страны сосредоточены в городах.

В 80-е годы достаточно наглядно стала проявляться тревожащая мексиканцев тенденция все большего экономического обособления северных приграничных муниципий и их превращения фактически в часть хозяйственного механизма США. Так, продукция американских сборочных предприятий в приграничной части штата Нижняя Калифорния потребляется в основном на месте (34,6% в 1983 г.) и в других частях штата (22,4%), а также вывозится в США (15,7%). В другие же штаты страны поступает небольшая часть продукции (26,5%)²⁷.

Заинтересованность в развитии экспорта заставляет руководство страны идти на отступление от принятых принципов. Приведем иллюстрацию. По законодательству Мексики доля иностранных фирм в капитале их местных филиалов не должна быть более половины. Между тем в 1985 г. американская ИБМ получила разрешение на строительство завода по выпуску микроэлектронной продукции в Гвадалахаре с правом увеличить долю участия в течение четырех лет с 51 до 82%. Исключение обусловлено тем, что на экспорт будет направляться свыше 90% продукции, в результате чего увеличение долларовых поступлений за пять лет может составить 620 млн долл. в случае роста производства до 600 тыс. ЭВМ в год. Оговорено, однако, что доля ИБМ на рынке Мексики не должна превышать 33%²⁸.

В погоне за прибылями американские ТНК не только переносят "грязные" производства на территории своих соседей, но и в прямом смысле слова сбрасывают туда отходы. Достаточно вспомнить в этой связи отравление вод Мексиканского залива осенью 1986 г. Сотни тонн погибшей рыбы покрыли его берега, на десятки километров протянулась мертвая зона, образовавшаяся в результате сброса отравленных отходов химического производства в американском штате Техас. Мексиканское правительство было вынуждено объявить побережье своего штата Тамаулипас зоной бедствия.

Ухудшение экологической обстановки в США и их одновременное стремление сохранить собственные источники сырья представляют еще одну причину роста внимания к Латинской Америке в 80-е годы. Характерный для империализма захват "хозяйственной территории", на который обращал внимание В. И. Ленин, осуществляется и в настоящее время, но в новых формах — покупка земель по дешевым ценам,

почти бесплатная их аренда на длительные сроки в расчете на обнаружение новых источников сырья и т. д. В 80-е годы в Латинской Америке начались широкомасштабные разведочные работы на приобретенных в предыдущие десятилетия землях. В Бразилии, например, пятая часть территории страны — 1 600 тыс. кв. км, — на которой могли бы разместиться пять Италии и Португалия, скуплены иностранцами. Земля была распродана по ничтожно низкой цене — один акр (0,4 га) за 140 старых крузейро (столько стоила тогда в Бразилии шариковая ручка). Нефтяные тресты США за бесценок скупили более 3 млн 800 тыс. га плодороднейших земель в Венесуэле. Можно привести много других фактов из латиноамериканской практики капитала США, подтверждающих вывод В. И. Ленина о том, что "финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель, каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья"²⁹.

Захват земель и месторождений полезных ископаемых имеет и военно-стратегические цели. Монополисты США заинтересованы в резервировании собственных ресурсов стратегического сырья на случай войны или иных кризисных ситуаций. Так, США располагают огромными запасами железной руды и тем не менее импортируют значительное ее количество, причем 60% ввозят из Латинской Америки. Близлежащие страны региона рассматриваются неоглобалистами США в первую очередь с этой точки зрения. Если по железной руде, никелю, кобальту, титану, палладию и некоторым другим видам полезных ископаемых Мексика сейчас и не играет заметной роли в мировом производстве, то во многом по той причине, что американским монополиям и правительственным органам США пока выгоднее использовать месторождения других стран Латинской Америки или Азии и Африки. Если же в какой-либо чрезвычайной ситуации последние будут отрезаны от США, роль расположенной в непосредственной близости Мексики, конечно, изменится.

В то же время многие месторождения в странах Латинской Америки не эксплуатируются американскими монополиями, поскольку до поры до времени выгоднее сохранять эти страны в качестве рынка сбыта собственной продукции. Так, ввиду конкуренции иностранных монополий, поставляющих в Аргентину металлы из-за границы, имеющиеся в Аргентине месторождения ванадия, молибдена и многих других полезных ископаемых практически не используются. В этой ситуации отдельные латиноамериканские страны в предшествующие десятилетия в той или иной мере возвратили под свой контроль не эксплуатируемые иностранными монополиями месторождения. Так, в Перу законами о горнорудной и нефтяной промышленности объявлены недействительными концессии на не эксплуатируемые иностранными фирмами место-

рождения. Аналогичные меры в соответствии с законом о национализации нефтяной промышленности были приняты в Венесуэле. Правительство Эквадора заставило американские нефтяные монополии возратить государству 835 тыс. га земли, зарезервированные ими для будущих поисков нефти. Однако в 80-е годы монополии начали восстанавливать свои позиции, используя кризисные моменты в Латинской Америке.

Естественно, таким образом завязываются дополнительные узлы в клубке противоречий, связанных с деятельностью капитала США в регионе. Латиноамериканская действительность наглядно подтверждает вывод М. С. Горбачева о том, что "материальной опорой и ударной силой" неоглобализма "являются транснациональные корпорации. Это механизм, через который развитые капиталистические страны выкачивают национальное богатство, ресурсы из развивающихся стран. При этом не гнушаются ничем"³⁰. Степень влияния ТНК на формирование стратегии и тактики неоглобализма сопоставима только с ролью, которую начали играть американские транснациональные банки.

Эстафетная палочка эксплуатации — у банков США

Изменение позиций ТНК в Латинской Америке, переход в основном к скрытым методам реализации их господства не случайны. Внешняя экспансия капитала повторяет, естественно со своей спецификой, основные фазы его внутренней эволюции. Первоначально господствующими были торговая и ростовщическая формы капитала. Эксплуатация отсталых государств также начиналась с неравноправного обмена, и ростовщические черты империализма в межгосударственных отношениях наглядно проявились еще в начале нынешнего века. В своей наиболее фетишизированной, денежной форме капитал завоевывает абсолютное господство, когда на первый план выдвигается "новая" роль банков как организационных центров финансового капитала. Основа этого процесса — развитие кредита, который при империализме получает гигантское значение, приобретая известную обособленность от своей основы — сферы производства.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношениях между империалистическими державами и "периферией" капитализма. На смену функционирующему капиталу (ТНК как его организационная форма) в роли главного эксплуататора развивающихся государств приходит ссудный капитал в лице транснациональных банков (ТНБ). Есть железная логика в том, что его жертвой стали в первую очередь латиноамериканские страны: для расцвета наиболее совершенной финан-

совой формы империалистического ограбления требовался и относительно высокий уровень развития капитализма у его объекта. Поэтому наряду с различными концепциями, прямо или завуалированно защищающими интересы ТНК, должны были появиться теории, соответствующие по своей внутренней сущности характеру экспансии транснациональных банков. Одной из них и стала доктрина неоглобализма.

Экспорт ссудного капитала США в Латинскую Америку получил значительное развитие после второй мировой войны, когда сложились необходимые для данной формы империалистической экспансии предпосылки, определяющие, с одной стороны, "необходимость" экспорта капитала из развитых стран и проанализированные еще В. И. Лениным: противодействие тенденции нормы прибыли к понижению, потребность расширенного воспроизводства и т. д. С другой стороны, вместе с развитием капитализма появился ряд новых факторов. Один из них — императив ускоренного развития "периферийных" государств, который выступает как внутренне противоречивое звено, как бы соединяя интересы эксплуатируемых народов и транснациональных корпораций. Первые рассчитывают, привлекая ресурсы в денежной форме, разорвать спираль отсталости и зависимости, вторые заинтересованы в некотором поднятии общего уровня жизни и создании определенных условий для максимально эффективной эксплуатации (развитие инфраструктуры, малорентабельных, но необходимых отраслей и т. д.).

Вместе с тем транснациональным корпорациям невыгодны инвестиции, направленные непосредственно на решение данного комплекса задач, а развивающиеся страны сделать это за счет собственных средств не в состоянии. На помощь им приходит система международного кредита, состоящая из различных звеньев, значение которых изменилось с течением времени. Экспорт ссудного капитала США на юг переживал ряд этапов.

Первый этап связан в основном с появлением и возрастанием американской "помощи", предназначенной непосредственно для расширения товарного экспорта США в Латинскую Америку. В. И. Ленин отмечал: "Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны... Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу"³¹. Ведущую роль эта форма кредитования играла в 40—50-е годы. Кредиты предоставлялись Экспортно-импортным банком США и другими государственными организациями. В течение трех послевоенных десятилетий вывоз ссудного капитала был одним из важнейших факторов, поддерживавших широкий спрос на продукцию Запада.

Близкой по своим задачам к экспортным кредитам выступают "официальная помощь развитию" и специальные ссуды,

или правительственные "дары". Эти формы вывоза ссудного капитала отличаются крайней нестабильностью, связанной прежде всего с их политической направленностью. "С начала 50-х годов иностранная помощь стала орудием укрепления западного мира против советской и коммунистической экспансии" — так считают американские исследователи³².

Для второго этапа более характерным становится развитие международного механизма кредитования посредством широкого использования таких институтов, как Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Межамериканский банк развития (МБР), в которых главенствующую роль играл и продолжает играть капитал США. Этот процесс достиг наибольших масштабов в 60—70-е годы и привел к существенному увеличению внешнего долга латиноамериканских стран.

Новый этап был связан с достаточно четко обозначившейся в 70-е годы и получившей наибольшее развитие в начале 80-х годов тенденцией перехода ведущей роли в кредитовании Латинской Америки к частным источникам. Причины ее следующие. Это стремление государств региона преодолеть свою вековую отсталость, вынуждающее их максимально диверсифицировать источники получения средств. В свою очередь ускорение темпов развития приводило к систематическому превышению расходов над доходами. В итоге возникла необходимость финансирования ставшего хроническим дефицита государственных бюджетов большинства латиноамериканских стран (в первую очередь неэкспортеров нефти). Еще один фактор — трудность выполнения ими ряда условий, которыми сопровождается предоставление кредитов международными финансовыми организациями и Соединенными Штатами, — сдерживание инфляции и сокращение бюджетных дефицитов, в основном посредством урезания социальных программ, замораживания заработной платы, свертывания госсектора и т. д. Следствием подобной политики были, как правило, снижение темпов экономического роста, ухудшение и без того напряженного положения в экономике, чреватого социальным взрывом.

Необходимость во внешних источниках финансирования усиливалась также ввиду действия новых для региона факторов. Ранее постоянно страдавшие от низких цен на свои экспортные товары, латиноамериканские страны получили существенный удар в результате подорожания нефти, поскольку подавляющее большинство их не обеспечивает свои потребности в нефти за счет внутренних ресурсов. Ее импорт стал увеличивать дефициты платежных балансов, требуя срочного привлечения очень больших средств. В общем объеме внешнего финансирования всех развивающихся государств — импортеров нефти, структура которого в целом характерна и для Латинской Америки, доля частных источников повы-

шалась, что было общей тенденцией в рассматриваемый период.

В 70-е годы развился особый международный рынок ссудных капиталов, который позволял коммерческим банкам удовлетворять спрос развивающихся стран на долгосрочные ссуды значительных размеров, — рынок еврокредитов. При предоставлении крупных займов банки разных стран образуют синдикаты (консорциумы), насчитывающие порой многие десятки участников, с целью уменьшить степень возможного риска и соединить финансовые ресурсы. Объемы таких кредитов могут составлять сотни миллионов долларов.

Участники синдиката делятся на две основные группы: управляющие банки (менеджеры и коменеджеры, ведущие переговоры с заемщиками, определяющие условия кредита и одновременно предоставляющие для него крупные суммы) и банки-андеррайтеры, обязующиеся взять на себя определенную долю участия в кредите. За счет этого свой бизнес на рынках стран Латинской Америки активизировали не только американские, но также западноевропейские и японские банки. Для латиноамериканских государств масштабы еврокредитования особенно важны, так как позволяют им вначале финансировать импорт целых заводов и фабрик, а в последующем покрывать образующиеся дефициты в платежных балансах или осуществлять выплаты по прежней задолженности за счет новых кредитов. Для обслуживания торгово-экономических связей между некоторыми группами стран, а также для оказания услуг клиентам в определенном регионе создаются "специализированные" банки, например "Юропиен Бразилиан бэнк", основанный в 1972 г. с целью изыскивать средства и осуществлять совместные операции на евровалютном рынке для заемщиков из Бразилии и других латиноамериканских стран. Его основными акционерами стали "Банко ду Бразил", "Бэнк оф Америка", "Дайити канге бэнк", "Дойче банк" и "Юнион бэнк оф Суитзелэнд". Из банков этого рода следует также отметить "Эраб Лэтин Америкен бэнк" в составе 29 пайщиков из разных стран.

Некоторые банки латиноамериканских стран вошли с долевым участием в состав банков-консорциумов. Так, в капитале "Либра бэнк лтд" наряду с "Чейз Манхэттен бэнк", "Суис бэнк корпорейшн", "Ройал бэнк оф Кэнада", "Нэшнл Вестминстер бэнк" и другими крупнейшими ТНБ принял участие и бразильский банк "Банко Итау". Консорциальный банк "Иберопартнерз" был создан для осуществления посреднических операций на рынке еврокредитов заемщиками из Испании и стран Латинской Америки; в число его акционеров вошли "Банка Мас Сарда" (Испания), "Банко аукзилиар" (Бразилия), "Банко консолидадо" (Венесуэла), "Банко франсэз дель Рио-де-Ла-Плата" (Аргентина), "Банко О'Хиггинс" (Чили), "Банпэс" (Мексика).

Параллельно происходило формирование и другого важнейшего условия экспорта ссудного капитала в Латинскую Америку. Речь идет о том, что ТНБ продолжали расширять сеть своих отделений и дочерних банков, хотя законодательства многих латиноамериканских стран ограничивают деятельность иностранного капитала в финансовой сфере. Как отмечал В. И. Ленин, "банки, эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распределяющие его в ссуду капиталистам, становятся из национальных международными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капиталистам Европы и Америки... Господство капитала международно"³³. Все эти процессы привели к тому, что уже к середине 70-х годов доля частного иностранного капитала в общей сумме его нетто-притока в латиноамериканские страны возросла до 80%. При этом резко увеличилась — до 75% в конце 70-х годов — доля банковских кредитов в общей сумме поступлений из частных источников, в то время как доля прямых инвестиций составила лишь около 20%. В целом доля частных фондов и банков в общей сумме внешней государственной задолженности Латинской Америки возросла с 12% в 1967 г. до 30% в 1973 г. и 64% в 1979 г. В итоге у шести ведущих стран региона (Бразилия, Мексика, Аргентина, Венесуэла, Чили, Перу) на долю средств, полученных на международных финансовых рынках, приходилось в начале 80-х годов около 85% всего подлежащего выплате внешнего долга³⁴.

Определенную роль в развитии анализируемого процесса сыграли еще два обстоятельства: во второй половине 70-х годов (до 1979 г.) происходило снижение как абсолютных размеров предоставляемых Соединенными Штатами по государственной линии кредитов и "помощи", так и их доли в общем притоке средств в Латинскую Америку. Поступление же ресурсов от международных финансовых организаций увеличилось за этот период незначительно. Вместе с тем возможности частного кредитования существенно расширились с появлением и быстрым ростом в 60—70-е годы рынка евровалют, в частности нового международного финансового центра в Нассау (Багамские о-ва). Поскольку предоставление евровалютных кредитов практически не лимитируется ни объемами, ни дополнительными условиями, заимствование стран Латинской Америки на новом рынке резко возросло. Рекорд был установлен в 1980 г., когда на рынке евровалютных кредитов 4 латиноамериканские страны (Аргентина, Бразилия, Венесуэла и Мексика) заняли 20 188 млн долл. из общей суммы полученных кредитов в 88 млрд долл., или в 3 раза больше, чем США³⁵.

В итоге к концу 70-х годов всех средств, получаемых странами региона из этих источников, стало уже явно недостаточно для нейтрализации накопившихся негативных последствий роста внешнего долга. На определенном этапе произошел

переход в качественно новое состояние: разразился кризис их международной задолженности, наглядно проявившийся в 1982 г., когда Мексика объявила о своей неплатежеспособности, а за ней последовал еще ряд стран.

Однако, несмотря на то что многие банки оценивают Латинскую Америку как регион нестабильный и в экономическом, и в политическом плане, предоставление ей кредитов не прекратилось. Выделяя для этого средства, международный финансовый капитал преследует наряду с политическими прежде всего экономические цели: используя острую потребность латиноамериканских государств в займах, получать максимальные прибыли, усилить зависимость стран региона (прежде всего тех, что достигли относительно высокого уровня развития) от международного рынка ссудных капиталов, ставшего орудием экспансии империализма в развивающиеся страны. Сырьевой и энергетический кризисы, поразившие капиталистическую экономику в 70-е годы, усилили стремление империалистических государств обеспечить свободный доступ к источникам сырья. Соответственно изменилась и стратегия ТНБ, расширивших кредитование в первую очередь стран с богатыми сырьевыми и энергетическими ресурсами.

Формально основная доля средств, заимствуемых латиноамериканскими странами на производственные цели, направляется в государственный сектор. Фактически же они во многом используются для стимулирования частного предпринимательства. При помощи еврокредитов осуществляется, например, финансирование эксплуатации транснациональными корпорациями месторождений полезных ископаемых (в частности, нефти), т.е. объектов с длительным периодом окупаемости инвестируемых средств. Заемщиками на рынке евровалют в Латинской Америке выступают также региональные организации, такие, как Межамериканский банк развития и Центральноамериканский банк экономической интеграции.

В круг крупнейших получателей еврокредитов входят теперь не только латиноамериканские страны, традиционно испытывавшие трудности с балансированием бюджета (Бразилия, Аргентина), но и нетто-экспортеры нефти, в целом успешно справлявшиеся ранее с подобными проблемами (Венесуэла, Мексика). Эти четыре страны заняли на еврорынке в 1981 г. почти 30 млрд долл. Значительные суммы кредитов в евродолларах получили в конце 70-х — начале 80-х годов также Колумбия, Перу, Чили, Боливия. Лидировали же среди должников Бразилия и Мексика. Только в Мексике и Венесуэле 9 банков США имели в сентябре 1985 г. активы в объеме 21 млрд долл., которые составляли около 52% их суммарного капитала: $\frac{2}{3}$ этого долга держали четыре банка³⁶.

Рынок евровалют монополизирован ведущими ТНБ, что обусловлено крупными масштабами и оптовым характером операций. Латинская Америка как один из главных заемщи-

ков не составляет в этом плане исключения. На долю банков Соединенных Штатов приходится в целом около 30% от общего объема займов, предоставленных международными банками развивающимся странам. Аналогичная доля для Латинской Америки еще более значительна (табл. 4). Вместе с тем латиноамериканские страны отнюдь не являются важнейшими заемщиками банков США. В одном из документов ЮНКТАД отмечалось: "Примерно две трети задолженности банкам США концентрируются в испытывающих наибольшие трудности странах Латинской Америки и Карибского бассейна и в целом приходятся на девять крупнейших банков. С другой стороны, суммарная задолженность развивающихся стран составляет не более 8% общего объема авуаров всех банков США, а общая задолженность Латинской Америки — всего лишь 5,6%"³⁷. Хотя общие суммы займов, как мы видели, довольно внушительны, масштабы внутреннего кредитного рынка США гораздо значительнее.

Таблица 4. Задолженность развивающихся стран банкам США, на конец года, в млрд долл.

	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985*
Латинская Америка	42,6	49,4	62,2	75,0	83,9	84,1	86,2	82,0
Африка	5,2	5,7	6,2	6,8	7,2	7,3	6,1	5,1
Южная и Юго-Восточная Азия	11,1	17,8	21,6	26,0	31,5	32,0	28,6	26,6
Западная Азия	7,0	6,2	6,3	7,2	6,9	8,2	7,2	6,1
Развивающиеся страны	65,9	79,1	96,3	115,0	129,5	131,6	128,1	119,8

* На конец сентября.

Источник. ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. С. 65.

Эксплуатация латиноамериканских стран банками США осуществляется через систему процентных ставок на международном рынке частных капиталов. Здесь следует пояснить, что в качестве базы для формирования ставок по кредиту на евровалютном рынке чаще всего используются ЛИБОР (процентная ставка по межбанковским кредитам на лондонском денежном рынке), а также ставки крупнейших коммерческих банков США для первоклассных заемщиков (прайм-рейт). Величина ЛИБОР изменяется в зависимости от вида, условий и суммы кредита, от того, ставки каких банков берутся в качестве справочных, и т. д. Процентная ставка по евровалютному кредиту включает помимо ЛИБОР также премию банка (спрэд), размер которой устанавливается в зависимости от вида кредита, категории заемщика и конъюнктуры рынка. В 80-е годы на величину спрэда определяющее влияние оказывает степень платежеспособности заемщика; в связи с резким

ростом задолженности латиноамериканских государств спрэд для них был достаточно высок — банки страховались от возможных неприятностей. Если такие страны, как Великобритания, Финляндия, Франция, Австрия, уплачивали в 1981 г. 0,31—0,38% сверх ЛИБОР, то Аргентина — 0,80%, Уругвай — 0,93, Перу — 1,05, Парагвай — 1,8, Бразилия — 2,05, Боливия — 2,22% суммы займа. Особую дискриминацию испытывали государственные компании-заемщики. К примеру, в июне 1981 г. консорциум из 32 банков во главе с "Бэнк оф Америка" предоставил бразильской энергетической компании "Электробраз" заем в 300 млн долл., ставка по которому на 2,125 процентных пункта превышала ЛИБОР и на два пункта — ставку по кредитам первоклассным заемщикам в США³⁸. Если при этом учесть, что уровни самих процентных ставок по евровалютным кредитам в начале 80-х годов колебались от 12—13 до 17—18%, то становится ясным, насколько возросла прибыль американских и иных банковских монополий. О такой степени эксплуатации промышленные монополии (за исключением военных) могут сейчас только мечтать.

Таким образом, евровалютное кредитование стран Латинской Америки углубляет их эксплуатацию, поскольку процент является "не чем иным, как лишь частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего"³⁹. При этом сами ТНБ, не выступая в роли "функционирующего капиталиста", маскируют свою эксплуататорскую роль. В самом деле, при инвестировании в производство владелец капитала непосредственно участвует в эксплуатации трудящихся страны, в чью экономику он вкладывает средства. При вывозе же ссудного капитала задача изыскания ресурсов для выплаты процентов и погашения основной части долга возлагается на местную компанию или государство-должника. По отношению к самому рабочему или служащему зарубежный кредитор в роли эксплуататора прямо не выступает. В условиях напряженной борьбы за экономическую независимость и равноправие в 80-е годы это обстоятельство приобретает особое значение, поскольку вложения капитала подвергаются меньшему риску.

Есть и другие факторы, которые позволяют Западу изображать экспорт ссудного капитала в его непосредственной форме как предоставление финансовых средств нуждающимся в них латиноамериканским странам якобы "на цели развития". Здесь налицо "отложенная" эксплуатация. При инвестировании функционирующего капитала его владелец получает и переводит за границу первые прибыли уже в следующем году после начала функционирования созданного им промышленного предприятия, торговой фирмы и т. п. При кредитной экспансии может пройти немало лет, пока заемщик не столкнется с необходимостью выплачивать в виде процентов и для

погашения основной части долга в несколько раз большие суммы, чем те, что были получены в форме займа. При этом обычно уже не хватает и новых займов (стало хроническим явлением, характерным для Латинской Америки с 1982 г.). Тогда начинается чистый отток финансовых средств из принимающей страны.

Конечно, банки США не упускают возможности нажиться и путем различных махинаций. Так, в ноябре 1983 г. президент Колумбии Белисарио Бетанкур обвинил "Чейз Манхэттен бэнк" в "потере" 13,5 млн долл., которые были положены на счета и "таинственно исчезли". Высказывались предположения, что "Чейз Манхэттен" перевел эти деньги (часть внешнего займа в сумме 47 млн долл., полученного правительством Колумбии) в "Морган гэранти траст", а тот — на секретный счет в Швейцарии. Подобные проделки широко распространены в среде финансовых воротил, а Латинская Америка с ее валютными неурядицами и массовым разбазариванием государственных средств представляет для них благодатное поле деятельности.

Вместе с тем в условиях ужесточающейся конкуренции на рынке (к еврокредитованию в конце 70-х подключалось дополнительно от 40 до 60 банков в год) необходимо было больше заботиться о безупречном "лице" в глазах клиентов. Сейчас коммерческие банки часто предпочитают действовать независимо от правительств своих стран и даже за их спиной, стараясь, чтобы в сознании латиноамериканских народов с ними не связывались наиболее одиозные акции. Прошли времена, о которых дивизионный генерал армии США С. Д. Батлер ностальгически вспоминал: "Я провел 33 года и 4 месяца на действительной службе в рядах корпуса морской пехоты, нашей наиболее мобильной военной силы... И все это время я в основном выполнял функции "пистолера" экстра-класса для большого бизнеса, для Уолл-стрита и для банков... Я помогал превратить Гаити и Кубу в доходные места для "Нэшнл Сити бэнк", а Никарагуа в 1909 — 1912 гг. — для международного банка "Браун бразерс"⁴⁰.

Одним из немногих в 80-е годы примеров прямого вмешательства банков в политику в своих интересах может быть ситуация, сложившаяся в связи с замораживанием Великобританией валютных активов Аргентины в лондонских банках в период фолклендского кризиса. В результате этой акции Аргентина лишилась возможности получать кредиты на евровалютном рынке и оказалась на грани банкротства, задержав уплату к сентябрю 1982 г. 700 млн долл. в счет погашения полученных ранее кредитов. К этому времени ее внешняя задолженность достигла 37 млрд долл., и в счет ее погашения нужно было выплатить в течение года 16 млрд⁴¹. Лишившись доступа к международному рынку ссудных капиталов, страна оказалась в катастрофическом положении.

Однако кредиторы Аргентины — ведущие транснациональные банки, в первую очередь американские, — оказали давление на правительство М. Тэтчер, с тем чтобы оно разморозило аргентинские активы, ибо в противном случае банки не могли бы вести переговоры с Аргентиной о пересмотре ее задолженности. В связи с этим журнал "Бэнкер" отмечал: "Кредиторы хорошо понимают: для того чтобы Аргентина могла расплатиться по ранее полученным кредитам, они должны предоставить ей новые займы"⁴². После размораживания активов Аргентины крупнейшие коммерческие банки возобновили ее кредитование, но уже на более жестких условиях, хорошо заработав на этой операции. Сильному давлению через финансово-кредитную сферу подверглась в 1988 г. Панама. Стремясь сместить "непокорного" генерала А. Норьегу, администрация США заморозила панамские средства, вложенные в американские банки и их филиалы, в результате чего экономика Панамы, привязанная к доллару, оказалась на грани краха: нечем было даже выдавать зарплату.

В целом же активная кредитная экспансия в страны региона углубила старый комплекс противоречий между Латинской Америкой и США, привнеся в него новые элементы. Поскольку многие из них далее подробно исследуются, здесь мы ограничимся указанием на важнейшие моменты, связанные напрямую с деятельностью американских ТНБ.

Во-первых, латиноамериканские страны, подвергаясь наиболее эффективной эксплуатации со стороны этих банков, столкнулись с тяжелым финансовым кризисом, попав в "долговую ловушку". Попытки мобилизовать внутренние ресурсы для решения проблемы "мирным путем" оказались безрезультатны.

Во-вторых, на этой основе в 80-е годы стали нарастать экономические и политические противоречия между государствами региона и банками-кредиторами. Почву для все более острых конфликтов образует неспособность должников погашать задолженность и своевременно производить выплату процентов, т.е. осуществлять операции, по существу означающие жизнедеятельность капитала, его самовозрастание.

В-третьих, постепенно усиливаются трения между различными группами самих кредиторов, прежде всего частных, обеспокоенных зависимостью своего финансового положения от способности должников своевременно и в полном объеме выплачивать проценты. Подобного рода зависимость от государств, чье финансовое положение чрезвычайно неустойчиво, заставляет крупные банки, невзирая на растущий риск, поддерживать новое кредитование стран-должников, в частности путем давления на связанные с ними мелкие и средние банки, которые стремятся как можно скорее отделаться от кредитных связей с Латинской Америкой.

В-четвертых, по мере расширения экспорта ссудного капи-

тала в Латинскую Америку возникает новый комплекс противоречий — между транснациональными банковскими и промышленными корпорациями. Например, с того момента, когда должники оказываются не в состоянии выплачивать всевозрастающие суммы, банки стремятся свести до минимума новые кредиты. Одновременно они добиваются сокращения импорта странами-заемщиками, которым не хватает валюты на оплату долгов. Промышленные ТНК, напротив, заинтересованы в сохранении деловой активности и расширении импорта товаров должниками.

По мере роста задолженности и нарастания кризисных явлений все отчетливее выкристаллизовывается новый аспект взаимосвязи экспансии ссудного и производительного капитала в Латинскую Америку. К 80-м годам прямое участие ТНК в вывозе ссудного капитала перестало играть столь важную роль, как в предшествовавшие десятилетия. Новая роль инвестиций производительного капитала состоит в том, что они обеспечивают экономическую привязку должника к Западу, его сохранение в системе мирового капиталистического разделения труда. Зависимость развивающихся государств от поставок современных средств производства, запасных частей к ним, технологии, зачастую даже сырья и продовольствия столь сильна, что для потенциального банкрота становится практически невозможно признать собственную неплатежеспособность. В этом случае правительство, решившееся на такой шаг, неминуемо оказалось бы в изоляции, лишилось доверия на всех рынках, что равносильно экономическому и политическому самоубийству.

Кроме того, для Латинской Америки не оставляет сомнений то, что американское правительство стоит на страже интересов своих финансовых корпораций. Говоря словами В. И. Ленина, "государство и банковский мир выступают здесь *как одно лицо*"⁴³. Соотношение сил между эксплуататорами и эксплуатируемыми изменяется, и опять не в пользу последних. Если отдельная латиноамериканская страна могла вступить в противоборство с той или иной транснациональной корпорацией или даже с целой их группой, то бороться с банками в одиночку — затея неблагоприятная. Во-первых, как организационная основа финансового капитала банки настолько тесно переплетены с государством, промышленными и торговыми монополиями, между собой, что на защиту их интересов автоматически мобилизуются огромные силы. Во-вторых, важную роль играет специфика того товара, которым торгуют финансовые монополии, т. е. денег. Для этих монополий нет необходимости в сложных формах раздела рынка, зависящих от характера конкретного товара, в технологических и прочих увязках, ценовых соглашениях и т. д. При наличии сильной взаимной конкуренции ТНБ вместе с тем легко преодолевают ее, когда спрос превышает возможности отдельного банка

(уже говорилось о роли банковских консорциумов в кредитовании латиноамериканских стран). Причем ведущими организаторами таких консорциальных кредитов чаще всего выступают банки США. Техника объединения капиталов при современных межбанковских связях доведена почти до автоматизма.

Деньги, получаемые займы, играют еще одну предательскую для должников роль, которая обусловлена спецификой ссудного капитала и участвующих в его движении сторон. Кредитор, предоставляя средства, получает право на получение обратно первоначальной суммы вместе с процентом, но как она используется — проблема заемщиков. Пока нет сомнений в их платежеспособности, предложение на этом рынке может покрывать практически любой спрос, что и подводит должников, в нашем случае — латиноамериканские страны, которые стремились получить максимум средств.

Таким образом, наблюдается, с одной стороны, явная, неприкрытая эксплуатация в виде громадных процентных ставок, с другой — кредиторы выступают чуть ли не в роли благодетелей по отношению к должникам. При этом неумение последних разумно распорядиться полученными средствами является якобы основной причиной возникновения массы проблем, в частности у самих банков. Эта двойственность кредита порождает взаимную зависимость и взаимную ответственность должников и кредиторов, дает повод к оправданию вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран со стороны частных банков и международных финансовых организаций. Беспощадность банков-эксплуататоров наглядно проявилась, например, после землетрясения, разрушившего столицу Мексики. Ввиду необходимости больших и срочных затрат правительство обратилось с просьбой о временном моратории на выплату основной части долга и процентов (в 1985 г. Мексика должна была уплатить 12 млрд долл. в качестве процентов). Ответ был негативным: банки не желали создавать прецедента для других должников. Они предпочли предоставить стране дополнительные кредиты, естественно, по более высоким ставкам.

Вывоз денежного капитала, став на определенный период основной формой эксплуатации "третьего мира" империализмом, породил и соответствующую его интересам концепцию, не ограниченную рамками отдельных стран или регионов. Если "план Маршалла", "Союз ради прогресса", "доктрина Никсона" и другие послевоенные программы и доктрины Соединенных Штатов ставили одной из основных задач обеспечение интересов американских экспортеров и филиалов ТНК за рубежом, то идеология неоглобализма представляет надстройку над экономическими интересами финансового капитала в его высшей, наднациональной форме. Интересы транснациональных компаний и банков тесно переплетаются,

и страны Латинской Америки оказываются под двойным гнетом, тяжесть которого усугубляется широким использованием всех видов давления, находящихся в арсенале крупнейшего империалистического государства. Как отмечал Ф. Кастро, "развитые капиталистические страны перенесли в слаборазвитые элементы своего экономического кризиса и даже прибавили новые... Главную роль в этом ускоренном разрушительном процессе играют частные банки и международные финансово-валютные учреждения. Это обстоятельство наряду с расширяющимися возможностями экономического, финансового и технического проникновения транснациональных компаний в слаборазвитые страны привело к их полному экономическому удушению, к финансовому параличу..."⁴⁴.

Промышленные и банковские корпорации США выступают по отношению к Латинской Америке как монопольные владельцы современных средств производства, принявших форму капитала (безразлично, ссудного или производительного). Естественно, международные отношения эксплуатации существенно модифицируются по сравнению с внутрискановыми в связи со спецификой участвующих в них субъектов (особенно когда в качестве эксплуатируемой стороны выступают в той или иной форме национальные государства). Это не дает, однако, оснований для вывода о принципиальных изменениях в раскрытой К. Марксом системе экономических законов капитализма. Она продолжает действовать, сохраняя присущий ей антагонистический характер, что подтверждает и современный этап экспансии США в южном направлении, отличающийся резким обострением старых и появлением новых экономических противоречий в межамериканских отношениях.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: СПЕЦИФИКА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Закрепление "новой" роли региона в традиционном разделении труда

Стремление Соединенных Штатов обеспечить условия для дальнейшей эксплуатации Латинской Америки опирается на достаточно прочную экономическую базу, сложившуюся в течение веков. Ее компоненты — отсталость национальных экономик и социальной сферы, неравноправное положение в мировой торговле, финансовая и технологическая зависимость. В совокупности это выражается в закреплении за странами региона подчиненного места в международном капиталистическом разделении труда. Конечно, следует учитывать существенные различия между отдельными странами по уровню обеспеченности теми или иными видами природных ресурсов, развития промышленности и экономического потенциала в целом. Но неоглобалисты, как и их предшественники, привыкли видеть в Латинской Америке поставщика жизненно важных для США видов сырья, а ее стремление добиться более справедливых условий обмена, самостоятельно распоряжаться своими ресурсами выглядит, с их точки зрения, как покушение на безопасность Соединенных Штатов, следствие очередных "козней мирового коммунизма".

Традиционно отсталая структура экономики стран региона отражается в таких показателях, как непропорционально значительная, хотя и уменьшившаяся за 60—80-е годы, доля горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства в валовом продукте, а также доля занятого в этих отраслях населения (табл. 5).

В этих условиях американские и другие ТНК, стремясь получить максимальную выгоду от монокультурной "специализации" латиноамериканских стран, сосредоточили свои усилия на производстве каких-либо двух-трех, а часто одной экспортной культуры в каждой стране. "Результатом этого, — отмечал Ф. Кастро, — стало вытеснение в массовом порядке традиционных сельскохозяйственных культур, способствовавших решению проблемы снабжения продовольствием широких слоев населения и нередко возделывавшихся мелкими производителями, ради внедрения экспортных культур, не отвечающих нуждам потребления и не соответствующих культурно-историческим моделям стран, которым они навязывались"¹.

Таблица 5. Роль традиционных отраслей в экономике некоторых стран Латинской Америки

Страна	Доля сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности, % от ВВП		Удельный вес сельского населения, %	
	1962–1964	1982–1984	1960	1985
Гайана	36,7	33,8	74,5	71,2
Гондурас	35,7	32,8	78,0	60,2
Гаити	45,9	32,7	90,1	61,1
Парагвай	12,0	26,6	59,1	56,1
Сальвадор	32,1	25,8	64,9	58,4
Гватемала	30,0	25,5	65,6	67,3
Боливия	33,1	25,3	73,1	52,5
Колумбия	32,1	23,8	52,1	24,1
Перу	28,1	23,8	55,4	32,6

Источник. Banco Interamericano de desarrollo. Informe Anual 1985. Wash., 1986. P. 114–115.

Будучи крупнейшим производителем ряда продуктов в капиталистическом мире, Латинская Америка одновременно вынуждена ввозить все больше продовольствия, в первую очередь из США. Под влиянием импорта происходит разорение не выдержавших конкуренции мелких хозяйств, что приводит к сокращению потребления овощей и других продуктов земледелия — основы рациона местных жителей. Так, Мексика, находясь в непосредственной близости от США, больше других латиноамериканских стран страдает от навязываемого ей разделения труда. Производство необходимых ей видов продовольствия, "излишки" которых стремится реализовать северный сосед, сокращается, а импорт соответственно возрастает. В отдельные годы текущего десятилетия Мексика вынуждена была ввозить продукты питания в объемах, удовлетворяющих до половины внутренних потребностей. Предоставляемые Соединенными Штатами для закупки продовольствия кредиты увеличивают и без того огромный мексиканский долг.

США широко используют систему, при которой рабочая сила в латиноамериканских странах оплачивается фактически по монополюно низкой цене. Северные районы Мексики в последние 10 лет превращены американскими компаниями в зоны поливного земледелия, где выращиваются томаты, клубника, бахчевые культуры. Издержки производства томатов здесь ниже, чем во Флориде с аналогичным климатом, в 3–4 раза, клубники — в 2 раза, а конечные издержки с учетом стоимости доставки их к потребителю ниже на 30–50%. Конечно, такой разрыв закономерен: американские ТНК ориентируются на дешевую рабочую силу, предпочитают экономить и на средствах производства. Латинская Америка

потребляет фосфатов в 5,5 раза, фосфорных удобрений — в 2, азотных — в 4 раза меньше, чем США. Несмотря на огромные объемы производства в сельском хозяйстве, рынок агротехники здесь очень узок, поскольку использование машин обходится дороже, чем вытесняемый ручной труд. Границы их применения определяются монопольным положением ТНК на мировом капиталистическом рынке продуктов питания.

В международном разделении труда США способны конкурировать с Латинской Америкой по очень широкому кругу товаров, даже по такой традиционной экспортной продукции ее сельского хозяйства, как фрукты. В 80-е годы Соединенные Штаты регулярно занимали ведущие места среди крупнейших производителей персиков, ананасов, слив. В результате ряд латиноамериканских стран, например Мексика и Бразилия, идущие по первым двум позициям непосредственно за США, лишаются дополнительных возможностей сбыта. США и Аргентина являются конкурентами по зерновым и масличным культурам (табл. 6): на них приходится соответственно 40 и 10% общего объема мирового экспорта².

Таблица 6. Экспорт зерновых, масличных культур и масел из США и Аргентины, 1985 г.

	Аргентина		США		Весь мир млн т
	млн т	%	млн т	%	
Пшеница	9,4	8,7	38,8	36,3	109,0
Рис	0,2	1,7	1,9	16,5	11,5
Другие зерновые	11,5	11,4	56,6	56,6	100,9
Масличные культуры	3,5	11,0	17,7	54,0	32,8
Семена масличных	4,1	12,0	4,6	14,2	32,5
Растительные масла	1,6	8,6	1,4	8,6	16,3
Всего	29,5	9,8	121,0	40,2	303,0

Источник. Realidad Económica. 1987. N 78. P. 47.

Американская администрация получает, таким образом, дополнительные рычаги давления на своих южных соседей путем ограничения импорта их сельскохозяйственной продукции под предлогами защиты национальных производителей, борьбы с нечестной конкуренцией и т. д. Монополии же США, фактически субсидируемые правительством, обеспечивают себе высокие прибыли и разоряют производителей продуктов питания в Латинской Америке, подрывая целые отрасли сельского хозяйства региона. Конечно, такая ситуация соответствует общим закономерностям развития капитализма, поскольку крах терпят продуценты с низкой эффективностью производства, но обеспокоенность ее социально-экономическими последствиями заставляет правящие круги США искать пути смягчения противоречий.

В начале 1985 г. администрация Рейгана провозгласила "новый курс" в области оказания помощи развивающимся

странам, суть которого, однако, состоит в традиционном использовании поставок продовольствия в качестве орудия давления и шантажа. Программа под лозунгом "Продовольствие ради прогресса" предполагает ограничение роли госсектора в странах-получателях помощи и упор на развитие частной инициативы, в первую очередь в сельском хозяйстве.

Монокультурный характер развития экономики — связан ли он с сельским хозяйством или с добывающими отраслями — неизбежно усиливает зависимость от внешнего рынка, что для Латинской Америки на практике означает ту или иную форму подчинения США. Традиционные примеры "банановых республик" дополнились в 80-е годы печальным опытом Венесуэлы, сделавшей ставку в своем развитии на высокие доходы от продажи нефти, которые составляли до 90% ее экспортных поступлений. Имея в 1984 г. золотовалютные резервы в объеме 14,6 млрд долл. и существенное положительное сальдо торгового (8,7 млрд) и платежного (4,4 млрд) балансов³, страна могла попытаться хотя бы ослабить финансовую зависимость, расплатиться с частью долгов. Этого не произошло, поскольку ее руководство продолжало делать расчет на повышение цен в тот период, когда они в действительности начали резко снижаться. Венесуэла оказалась в том же положении, что и остальные латиноамериканские должники.

Новая ситуация складывается по большинству тех видов ископаемых, ресурсы которых в США превосходят латиноамериканские, но разрабатываются менее интенсивно в расчете на привозное сырье, часто даже более дорогое. Так, по запасам свинца и цинка США в 3 с лишним раза превосходят Мексику и Перу, по добыче содержащей их руды — в разные годы в 1,2 — 2,2 раза, и при сохранении нынешних темпов разработки известных месторождений Соединенным Штатам хватит их резервов на 150 лет, Перу и Мексике — на срок втрое меньший. При этом издержки на добычу и обогащение свинцовых и цинковых руд в США в 1,5 раза ниже. Такое положение сложилось не спонтанно. В современный период, когда НТР открывает все большие, часто неожиданные возможности эффективного использования "старых" видов сырья, их сбережение на определенных этапах сулит несопоставимо большую прибыльность использования в будущем. Кроме того, искусственное сдерживание разработок более дешевого сырья в США облегчает их фирмам манипулирование ценами на рынке и получение монопольно высоких прибылей.

Вместе с тем приходится констатировать, что во многих случаях правительства латиноамериканских стран, делающие упор в развитии на иностранные инвестиции, зависящие от американской помощи и кредитов, сами способствуют деформации структуры национального производства, приспособля-

вая ее к потребностям зарубежных ТНК. Так, в 1977 г. чилийская хунта сняла ограничения, которые ранее защищали национальных производителей от колебаний цен мирового рынка на пшеницу. Как следствие посевные площади под зерновыми уменьшились, а национальное производство пшеницы резко сократилось⁴. К тому же пошлины на импорт сельскохозяйственных продуктов были снижены, что нанесло удар не только по мелким производителям, но и по буржуазным аграриям и помещикам, которые резко осудили подобные меры. Страна вынуждена закупать все большее количество зерна, в подавляющей части в США. Антинациональные мероприятия хунты в сфере сельского хозяйства привели к свертыванию производства, усилению зависимости от США, росту стоимости продуктов питания, дальнейшему обнищанию низкооплачиваемых слоев населения.

Специфическая роль в разделении труда, навязываемом Латинской Америке, отводится национальному государству, которое обычно берет на себя наименее благодарные функции типа мобилизации средств через международные финансовые организации. Получая кредиты, к примеру, для выполнения тех или иных аграрных программ, некоторые государства создавали экспортные производства, продукция которых сейчас поступает в руки американских монополий без обременительных производственных хлопот. Международные банки, контролируемые капиталом США, также охотно предоставляют кредиты на развитие инфраструктуры и тех отраслей, где действуют американские ТНК (табл. 7).

Таблица 7. Суммы кредитов, предоставленных до 30 июня 1985 г., млн долл.

Цели кредитования	Кредиты МАР		Кредиты МБРР	
	Всего	в том числе Латинской Америке	Всего	в том числе Латинской Америке
Сельское хозяйство	14 025,0	191,6	23 441,2	7 483,6
Финансовая сфера	905,4	27,2	10 432,0	2 610,7
Энергетика	4 579,9	173,9	25 998,5	8 781,8
Промышленность	1 241,4	7,5	7 379,0	1 914,0
Кредиты, не связанные с конкретными проектами	3 711,3	22,0	6 932,4	993,6
Образование	2 386,7	67,6	4 203,9	895,5
Здравоохранение и обеспечение продовольствием	569,6	—	542,2	164,8
Техническая помощь	451,4	—	200,6	85,8
Кредитование мелких фирм	479,0	—	2 727,8	1 525,6
Телекоммуникации	1 108,2	—	1 828,2	463,3
Туризм	86,7	—	363,6	187,5

Транспорт	4 816,0	171,3	20 580,8	6 610,1
Развитие городов	963,0	75,0	2 901,1	1 220,6
Водоснабжение и канализация	1 486,4	18,6	5 420,5	2 129,9

Источник. The World Bank Annual Report 1985. Wash., 1985. P. 164 – 165.

Одно из драматических последствий монокультурности экономики большинства стран региона и господствующего положения американских монополий в традиционных отраслях связано с эксплуатацией естественных ресурсов Латинской Америки. Используя ее как источник прибыли, ТНК одновременно своей хищнической практикой подрывают естественную базу воспроизводства.

Действительно, в 80-е годы явственно определился комплекс противоречий между США и Латинской Америкой в экологической области. Они развиваются по двум основным направлениям. Во-первых, на экономике и условиях жизни людей в странах Латинской Америки сказывается прогрессирующее ухудшение природной среды в самих США. К примеру, основной пункт экологических противоречий между Мексикой и Соединенными Штатами — засоление и загрязнение ими вод пограничных с Мексикой рек промышленными отходами, использованными водами городов и поселков. В частности, Мексика требует от США оплатить ущерб, нанесенный засолением почв долины Мехикали (один из ее важнейших сельскохозяйственных районов), и построить отводной канал для сброса вод долины Велтон-Мохрук непосредственно в Калифорнийский залив. Но Вашингтон остается практически глух к требованиям соседа.

Во-вторых, действующие в странах региона монополии США наносят прямой ущерб латиноамериканской природной среде. "Ежедневно в ресторанах и кафе миллионы американцев съедают по одному-два бифштекса, даже не подозревая, что тем самым как бы замыкают цепь событий, ведущих к уничтожению тропических лесов Центральной Америки. За последние несколько десятилетий, — пишут американские авторы, — стремительное развитие скотоводства, вызванное очередным бумом на мясном рынке США, способствовало уничтожению двух третей всех тропических лесов региона... С 1961 г. Коста-Рика, Гватемала, Гондурас и Никарагуа более чем удвоили производство мяса и более чем утроили его экспорт, 90% которого поступает в США, составляя 14,5% всего импортируемого в эту страну мяса... Прямым результатом этого стало ежегодное превращение приблизительно 20 тыс. кв. км лесных массивов региона в пастбища, беспощадная эксплуатация которых в течение 20 лет приводит к эрозии

и полному истощению почвы”⁵. В зоне Панамского канала после вырубки лесов для развития скотоводства американцам пришлось срочно выделять средства для их восстановления из-за падения уровня воды в канале.

Бразилия, один из крупнейших поставщиков мяса в США, подверглась в 1985 г. опустошительной засухе. В южных и юго-восточных провинциях 7 городов остались без света, поскольку иссякли реки и прекратилась работа мелких электростанций. В штате Мату-Гросу пало более 100 тыс. голов скота, а объем общих потерь от засухи превысил 300 млн долл.⁶ В последнее время подобные бедствия повторяются с достаточной регулярностью, и причина их — сведение лесов и нарушение водного баланса. В этой части страны американские корпорации, заинтересованные в использовании недр Амазонки, скупили огромные участки земли, и площадь лесов стремительно сокращается. Если такое “освоение” Амазонии будет продолжаться — а это крупнейший в мире массив лесов, дающий почти 30% поступающего в атмосферу кислорода на нашей планете, — то связанное с ним изменение климата может привести к необратимым и катастрофическим последствиям для Бразилии и соседних стран. Вырубкой лесов в тропических районах мира, в частности в Латинской Америке, занимаются 50 американских компаний, поставляющих в США свыше 80% всего импорта твердой древесины. При сохранении нынешних темпов вырубки к 2000 г., когда спрос на древесину еще более возрастет, ввозить в США будет нечего.

Шищнический подход империализма проявляется и в беспощадной эксплуатации минеральных богатств региона. ТНК стремительно расхищают природные ресурсы Латинской Америки. Поскольку американские монополии выступают важнейшими производителями горнорудного сырья в странах региона, именно на них падает главная ответственность за нерациональное использование минеральных ресурсов, быстрый рост площадей под отвалами пустой породы, загрязнение земли и вод нефтью и нефтепродуктами, воздуха — дымом, пылью и химическими веществами, расхищение и потери больших количеств многих важнейших видов сырья.

В последние 20 лет, когда существенно повысился уровень экологических требований к производству, большое беспокойство в Латинской Америке вызывает практика перевода сюда из США наиболее экологически опасных производств, особенно нефтехимических, целлюлозно-бумажных и других, побочные эффекты которых наносят невосполнимый урон окружающей среде и здоровью людей. Следовательно, речь идет не о равномерном размещении отраслей производства, а о своего рода экологической агрессии, когда на менее развитого партнера перекладываются неблагоприятные последствия развития собственной индустрии.

Перенос "грязных" и трудоемких производств в развивающиеся страны, наиболее характерный для 70-х годов, дополняется в 80-е годы новым видом разделения труда, при котором за развитыми капиталистическими странами закрепляется роль поставщиков продукции наукоемких отраслей экономики. Они требуют столь значительной специализации производства, что становится выгодным доводить ее до поддетальной и даже пооперационной. Тогда иностранные монополии получают возможность разорвать единый технологический процесс не только в пределах завода, фабрики, промышленного комплекса, но и специализировать находящиеся в разных странах предприятия на выпуске отдельных деталей или выполнении отдельных операций.

В Латинской Америке этим начали заниматься прежде всего компании, специализирующиеся на добыче и переработке сырья. К примеру, АЛКОА организовала в Хьюстоне производство алюминия на привозных ямайских бокситах, который затем продается Мексике, естественно, по ценам, обеспечивающим компании монопольную прибыль. Аналогичным образом в ряде случаев организовано производство у "Рейнолдс металз" и АЛКАН. Подобного типа пооперационная специализация развивается в основном в тех отраслях, где налицо существенный разрыв между уровнями квалификации труда, необходимого для отдельных стадий производства конечного продукта (электроника, электротехника, некоторые отрасли машиностроения); разумеется, операции, требующие наибольшей квалификации, выполняются в США и других развитых странах. Так, на мексиканской границе вдоль 2000-мильной полосы расположены сотни сборочных заводов американских концернов. Она названа "электронным поясом", поскольку здесь обосновались такие фирмы, как "Дженерал электрик", ИБМ, "Рэйдио корпорейшн оф Америка", "Рокуэлл Самсонэйт", специализирующиеся на производстве вычислительной техники, радиоаппаратуры, электрических бытовых приборов, мебели, игрушек и т.д. Причем предприятия этих компаний находятся по обе стороны границы, и сложные первоначальные операции выполняются на американской стороне, затем отдельные узлы и детали перевозятся через Рио-Гранде для сборки мексиканскими рабочими, а готовая продукция направляется обратно в США для реализации. В подобных приграничных производствах занято свыше 100 тыс. мексиканцев, превращающихся таким образом в тех работников, которых К.Маркс называл частичными рабочими (но здесь явление приобретает уже интернациональный характер). Перед монополиями открываются широкие возможности для усиления эксплуатации, поскольку любой организованный протест мексиканских рабочих или нажим со стороны государства приводил бы лишь к быстрому переносу данной стадии производственного процесса в другую

страну, что легко осуществимо, так как для обучения одной-двум сравнительно простым операциям не требуется много времени и средств.

Конечно, объективно латиноамериканские государства своей борьбой в немалой степени способствовали переходу ко все более высоким уровням разделения труда между ними и США и — как ни парадоксально — к более изощренным методам капиталистической эксплуатации. В самом деле, борьба за суверенитет над собственными ресурсами, стремление ликвидировать зависимость от импорта сложных (а значит — более дорогих) изделий ускоряли развитие их народного хозяйства. Но, поднявшись на одну ступень, они замечали, что развитые страны за это время передвинулись на две и порочный круг отсталости и зависимости сохраняется. С национализацией ряда отраслей промышленности в латиноамериканских странах материальная основа отношений подчинения и эксплуатации полностью не ликвидируется, а воспроизводится в новой, видоизмененной форме, а именно в форме технологической зависимости.

Даже в тех случаях, когда латиноамериканским государствам удастся наладить выпуск импортировавшейся прежде продукции, они снова оказываются в зависимости от американских ТНК. Так, стремясь обеспечить собственное сельское хозяйство высокопроизводительной техникой, эти страны неоднократно пытались полностью отказаться от импорта тракторов. В Венесуэле и Перу подобные попытки потерпели неудачу из-за отсутствия достаточно емкого рынка, технического опыта, производственной базы. В Бразилии и Мексике производство в 70-х годах увеличивалось довольно быстрыми темпами, но сократилось в начале 80-х, когда стало ясно, что отсталое сельское хозяйство региона не в состоянии поглощать не столь уж и большое количество выпускавшейся техники (максимум — 88 тыс. тракторов — был достигнут в 1975 и 1980 гг.). В Аргентине в 1980 — 1981 гг. простаивало до 80% мощностей (если в 1975 г. было произведено 18,4 тыс. машин, то в 1980 г. — 3,6 тыс.), в Бразилии — свыше половины. При этом значительная часть тракторов комплектовалась привозимыми из США узлами и деталями. Что касается импорта сельскохозяйственного оборудования из развитых капиталистических стран в Латинскую Америку, то в начале 80-х годов 66% его стоимости приходилось на США⁷.

В целом усилия латиноамериканских стран привели к увеличению доли промышленности, строительства и производственной инфраструктуры в валовом внутреннем продукте до 40% в 1982 — 1984 гг., а у Бразилии и Аргентины — даже до 44 — 45%⁸. Однако доля современных, технологически сложных производств еще не высока, и монопольное положение американских ТНК остается довольно прочным.

Доминирующие позиции на рынке Латинской Америки,

к примеру, крупнейших фармацевтических корпораций США объясняются тем, что их конкурентами могут быть только западногерманские, швейцарские и отчасти британские производители лекарств. Латиноамериканские фирмы просто не могут позволить себе "роскошь" тратить на научно-исследовательские разработки громадные суммы, в то время как шесть ведущих компаний этой отрасли, базирующихся в США, выделили на НИОКР, например, в 1981 г. более 1 млрд долл. Довольно широко осуществляемые в развитых странах автоматизация и роботизация производства ведут к снижению его издержек, прежде всего благодаря массовости выпуска изделий и экономии расходов на рабочую силу. В латиноамериканских же странах даже при невысоком уровне оплаты рабочей силы производительность труда настолько ниже, чем в США, что затраты живого труда на единицу продукции получаются более высокими.

Таким образом, современный прогресс техники грозит подорвать позиции латиноамериканских стран даже в тех отраслях, где они до сих пор с переменным успехом использовали одно из немногих своих преимуществ в конкурентной борьбе — относительно дешевую рабочую силу. Конечно, это не означает, что рынок стран Латинской Америки, как и других развивающихся государств, обречен на полную оккупацию западными производителями. В ряде областей у национальных государств есть надежные способы защиты. Кроме того, быстрое развитие экономики в 60—70-е годы создало высокий внутренний спрос на многие виды продукции, и зависимые страны могли бы организовать собственный достаточно емкий рынок, на котором основой цен большинства товаров стали бы издержки его участников. Тем не менее развитие подобных тенденций, которое уже наблюдается в практике 80-х годов, все же не может привести Латинскую Америку к преодолению отсталости, его результатом скорее будет ее закрепление на новом уровне. Происходит одновременное формирование двух типов хозяйства, основанных на качественно различных уровнях производительных сил. При одном, когда используются робототехника, электроника, другие достижения НТР и квалифицированная дорогая, но небольшая по численности рабочая сила, производятся относительно дешевые наукоемкие товары. Для второго характерны упор на морально устаревшую технику, дешевое сырье, рабочую силу в среднем с недостаточно высоким уровнем квалификации.

Новому этапу разделения труда соответствует и развитие свойственной ему формы, связанной с использованием различий в подготовке рабочей силы. Начатая в середине 70-х годов под давлением возросшей конкуренции со стороны Японии и Западной Европы реформа американской средней школы направлена на повышение качества знаний основной массы

выпускников. Более высокое качество рабочей силы в США способствует закреплению разрыва между Севером и Югом полушария по технологическому уровню производства. А сокращение государственных расходов во многих латиноамериканских странах-должниках под давлением международных финансовых организаций не может не привести к невысокому среднему уровню подготовки рабочей силы и к неспособности ее основной массы включиться в сферу современного производства.

В 80-е годы продолжается и расширяется эксплуатация в специфической форме, связанной с отсталостью основной производительной силы,— оказание научно-технической помощи. США практикуют два основных вида этой помощи странам Латинской Америки: направление своих специалистов и обучение латиноамериканцев. Около 65% всей суммы ассигнований США идет на оплату американских специалистов, командированных в латиноамериканские страны. При этом на такие решающие отрасли экономики, как промышленность и сельское хозяйство, приходится в совокупности лишь около 30% общего числа американских экспертов, и прослеживается тенденция к уменьшению даже этой доли. Одновременно увеличивается удельный вес экспертов, работающих в организациях по идеологической обработке населения, средствах массовой информации.

Для достижения целей своей политики в отношении Латинской Америки правительство США широко использует также "Корпус мира". Обосновывая необходимость его проникновения в народные массы стран, охваченных национально-освободительным движением, его бывший директор С. Шривер в книге "Острие копья" писал: "Источники всех политических процессов нужно искать в умах и сердцах людей. Именно в городах, деревнях, на фабриках, в профсоюзах и школах, где люди живут и работают, говорят и учатся, начинается мировая политика"⁹.

До 80-х годов страны Латинской Америки были главным объектом приложения усилий "Корпуса мира". Самые большие его отряды находились в Колумбии, Бразилии, Эквадоре, Боливии, Гватемале и Чили. Со времени своего создания он стал выполнять роль своеобразной агентуры для осуществления американской экономической и политической экспансии. В некоторых странах сотрудники корпуса были уличены в неблаговидной деятельности. В ряде случаев было установлено, что под личиной "добровольцев" скрываются агенты ЦРУ. Поэтому в Мексике, Колумбии и некоторых других странах региона национальными правительствами приняты меры к сокращению активности корпуса. Его руководство проводило определенную реорганизацию системы подбора кадров, делая упор на специалистов с техническим образованием, по сельскому хозяйству, медицине и т. д. Но их главные

задачи как проводников политики Вашингтона остаются прежними. Принимая во внимание ее непопулярность во многих странах, правительственные круги США предпринимают шаги для постепенной замены этой организации национальными кадрами развивающихся стран, в частности путем создания ее латиноамериканского варианта.

Монополии США практикуют вербовку местных научно-технических кадров на свои предприятия в странах Латинской Америки. По своей сути этот внутренний "брейн дрейн" мало чем отличается от традиционной внешней "перекачки умов" и также означает для государства потерю квалифицированных специалистов, а зачастую и бесплатное использование иностранными фирмами знаний и опыта работы для борьбы с местным частным капиталом и государственным сектором.

Курс американской администрации на поддержку тех стран, что открывают двери для иностранных инвестиций и придерживаются принципов частного предпринимательства на внутреннем и мировом рынках, однозначно направлен на закрепление их зависимого от США положения. Конкурировать на современном техническом уровне они не могут, и без поддержки государства национальные производители обречены на гибель. Развитие же на основе импортируемой технологии само по себе не может достичь передового уровня, поскольку за время ее внедрения научно-техническая мысль, являющаяся монополией Запада, уходит вперед.

Модификации диктата во внешней торговле

Специфическая роль Латинской Америки в международном капиталистическом разделении труда захватывает и старейшую сферу межамериканских экономических отношений — внешнюю торговлю. США — традиционно крупнейший торговый партнер большинства стран региона. Отставание по уровню научно-технического развития с неизбежностью приводит к невыгодному для них товарообмену с северным соседом, несмотря на его внешние трансформации.

К примеру, благодатный климат региона способствует удовлетворению новых возникающих в США потребностей в тех или иных сельскохозяйственных товарах, которые становятся активным объектом латиноамериканского экспорта. Однако рождение все новых экспортных товаров продолжает традицию односторонней специализации региона. Негативные последствия такой практики усугубляются активной протекционистской политикой Вашингтона. В 80-е годы Колумбия и Мексика стали крупнейшими поставщиками цветов в Соединенные Штаты, а Мексика — также клубники, причем вокруг этих товаров уже идут ожесточенные схватки по поводу пошлин, которые в США составляют 6% стоимости.

Как уже отмечалось, в наибольшей степени страдают страны, находящиеся в непосредственной близости от США. Так, экспорт плавленого шпата (флюорита) из Мексики уменьшился за 1979—1983 гг. более чем в 3,5 раза, прежде всего вследствие сокращения потребностей американских импортеров и появления в последние годы в Соединенных Штатах сильных конкурентов, производящих заменители флюорита.

Другой удар по мексиканской экономике нанесло в январе 1986 г. известие о сокращении на 30% продаж мексиканской стали в США (конечно, здесь нельзя сбрасывать со счетов и их стремление защитить свою сталелитейную промышленность от конкуренции извне). Очередная акция последовала в мае 1987 г., когда США исключили из системы преференций, установленных для развивающихся стран, 34 наименования мексиканских товаров на общую сумму 800 млн долл. Вашингтон воспользовался затруднениями Мексики с выплатой долгов, чтобы добиться от нее целого пакета уступок во внешнеторговой области, в частности согласия на дальнейшее ослабление ограничений на ввоз товаров с Севера, в то время как американские барьеры остались в неприкосновенности. США систематически ужесточают условия импорта мексиканских товаров, что приводит к его удорожанию и соответственно сокращению.

В основе такой политики лежит стремление обеспечить благоприятные условия для сбыта продукции американских ТНК как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Как известно, США широко применяют привязывание помощи к закупкам американских товаров. Это одно из важнейших условий предоставления Вашингтоном помощи странам Латинской Америки. Поскольку в соответствии с законодательством ряда государств региона товары, ввозимые в счет межправительственных и межбанковских кредитов, налогами и пошлинами не облагаются и количественным ограничениям не подвергаются, США, кредитуя свои поставки, получают лазейку для обхода импортных ограничений в этих странах и проталкивания своих товаров. Вместе с тем ориентация на постоянную зависимость от американской "благотворительности" опасна хотя бы ввиду реальной угрозы внезапного прекращения американских поставок продовольствия по политическим и экономическим причинам, как это было уже, например, с Никарагуа, а еще раньше с Кубой.

С другой стороны, США используют жесткую систему дискриминации в отношении импорта из стран региона. Так, протекционистский таможенный барьер воздвигнут и сохраняется как раз для тех товаров, в производстве которых эти страны обладают рядом экономических преимуществ (сельскохозяйственная продукция в сыром и обработанном виде и трудоемкие промышленные товары, не требующие использования сложной техники). Количественные же ограничения

импорта касаются всех групп товаров, которые образуют или могут образовать в будущем номенклатуру экспорта латиноамериканских стран в США. Лишь некоторые виды промышленного сырья и тропических товаров, импорт которых из Латинской Америки не составляет конкуренции для своих производителей, разрешены к неограниченному ввозу в США.

Особенно остры противоречия между Латинской Америкой и США в торговле конкурирующими сырьевыми товарами. Ввоз их в США жестко ограничивается, и помимо высоких таможенных пошлин импорт целого ряда товаров сдерживается разными нетарифными барьерами, прежде всего системой квот. В настоящее время здесь действуют импортные квоты на пшеницу и муку, сахар, молочные продукты, мясо, хлопок, нефть и др. Причем нетарифный протекционизм носит многоступенчатый характер, в отличие от однократно взимаемых пошлин, и проявляет себя практически на каждом этапе торговли (заказ — ввоз — платеж — продажа — потребление). Обход же иностранным поставщиком какого-либо барьера компенсируется на другом этапе.

Аграрный протекционизм США наносит огромный ущерб странам Латинской Америки. Во-первых, жестко ограничивается, а по некоторым товарам исключается возможность их сбыта на американском рынке, хотя они производятся с меньшими издержками; во-вторых, стимулируется производство в США товаров, конкурирующих с латиноамериканскими на рынках третьих стран; в-третьих, поддержание высокого уровня цен в США ведет к относительному сокращению потребления, а следовательно, и спроса на продукцию из Латинской Америки и т. д.

В импортных квотах, установленных конгрессом и правительством США, латиноамериканским странам отведено, как правило, весьма скромное место. В общей квоте на импорт пшеничной муки на их долю приходится менее 2%; ввоз пшеницы почти целиком предоставлен Канаде. При распределении квот на импорт сыров столь же мизерная доля была выделена единственной развивающейся стране, допущенной на американский внутренний рынок, — Аргентине. Квота на импорт коротковолокнистого хлопка, хотя почти вся она распределена между развивающимися государствами, по существу является запретительной: ее размер соответствует лишь около 0,2% внутреннего производства США. Еще один пример. Затраты на производство сахара в Соединенных Штатах значительно выше издержек развивающихся стран, однако закон о производстве и закупке сахара, принятый еще в 1948 г., гарантирует своим производителям сбыт в размерах более 60% внутренних потребностей США. Ограничения на ввоз сахара дают возможность в обычных условиях поддерживать внутренние цены на уровне более высоком, чем цены мирово-

го рынка, предоставляя таким образом субсидии американским сахарозаводчикам за счет потребителя.

Случаи, когда США используют квоты в качестве орудия экономической агрессии, в частности нажима на суверенные правительства, в 80-е годы участились. К примеру, в 1984 г. решение Вашингтона сократить импорт стали больно отразилось на внешней торговле Бразилии и Венесуэлы; через год аналогичная мера в отношении цемента затронула пять стран региона. В 1986 г. уже 21 латиноамериканское государство потеряло около 300 млн долл. от уменьшения вывоза сахара в Соединенные Штаты, а в начале 1987 г. стало известно о введении дополнительных пошлин на ввоз более чем 250 наименований товаров в основном из стран Латинской Америки, что означало сокращение их экспорта на 3,1 млрд долл.

Общая система преференций, составляющая часть Закона о торговле США 1941 г., была пересмотрена в 1985 г. и продлена до 1993 г. Однако президент США, пользуясь своим правом исключать из преференциального списка как страны, так и товары в зависимости от так называемого критерия конкурентоспособности, неоднократно прибегал к этой мере. Так, в 1985 г. были лишены права на льготный ввоз в США товары, общий объем импорта которых в 1984 г. составил 4,9 млрд долл., в том числе из Мексики — 3,4 млрд долл., Бразилии — 662 млн, Чили — 224 млн, Доминиканской Республики — 202 млн, Колумбии — 107 млн, Перу — 77 млн, Венесуэлы — 42 млн, Гаити — 34 млн долл. Как видно из этого перечня, пострадали не только непокорные или недостаточно послушные страны-должники, но и старые друзья Соединенных Штатов. Под ударом оказались в основном традиционные товары латиноамериканского экспорта: медь из Чили и Перу, мексиканские овощи и фрукты, кожа из Аргентины, а также цветы из Колумбии, бразильские мясные консервы и т. д.

Установленные Соединенными Штатами в 1981 г. квоты на импорт латиноамериканского сахара в последующем систематически сокращались. Только за 1983—1987 гг. они уменьшились в 3,3 раза — с 2 034 до 620 тыс. т. Сильнее других пострадали Доминиканская Республика (сокращение с 535 до 160 тыс. т), Бразилия (с 441 до 132 тыс. т), Гватемала (со 146 до 44 тыс. т), Аргентина (со 131 до 39 тыс. т), Перу (со 115 до 37 тыс. т)¹⁰.

Острые противоречия имеют место также в торговле оловом с Боливией, медью с Чили, Перу, Мексикой, свинцом и цинком с Мексикой, Перу и т. д. До недавнего времени США были единственной крупной страной, облагающей пошлинами ввоз олова и меди. Помимо средств тарифного протекционизма внешнеторговое законодательство США предоставляет правительству большие возможности для установления количественных ограничений на ввоз не только сырья, но и любых других товаров. Широко применяется и такая

мера, как распродажа товаров из стратегических запасов США. Несмотря на попытки латиноамериканских и других развивающихся стран добиться ее прекращения, товары из стратегических запасов выбрасываются на рынок в период высокой конъюнктуры; это понижает уровень цен и наносит огромный ущерб тем или иным латиноамериканским странам-экспортерам.

Страдают они, особенно экспортеры зерновых (Аргентина, Уругвай), и от поставок из США продовольственных "излишков" по демпинговым ценам, которые уже отняли у стран Латинской Америки значительную часть их традиционных рынков и способствовали снижению мировых цен на аналогичные товары латиноамериканского экспорта. Развитие подобных тенденций нередко приводит к массовому разорению местных производителей, и латиноамериканские страны оказываются неспособными обеспечить себя самыми необходимыми товарами. Так, Венесуэла, обладая всеми условиями для полного самообеспечения продовольствием, вынуждена ввозить продукты питания. Рекорд был поставлен в 1982 г., когда она израсходовала на их импорт, в основном из США, 7 млрд долл.

Торгово-политические противоречия возникают также в связи с поставками из стран Латинской Америки в США готовых изделий и полуфабрикатов. Ставки американского таможенного тарифа зависят от степени обработки сырья, причем ставки на потребительские товары выше ставок на товары производственного назначения. При такой структуре тарифа "уровень действительной защиты" при импорте в США даже тех товаров, стоимость обработки которых невелика по сравнению со стоимостью сырья, оказывается намного выше. Это наносит ущерб прежде всего странам Латинской Америки, поставляющим основную массу подобной продукции в Соединенные Штаты.

Особенно серьезны противоречия в вопросах импорта готовых изделий и полуфабрикатов между США и наиболее развитыми странами Латинской Америки — Бразилией и Аргентиной, которые при наличии благоприятных условий могли бы поставлять США широкую гамму своей промышленной продукции в гораздо больших объемах. Настоящую торговую войну развернул Вашингтон против Бразилии. США — ее ведущий торговый партнер, причем их доля в бразильском экспорте возросла с 26,5% в 1984 г. до 28,6% в 1985 г., а в импорте — соответственно с 16,6 до 19,9% (на страны ЕЭС в 1985 г. пришлось 23,9% бразильского экспорта и 14,2% импорта)¹¹. В американо-бразильской торговле есть множество ограничений, отрицательно влияющих на возможности экспорта из Бразилии компьютеров, стали, текстиля, одежды, обуви, топливного спирта, концентратов сока цитрусовых и многих других товаров. За последнее десятилетие практически ежегодно

те или иные товары бразильского экспорта подпадали под дискриминационные меры правительства США: увеличение тарифов, снижение квот и т. д.

Циклический подъем в США и других развитых капиталистических странах в 1983—1984 гг. почти не затронул сырьевые товары. В предшествовавших экономических циклах подъем приводил к увеличению объема международной торговли сырьем и к существенному росту цен на него. В эти же годы, хотя объем экспорта сырьевых товаров развивающихся стран увеличился, сопутствующий рост цен оказался весьма слабым и очень непродолжительным. В результате латиноамериканские государства в кризисной для них ситуации с внешним долгом снова столкнулись с другой остреейшей проблемой — неблагоприятным для них соотношением экспортных и импортных цен, которое складывается в основном под влиянием США, с одной стороны, и сложившейся структурой торговли, в целом народного хозяйства этих стран — с другой.

Навязанная империализмом однобокая структура экономики с гипертрофированной экспортной продовольственно-сырьевой ориентацией определяет чрезвычайную уязвимость стран Латинской Америки от колебаний конъюнктуры мирового капиталистического рынка, где движение цен на сырье испытывает более резкие колебания, чем на готовые изделия. В связи с этим в отдельные годы во внешней торговле латиноамериканских стран по-разному складывается соотношение цен на экспортные и импортные товары, которое принято называть "условиями торговли" (terms of trade). Оно определяет реальную покупательную способность экспорта, т. е. количество иностранных товаров, которое можно закупить на экспортную выручку. В 1981—1985 гг. латиноамериканский регион пострадал от изменения "условий торговли" больше других районов капиталистического мира. Если потери африканских стран составили 6,9 млрд долл., а азиатские даже выиграли (благодаря нефтеэкспорту) около 25 млрд, то государства Латинской Америки недосчитались 44,6 млрд (табл. 8).

На сессии Латиноамериканского парламента в октябре 1985 г. президент Уругвая Х. Мариа Сангинетти заявил, что страны региона за 10 лет потеряли около $\frac{1}{5}$ возможных экспортных доходов. В частности, Уругвай недосчитался 20—25% возможных поступлений в результате колебания цен на основные продукты своего экспорта — мясо и шерсть. Он прямо связал внешнеторговые проблемы, причиной которых во многом является политика США, со сложной внутриполитической обстановкой в Уругвае. "Очень трудно укреплять демократические институты в такой ситуации, — подчеркнул он. — Не может быть прав человека без экономических прав для наших стран и наших граждан"¹².

Слабые надежды в связи с ростом доходов от экспорта

Таблица 8. Развивающиеся страны: выигрыш и потери в экспортных поступлениях от изменений "условий торговли", млрд долл.*

Регион	1981	1982	1983	1984	1985	1981 — 1985, в сред- нем
Северная Африка	4,2	2,2	-0,5	-0,4	-0,8	0,9
Остальная Африка	0,4	-2,1	-3,5	-2,4	-4,0	-2,3
Латинская Америка	-3,1	-10,1	-10,1	-7,3	-14,0	-8,9
Западная Азия	19,3	19,4	6,2	7,1	4,5	11,3
Южная Азия	-0,7	-1,1	-0,5	0,0	-0,3	-0,5
Восточная Азия	-2,6	-7,2	-6,8	-3,1	-9,1	-5,8
Все развивающиеся страны	17,5	1,1	-15,3	-6,2	-23,8	-5,3

* Рассчитано на основе стоимости экспорта в 1980 г.

Источник. ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. Т. III. С. 7.

(7% в 1983 и 1984 гг.) потерпели крах в 1985 г., когда экспортные поступления региона сократились на 5,7% в результате снижения объема продаж и экспортных цен. Причем сокращение объема экспорта наблюдалось в первую очередь в государствах, вывозящих нефть из-за низкого спроса на нее, в то время как падение экспортных цен сыграло более негативную роль, поскольку затронуло почти все страны. В результате "условия торговли" ухудшились на 3% (несмотря на некоторое снижение импортных цен), что наряду с финансовыми трудностями большинства стран привело к дальнейшему сокращению импорта. Его объем, который в 1984 г. был на 35% ниже уровня 1980 г., еще более сократился в 1985 г.¹³

Рост влияния частных банков и обострение комплекса проблем, связанных с внешним долгом, сказались и на внешнеторговой сфере. Увеличение задолженности потребовало мобилизации всех возможных ресурсов для выполнения финансовых обязательств, и это стало одним из главных факторов сокращения импорта всех важнейших товаров в 1981—1983 гг. (табл. 9). Конечно, максимально возможная экономия получаемой от экспорта валюты может позволить продержаться некоторое время. Однако длительное время это продолжаться не может, поскольку постоянное превышение экспорта над импортом вызывает недовольство стран-контрагентов, а главное, ТНК, которые лишаются таким образом рынков сбыта. Их давление проявляется, например, в изменении торговой политики США в сторону ужесточения условий закупок латиноамериканских товаров. Тяжелейшее финансовое положение стран Латинской Америки обусловлено, в частности, тем, что их суммарный экспорт с середины десятилетия сокращался гораздо быстрее, чем импорт. Если с 1982 по 1984 г. общее положительное сальдо их торгового баланса возросло более чем в 4 раза, то в 1985 г. произошло

Таблица 9. Изменения объема импорта важнейших товаров в отдельных странах, %

	Средства производ-ства		Полуфабри-каты		Потребительские товары		Нефть	
	1979-1981	1981-1983	1979-1981	1981-1983	1979-1981	1981-1983	1979-1981	1981-1983
Аргентина	-21,9	-63,6	77,8	-18,6	209,7	-66,9	-14,0	-48,0
Бразилия	5,8	-36,7	7,0	-14,5	9,5	-21,4	71,0	-28,2
Венесуэла	6,5	-25,5	47,4	-30,5	34,7	-28,0	-	-
Колумбия	75,7	-9,9	43,4	0,1	43,5	3,7	91,6	-14,2
Мексика	111,9	-77,9	82,9	-58,4	180,7	-78,5	-	-
Перу	99,1	-30,1	40,3	-24,3	286,1	-19,3	-	-
Чили	52,3	-64,6	59,4	-58,3	110,2	-66,1	-24,3	-67,8
Всего по семи странам	35,2	-48,8	-57,9	-39,2	77,7	-46,6	58,5	-29,9

Источник. UNCTAD. Trade and Development Report. 1985. P. 85.

его сокращение на 4,3 млрд долл. Доходы латиноамериканских стран от внешней торговли явно недостаточны, поскольку огромные суммы выплат по задолженности фактически обескровливают экономику региона. В 1985 г., несмотря на значительное превышение экспорта над импортом, дефицит по текущим статьям платежного баланса возрос до 5,9 млрд долл.¹⁴ Это нанесло серьезный удар по расчетам ряда стран как-то выпутаться из клубка проблем.

Пострадали в первую очередь нефтедобывающие государства, особенно Мексика, где положительное сальдо по текущим счетам уменьшилось за 1985 г. с 3,7 млрд до 200 млн долл. Ее поступления от экспорта нефти сократились в 1986 г. до 5,6 млрд долл., что на 8,5 млрд меньше, чем в 1985 г.¹⁵ Некоторым странам удавалось сохранить благоприятное соотношение экспорта и импорта (Аргентина, Чили), но ценой застоя в экономике и сокращения импортного спроса.

Пользуясь низкими ценами на нефть на мировом рынке, США в начале 1987 г. увеличили пошлины на импорт этого важнейшего товара, чем нанесли дополнительный удар по нефтеэкспортирующим странам региона. Ноты, которые вручили послы Эквадора и Мексики госдепартаменту США, официальные заявления министра иностранных дел Венесуэлы, резолюция Национального конгресса Эквадора, в которых была подвергнута резкой критике эта мера США, прозвучали как глас вопиющего в пустыне перед лицом американских нефтяных монополий, заинтересованных в сокращении импорта более дешевой нефти с целью поддержания высоких цен на внутреннем рынке.

Ввиду усилившихся в последние десятилетия тенденций к объединению стран — экспортеров сырья США все чаще прибегают к нетрадиционным способам сохранения своего господ-

ства на рынке. Так, вместо прямого диктата при установлении цен используются различные махинации в крупнейших центрах торговли тем или иным товаром. Например, в Лондоне и особенно в Нью-Йорке спекулятивные сделки с кофе получили столь широкое распространение, что руководители отраслей, связанных с производством и сбытом этого продукта, из Бразилии, Колумбии, Мексики и центральноамериканских стран провели в 1986 г. даже специальное совещание в Боготе по борьбе с подобными явлениями. Чтобы добиться стабилизации мировых цен на кофе, они приняли решение сократить его поставки. Однако зависимость рынков сельскохозяйственной продукции от природных условий неоднократно подводила латиноамериканские страны. Монополии же США не испытывают воздействия этого фактора, поэтому получают свои прибыли вне зависимости от природных условий, используя свое технологическое превосходство.

Уже упоминалось, когда речь шла о новых формах господства ТНК, что в механизме эксплуатации латиноамериканских государств важную и, в силу ограниченности статистики, до конца еще не исследованную роль играют трансфертные цены, т.е. цены в торговле между разными подразделениями той или иной транснациональной корпорации. Используя для увеличения своих выгод этот механизм, дочерние фирмы американской ТНК в определенных ситуациях идут на занижение стоимости своего экспорта или завышение стоимости импорта в торговле с материнской компанией. В результате валютные поступления страны ее местонахождения сокращаются на соответствующую сумму. Точные данные по внутрифирменной торговле американских ТНК в Латинской Америке, вероятно, никогда не будут опубликованы, но примерное представление о масштабах этой торговли могут дать сведения о ее доле во всей внешней торговле США — более 30% (за вычетом импорта нефти и торговли с Канадой, где показатели гораздо выше)¹⁶. Суммарные же издержки Латинской Америки от ее неравноправного положения во внешнеторговых связях не поддаются исчислению. Только в 1984 г., и то лишь из-за ухудшения "условий торговли" по сравнению с 1980 г., латиноамериканские страны потеряли 20 млрд долл. Не случайно Ф. Кастро назвал неэквивалентный товарный обмен своего рода законом, который "следует лучше изучить и проанализировать экономистам, для более глубокого проникновения в его сущность и механизмы"¹⁷.

Механизм действия "финансовой ловушки"

Проблемы торгового обмена с Соединенными Штатами — традиционно большой вопрос для всех латиноамериканских государств, хотя 80-е годы показали, что они могут добивать-

ся на этом фронте определенных сдвигов в свою пользу. Естественно, основной благоприятствующий им фактор — не ослабление позиций монополий США на внешних рынках и не смягчение курса американской администрации. Общие агрессивные основы политики неоглобализма, как было показано, уходят своими корнями и в проблемы внешней торговли. Одним из источников относительных успехов Латинской Америки в этой сфере оказывается борьба между различными группами финансового капитала самих США. Если их промышленные монополии стремятся развернуть активное наступление на рынке, то банковские вынуждены считаться с состоянием платежных балансов своих должников, которые в 80-е годы все более ухудшались ввиду огромных выплат, связанных с внешним долгом.

Истоки проблемы в целом и в приложении к Латинской Америке достаточно подробно исследованы в советской литературе¹⁸. В данном контексте целесообразно напомнить лишь об основных причинах увеличения внешней задолженности стран региона.

Они заключаются, во-первых, в том, что в своем стремлении вырваться из порочного круга отсталости и зависимости эти государства не могли обойтись без привлечения иностранных капиталов. Во-вторых, заемные средства, в первую очередь помощь США на двусторонней и многосторонней основе, предоставлялись на развитие тех отраслей, которые не могут давать высокую прибыль, т.е. изначально закладывалась невозможность их возврата с процентами.

В-третьих, часть денег вообще шла на представительские расходы или расхищалась. При выявлении истоков долга отдельные дорогостоящие программы престижного характера выдвигаются некоторыми западными исследователями на первый план. В частности, они считают, что корни "пышного" и угрожающе растущего с каждым годом "дерева" внешнего долга Бразилии кроются в затратах на строительство ее новой столицы в глубине страны и прочих непроизводительных расходах начала 60-х годов. Действительно, сооружение города Бразилиа в полупустыне, вдали от базы строительной индустрии и прочей инфраструктуры, когда материалы, продовольствие и самих строителей приходилось в первое время перевозить по воздуху, обошлось государству в миллиарды крузейро, и часть средств была получена за рубежом. Характерное для некоторых наиболее развитых стран Латинской Америки (одновременно крупнейших должников) явление — чрезмерное разрастание столицы, превращение ее в агломерацию, концентрирующую значительную часть населения, производства и торговли, — не обошло стороной и Аргентину. В Большом Буэнос-Айресе сосредоточено более трети ее населения, в том числе около половины занятых в промышленности, торговле и в сфере обслуживания. В стране активно обсужда-

ются проекты строительства новой столицы. Примерно так-вы же показатели для мексиканской столицы. Налицо, таким образом, условия, довольно похожие на бразильские и требующие немалых дополнительных вложений, что должно привести к росту и без того непосильного внешнего долга. Есть и другие каналы непроизводительного расходования заемных средств.

На 40-й ежегодной объединенной сессии Советов управляющих МВФ и МБРР (Сеул, 8—11 октября 1985 г.) отмечалось, что в последние годы из общего объема внешних заимствований латиноамериканских государств только треть шла на производственные капиталовложения, другая треть направлялась на финансирование потребительских расходов, а остальные — уплыли за границу. В частности, за 1983—1984 гг. задолженность 10 крупнейших государств-дебиторов возросла на 41 млрд долл., но более половины полученных средств оказались за рубежом¹⁹.

Между тем кредит по своей сути предполагает его производительное (с точки зрения капитала) применение, хотя по каждой конкретной сделке проконтролировать это, конечно, невозможно. Касаясь данной проблемы, К. Маркс писал: "Отдача в ссуду денег как капитала... предполагает, что деньги действительно применяются как капитал... Если заемщик не затратит деньги как капитал,— это его дело. Кредитор ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделывать функции капитала..."²⁰ Следующая цитата относится непосредственно к истокам латиноамериканской задолженности. "Образованию этого долга способствовали различные факторы, в том числе вышеупомянутая политика. Если вы открываете двери внешней конкуренции, если вы разоряете национальную индустрию, то вам придется каждый год тратить фантастические суммы на импорт, и впоследствии вы окажетесь вынуждены прибегнуть к займам, чтобы осуществлять этот импорт... Значительная часть этих денег была также истрачена на приобретение оружия и другие военные расходы. За счет еще одной части нажились многие люди, то есть немало из этих денег разворовали и другую, тоже немалую часть, переправили за границу различными путями. *Кредиторам было абсолютно все равно, что делают с этими деньгами*"²¹ (подчеркнуто нами.— Авт.). Практически полное совпадение сути этого высказывания, принадлежащего Ф. Кастро, с мыслью автора "Капитала" наглядно демонстрирует жизненность и злободневность Марксовых идей и для экономической жизни нашего времени. Развитие событий в 80-е годы на практике показало проявление всех противоречий, заложенных в ссудном капитале.

Здесь следует указать, что как явление проблема внешней задолженности латиноамериканских государств возникла не в последние десятилетия и вообще даже не в XX в. Так,

страны Центральной Америки неоднократно находились на грани банкротства и до того. В частности, в 80-е годы прошлого столетия этим воспользовались американские компании. Та же "Юнайтед фрут", предоставив средства на погашение долгов, получила неограниченную свободу действий в создании собственной инфраструктуры, которая и сейчас как сеть опутывает центральноамериканские государства. В сети финансовой зависимости прочно попала в конце прошлого столетия и Аргентина (которую приводил как пример В. И. Ленин), где события развивались по той же схеме, что и в Центральной Америке. Причем продовольственные корпорации США, особенно связанные с производством и переработкой мяса и зерна, до сих пор сохраняют очень прочные позиции в стране.

Масштабы же глобального кризиса проблема латиноамериканской задолженности приняла в 80-е годы нынешнего века. Ее корни уходят в предыдущее десятилетие и связаны с необходимостью и возможностью значительного увеличения экспорта ссудного капитала. К общим предпосылкам, раскрытым в первой главе, следует добавить конкретные обстоятельства 70-х годов, чтобы понять неизбежность именно такого развития событий. К ним относятся, во-первых, кризисные и застойные явления в экономике развитых капиталистических стран, потребовавшие поиска новых сфер использования ссудного капитала, процессы концентрации и централизации которого шли бурными темпами. Западные банки были вынуждены буквально "гоняться" за заемщиками, стремясь не упустить саму возможность получения прибыли. Во-вторых, массы денежных средств, не находивших применения в развитых странах, пополнялись огромными доходами от экспорта нефти, использовать которые их владельцы были не в состоянии, и передавались в распоряжение западных банков. В-третьих, сами латиноамериканские страны с их довольно высоким общим уровнем и относительно устойчивыми темпами развития, а в ряде случаев и стабильными военными режимами представлялись достаточно надежным и емким рынком для предоставления ссуд.

В результате долг возростал больше всего в связи с расширением банковского кредитования, и в самой его структуре выделялись уязвимые звенья, которые должны были перерасти в кризис задолженности, невозможность расплачиваться по кредитам.

В первую очередь необходимо отметить резкий рост доли краткосрочной задолженности (до одного года), которая в 1982—1983 гг., например, составляла 25—30%. Большие размеры такого долга значительно ухудшают способность своевременно погашать обязательства, поскольку вложения не успевают окупиться до наступления срока платежа. Кроме того, если в нормальных условиях краткосрочная задолжен-

ность легко рефинансируется (возобновляется), то в кризисной обстановке, когда доверие к должникам падает, новые средства не поступают или выделяются опять же в форме краткосрочных кредитов — это представляется банкам менее опасным, но загоняет должников в тупик.

Следующее слабое звено связано с активизацией вывоза ссудного капитала при "плавающей" процентной ставке. На долю таких ссуд к началу 80-х годов приходилось 58% общей суммы средне- и долгосрочного государственного долга латиноамериканских стран²². Большинство кредитов частным заемщикам также предоставлялись на условиях "плавающей" ставки. В 70-х и в начале 80-х годов ставки евровалютного рынка, в первую очередь ЛИБОР — а именно к ней чаще всего прибегают западные кредиторы, — неуклонно повышались; соответственно увеличились ставки, по которым латиноамериканские государства-заемщики должны были погашать кредиты, полученные ранее (табл. 10).

Таблица 10. Средние условия новых кредитов странам Латинской Америки

	1970	1975	1978	1980	1981	1982	1983	1984
Все виды кредитов								
Процентные ставки*	7,1	8,3	9,4	11,7	14,2	12,9	11,1	11,0
Сроки погашения**	14,2	10,4	10,2	10,8	10,5	10,0	10,2	11,3
Льготный период**	3,6	3,1	4,2	4,1	4,0	3,5	3,0	4,0
Льготный элемент*	16,3	8,4	3,0	-6,6	-17,1	-10,7	-3,7	-4,7
Частные кредиты								
Процентные ставки*	7,8	9,0	10,0	13,3	16,1	14,3	11,8	12,3
Сроки погашения**	8,9	6,6	8,6	8,4	8,8	8,1	7,4	8,7
Льготный период**	2,4	2,3	4,0	4,0	4,0	3,2	2,6	4,1
Льготный элемент*	9,5	3,0	-0,7	-15,1	-26,4	-17,7	-7,8	-11,9
Официальные кредиты								
Процентные ставки*	6,0	6,5	6,8	7,5	8,4	9,5	9,0	9,1
Сроки погашения**	23,1	20,4	17,9	16,9	15,8	14,9	17,4	15,3
Льготный период**	5,5	5,3	4,9	4,2	3,9	4,0	4,3	3,8
Льготный элемент*	27,5	22,2	20,7	16,6	11,1	6,3	7,3	6,1
Доля в долгосрочной государственной задолженности*								
— льготного элемента	28,1	14,2	9,1	7,7	7,2	6,8	5,6	5,3
— кредитов с "плавающей" ставкой	2,9	38,0	48,9	57,6	61,7	62,5	64,4	68,1

* В процентах; ** в годах.

Источник. World Debt Tables. The World Bank. Wash., 1986. P. 251.

Жесткие условия кредитования латиноамериканских государств на международном рынке ссудных капиталов ослабили базу для формирования их валютных накоплений, оказали крайне отрицательное влияние на состояние их платежных балансов. Все большая доля новых кредитов направлялась на рефинансирование задолженности, а также на покрытие дефицитов платежных балансов и государственных бюджетов, т. е. движение ссудного капитала все в большей степени ограничивалось чисто финансовой сферой. К. Маркс очень точно подметил, что высокая ставка процента "может выплачиваться, — и это отчасти имеет место в периоды спекуляции, — не из прибыли, а из самого заемного чужого капитала, и этот факт может иметь место длительное время"²³. Яркий пример — накопление задолженности латиноамериканскими государствами. Разбухание внешнего долга может происходить в течение длительного времени, но имеет объективные пределы, превышение которых неизбежно приводит ту или иную страну на грань кризиса.

Особая проблема для латиноамериканских стран — валютная структура задолженности с преобладанием обязательств, которые они должны погашать в долларах США. Процентные ставки по долларovým кредитам быстро выросли (табл. 11), соответственно увеличились и суммы платежей. Естественно, латиноамериканские страны не сами создавали себе проблемы, выбирая доллар в качестве валюты кредита. По тем займам, в которых менеджерами были американские банки (абсолютное большинство), это подразумевалось само собой.

Таблица 11. Процентные ставки по еврокредитам в различных валютах, в среднем за период

Валюты	1974 — 1978	1979 — 1983
Доллар США	8,27	13,26
Марка ФРГ	5,46	8,43
Японская иена	7,91	7,83
Швейцарский франк	4,32	5,46
Французский франк	11,83	15,74
Английский фунт стерлингов	12,61	13,36

Источник. World Financial Markets. 1984. VIII. P. 11.

С другой стороны, прямой удар по Латинской Америке нанес здесь экономический курс администрации Р. Рейгана. Как известно, одним из исходных компонентов "рейганомики" было поддержание высокого курса национальной валюты США. На протяжении большей части 70-х годов курс доллара снижался, и латиноамериканским должникам для выплат по кредитам с фиксированной ставкой требовались меньшие суммы средств. Но сравнительное укрепление доллара в 1979 — 1984 гг. увеличило ежегодные суммы платежей некото-

рых стран по процентам чуть ли не в 1,5 – 2 раза. Причем заемщики сами вносили лепту в этот процесс, ежеквартально закупая доллары на рынке для очередных платежей. В определенной степени и Латинская Америка, заинтересованная в снижении курса доллара, объективно способствовала его повышению.

Резкое обострение проблемы задолженности стимулировалось также практически безграничным в течение небольшого периода (1979 – начало 1982 г.) доступом латиноамериканских стран к рынку евровалютных кредитов. Их долг перевалил за критическую черту, и уже в начале 80-х годов послышались сигналы тревоги. К 1981 г. объем иностранной задолженности стран Латинской Америки возрос почти до 240 млрд долл., что составило более 40% внешнего долга всех развивающихся государств²⁴.

Создававшаяся ситуация уже в то время вызывала опасения в международных банковских кругах. На конференции по проблемам евровалютного рынка председатель правления банка "Креди Суис ферст Бостон" отмечал, что еврооблигационный рынок испытывает большие трудности, связанные с попытками некоторых латиноамериканских заемщиков добиться отсрочки погашения займов. Журнал "Бизнес уик" также писал, что для американских банков наиболее серьезную проблему представляет Латинская Америка, куда финансовые институты США вложили 55 млрд долл. В годовом докладе Бундесбанка ФРГ было высказано мнение, что отдельные развивающиеся страны, возможно, достигли пределов увеличения своей внешней задолженности и что это требует изменения политики банков в вопросах кредитования этих стран²⁵.

Перемены в настроениях банков-кредиторов были чутко уловлены их вкладчиками. Осенью 1982 г. после объявления Мексики о временном прекращении платежей по основной сумме долга они бросились изымать свои средства из банков и обращать их в более реальные активы, в частности в золото. Курсы акций даже крупнейших западных банков пошли вниз, а цена золота на международных рынках за какие-нибудь две недели подскочила в 1,5 раза. За Мексикой должны были с неизбежностью последовать другие страны, и многие, в первую очередь небольшие, банки-кредиторы поспешили сократить свои латиноамериканские активы. Если в обозначенный период (1979 – начало 1982 г.) их операции по кредитованию региона нарастали наиболее быстрыми темпами, то уже за 1982 г. в целом относительный прирост был гораздо меньше, чем у средних и крупных банков. Сыграли свою роль, в частности, стремление предоставлять быстро погашаемые краткосрочные кредиты и относительная легкость избавления от сертификатов участия, размеры которых составляют от 1 – 5 млн до 5 – 10 млн долл.

Вместе с тем далеко не все банки могли легко расстаться с частью своих активов, связанных с латиноамериканским долгом. Крупные банки и правительства развитых капиталистических стран не могли допустить разорения ведущих должников — Бразилии, Мексики и Аргентины, которые только за 1982 г. должны были выплатить по всем видам кредитов более 80 млрд долл. Если бы в течение года они не осуществляли выплаты, то 9 крупнейших банков США не только остались бы без прибылей, но и потеряли $\frac{1}{3}$ собственного капитала — так утверждали западные специалисты²⁶. Между тем факты не дают оснований для паники. Таблица 12 наглядно показывает, что даже при пике кредитного бума в регионе латиноамериканская составная часть активов крупнейших банков США была не столь велика, чтобы вызвать кризис.

Таблица 12. Внешние активы крупнейших американских банков, на конец 1983 г., млрд долл.

Банки	Сумма активов	Активы в Мексике, Бразилии, Аргентине, Венесуэле	Доля четырех крупнейших должников в общей сумме внешних активов, %
"Мэньюфэкчурерз Ханновер граст"	64,3	6,6	10,0
"Ситибэнк"	134,7	10,2	7,6
"Чейз Манхэттен бэнк"	81,9	6,1	7,5
"Кэмикл бэнк"	51,2	3,8	7,5
"Морган гэрэнти траст компани"	58,0	4,2	7,2
"Бэнкэрз траст компани"	40,0	2,7	6,7
"Бэнк оф Америка"	121,2	7,1	5,9
"Континентл Иллинойс"	42,1	2,0	4,7
"Ферст Интерстейт"	44,4	1,4	3,1
"Секюрити Пэсифик"	40,4	1,3	3,1

Источник. The Time. 1984.4.VI. P. 25.

Для кредиторов важна не сама по себе безопасность своих активов. Большую долю их составляют привлеченные, заемные средства, и самым страшным для банка является потеря доверия. Он может пускаться в какие угодно рискованные операции, но, пока пользуется кредитом (credit — дословно: доверие), пока имеет возможность привлекать средства, все идет более или менее спокойно. Резкий рост латиноамериканской задолженности опасен для банков не сам по себе: вложенные средства давно вернулись, и с немалым приращением. Ловушка, в которую попали, а вернее, загнали себя банки, заключается в перспективе возникновения паники на кредитном рынке, в возможности утраты доверия. Когда вкладчики, напуганные слухами об ухудшении позиций банков США из-за

неплатежеспособности латиноамериканских стран, действительно бросаются изымать средства из банков, тогда и можно будет говорить о реальном кризисе системы международного капиталистического кредита.

В отношении Мексики была предпринята "спасательная" операция. Группа центральных банков капиталистических государств, действующих через Банк международных расчетов в Базеле, согласилась предоставить заем в 1,85 млрд долл. при условии, если Мексика и МВФ достигнут соглашения по вопросам экономической политики ее правительства. Коммерческие банки были вынуждены пересматривать сроки погашения предоставленных Мексике кредитов. "У них нет иного выбора,— писал журнал "Бэнкер",— даже такой крупнейший банк, как "Бэнк оф Америка", не может позволить себе потерять капиталы, вложенные в Мексику, объем которых оценивается в 2—3 млрд долл."²⁷. В дальнейшем к подобным операциям Запад прибегал не раз, и каждый случай сопровождался ожесточенной борьбой между должниками и кредиторами.

Однако следующие друг за другом переговоры о пересмотре условий платежей показали: вместо того чтобы разрешить проблемы развивающихся стран, этот процесс просто оттягивает наступление кризиса. Мексика, к примеру, в 1983—1986 гг. трижды вела переговоры об изменении сроков платежа. Так, результаты ее переговоров с международными банками в сентябре 1986 г. очень мало отличались от других, ставших традиционными, соглашений о пересмотре условий погашения внешнего долга. Были продлены сроки выплаты по старым и предоставлены новые кредиты для предотвращения банкротства страны. При этом банки потребовали, чтобы Мексика строго соблюдала график процентных платежей. Положение страны было несколько облегчено. Однако ситуация складывается так, что при наступлении каждого очередного срока общая сумма процентных платежей Мексики может снова превысить критическую.

Как показывает практика, по мере периодических всплесков кризиса медленно, но неуклонно меняется как подход банков, так и позиция правительств стран-должников. В отличие от таких забот, как хроническая нехватка средств для реализации тех или иных планов, неэффективная работа госсектора, неблагоприятные условия торговли и так далее, проблема платежеспособности, как только она встала перед страной, не поддается откладыванию в долгий ящик. В течение определенного времени еще можно продержаться за счет переноса сроков платежей, получения новых займов под более высокие проценты, но с приближением каждого очередного срока выплат положение все более драматизируется. Платежи по долгу постоянно беспокоят правительство, когда все возможные кредиторы убеждаются, что его платежеспособность,

мягко говоря, сомнительна. Их позиция ужесточается, и начинают раздаваться публичные жалобы и протесты должников, безрезультатные и все усиливающиеся. Если правительство прибегает к "помощи" МВФ и МБРР, то выполнение их условий всегда обостряет социальную ситуацию в стране, но почти никогда не приводит к оживлению в экономике.

Оказываясь то и дело перед перспективой кризиса задолженности, руководящие круги латиноамериканских стран вынужденно приходят к выводу о необходимости радикальных изменений в самом подходе к проблеме, приходят постепенно, поодиночке, трудно, но неизбежно. Президент Ж. Сарней объявил 20 февраля 1987 г., что Бразилия прекратит процентные платежи по своей задолженности иностранным коммерческим банкам, составляющей около 68 млрд долл., или $\frac{2}{3}$ от общего объема внешнего долга страны (108 млрд). В апреле бразильские должностные лица во главе с президентом Центрального банка страны встретились с представителями 14 банков, которые ведут переговоры от имени сотен коммерческих банков-кредиторов, чтобы обсудить, когда могут быть возобновлены платежи и как правительство намеревается перестраивать экономику. Комитет банков возглавил "Ситибэ́нк", которому Бразилия должна 3,9 млрд долл. Еще в марте того же года этот банк пригрозил отнести кредиты Бразилии в разряд "не приносящих проценты" и уточнил, что это приведет к уменьшению прибыли банка за 1 квартал на 50 млн долл., а за весь 1987 г. — на 190 млн долл. (после вычета налогов)²⁸. Аналогичные заявления сделали "Дж. П. Морган энд Ко", "Бэ́нк оф Америка", "Мэ́ньюфэкчурерз Ханновер". Однако руководители развивающихся стран давно пришли к выводу, что вряд ли стоит доверять жалобам банковских воротил, намекающих на возможность разорения. Доля латиноамериканской задолженности в общей сумме активов банков США весьма невелика (табл. 13), и ее списание само по себе не угрожает кредиторам банкротством.

Таблица 13. Требования к развивающимся странам, % от общих активов банков США

Банки-кредиторы	декабрь 1982 г.		сентябрь 1985 г.	
	все развивающиеся страны	в том числе латиноамериканские	все развивающиеся страны	в том числе латиноамериканские
9 крупнейших банков	14,0	8,7	12,7	8,5
15 следующих крупнейших банков	10,0	6,6	8,2	5,4
Прочие банки, подотчетные ФРС	5,1	3,8	3,2	2,4
Все банки США	10,3	6,6	8,2	5,6

Источник. ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. Т. 3. 1986. С. 65.

В то же время латиноамериканские страны практически оказались безоружными перед всеохватывающей сетью иностранных банков. Любая операция на внешнем рынке с неизбежностью проходит через систему кредитных учреждений, которые фактически и решают, состоится она или нет. Поэтому, несмотря на чрезвычайно тяжелое экономическое положение и даже социальные конфликты, латиноамериканские должники долго не решались объявить мораторий на выплату процентов, а задержки платежей преследовали цель добиться более благоприятных условий. И лишь исчерпав все возможности, они переходят к практическим действиям. Бразилия, например, в 1987 г. должна была выплатить в качестве процентов по своей задолженности от 9 до 9,5 млрд долл., что эквивалентно 3,5% ВВП страны. Министр планирования предложил сократить платежи в погашение как основной части задолженности, так и процентов, поставив их в зависимость от уровня инфляции в США²⁹.

Столкнувшись с суровой реальностью проблемы погашения внешнего долга странами Латинской Америки, западные банки стали прибегать к такой форме страховки, как продажа или обмен их долговых обязательств на другие по определенному курсу. Банки США вступили на этот путь позже своих основных конкурентов, в частности, потому, что они уповали на "помощь" правительства США и контролируемых ими МВФ, МБРР и других международных финансово-кредитных институтов. В середине 80-х годов и в банковских кругах США постепенно и с неохотой пришли к пониманию неизбежности рассасывания внешнего долга развивающихся стран, в первую очередь латиноамериканских. Они были вынуждены в 1985 – 1986 гг. пойти по пути европейских банков, которые с 1982 г. занимаются по сути частичной распродажей долгов развивающихся стран.

Возник специфический рынок долговых обязательств, на котором они продаются намного ниже своей номинальной стоимости. Объем рынка пока невелик (по оценкам, 12 –

Таблица 14. "Цены" на обязательства по банковским кредитам на вторичном рынке, % к номинальной стоимости

	Июль 1985	Январь 1986	Июнь 1986	Ноябрь 1986	Декабрь 1987
Аргентина	60 – 65	62 – 66	63 – 67	62 – 66,5	36 – 38
Бразилия	75 – 81	75 – 81	73 – 76	74 – 78	45 – 47
Венесуэла	81 – 83	80 – 82	75 – 78	73 – 74,5	57 – 60
Колумбия	81 – 83	82 – 84	80 – 82
Мексика	80 – 82	69 – 73	55 – 59	54 – 57	51 – 53
Перу	45 – 50	25 – 30	17 – 23	17 – 20	5 – 7
Чили	65 – 69	65 – 69	64 – 67	65 – 67,5	60 – 61
Эквадор	65 – 70	68 – 71	63 – 66	63,5 – 65,5	33 – 36

Источники: Nueva Sociedad. Marzo – abril 1988. P. 134; БИКИ. 1988.10.III.

15 млрд долл. в 1987 г.)³⁰, но симптоматично само появление на нем американских банков. Финансовый капитал США, столкнувшись с невозможностью до бесконечности "доить" латиноамериканские и другие развивающиеся страны путем взимания процентов и наращивания суммы долга, стремится вовремя отделаться от все более сомнительных активов. Правда, эта мера не решает проблемы задолженности, и наличие спроса на вторичном рынке долговых обязательств означает, что страны Латинской Америки и другие заемщики просто приобретают новых хозяев своего долга. Банки США, уже давно окупившиеся благодаря процентам основную сумму долга, собираются получить дополнительные средства, одновременно переложив на чужие плечи проблему выколачивания ежегодных платежей из Латинской Америки.

Американские и другие западные банки всеми способами пытаются решить двуединую и по сути неразрешимую задачу — обеспечить получение процентов по долгу и не допустить возникновения кризисных явлений, обусловленных неплатежеспособностью латиноамериканских стран. В этом проявляется характерная черта капиталистического кредита, которую отметил В. И. Ленин в "Тетрадах по империализму": "Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем (верно!!)"³¹. Неплатежеспособность латиноамериканских должников стала явью, но банки вынуждены предоставлять им все новые кредиты, поддерживая уже свое собственное реноме.

Приемлемого для всех решения быть не может, и "нельзя сказать, что правящие империалистические круги не видят скрытой здесь опасности. Но все их заботы сводятся к одному — как спасти нынешнюю систему своего обогащения за счет эксплуатации и сверхэксплуатации народов развивающихся стран", — констатировал XXVII съезд КПСС³². Для достижения этой цели финансовый капитал США готов поставить под ружье неоглобализма объединенную силу собственной экономической мощи и политического давления американского государства.

К авантюрным и агрессивным действиям любителей силового способа решения споров подталкивает сама непредсказуемость ситуации, грозящая в любой момент нанести серьезный ущерб американским банкам, которые, кстати, и без того методично оттесняются на вторые роли денежным капиталом Страны восходящего солнца. С углублением долговой ямы, в которой вполне закономерно оказались должники и кредиторы, расширяется пропасть между объективными интересами латиноамериканских государств и корыстными устремлениями их эксплуататоров.

Как уже отмечалось, резкое увеличение внешней задолженности латиноамериканских государств создало целый комплекс проблем, одна из которых — необходимость выделять с каждым годом все большие суммы на оплату процентов — на определенном этапе загнала их в тупик. Ведь основная задача, стоящая перед странами региона, — это преодоление отсталости, которая порождает зависимость и неравноправие, эксплуатируемое положение Латинской Америки в системе международного капиталистического разделения труда. На достижение этой цели были направлены господствовавшие в 40—70-е годы концепции "десаррольизма" — ускоренного развития национальных экономик. Соответственно предполагалось обеспечить более высокие показатели накопления, чем в развитых капиталистических государствах; и в 60—70-е годы соотношение темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) двух групп стран было именно таким (табл. 15). Но в 80-е годы картина существенно изменилась, особенно в Латинской Америке. Одной из причин является, несомненно, стремительный рост ее внешнего долга.

Темпы роста поступлений внешних ресурсов не поспевали за "галопирующей" задолженностью, а в 80-е годы начал сокращаться и их абсолютный размер. В частности, приток средств в 1982 г. уменьшился по сравнению с предыдущим годом на 17,2 млрд долл., и с учетом увеличения платежей на 11,6 млрд долл. наблюдался уже чистый отток ресурсов в размере 18,4 млрд долл. При этом на основных должников — Бразилию, Аргентину, Мексику, Венесуэлу, Чили — приходилось около 90% общего объема сокращения кредитов всем развивающимся странам³³.

В результате в странах Латинской Америки с 1981 по 1983 г. объем валовых внутренних капиталовложений сократился более чем на 30%; только две страны из 23, по которым имеются данные, добились его увеличения. По оценкам Межамериканского банка развития, для крупнейших стран региона к 1984 г. отношение общего объема капиталовложений к ВВП снизилось по сравнению с его средним уровнем в 1980—1981 гг. на 17—37%. При этом в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Чили, норма накопления в 1982—1984 гг. была примерно на 10% ниже уровня 1975—1977 гг. В Чили ее сокращение оказалось настолько значительным, что в настоящее время капиталовложения за счет собственных ресурсов уже недостаточны даже для того, чтобы поддерживать достигнутый объем основного капитала³⁴.

На эту статистику опираются некоторые исследователи, доказывая таким путем чисто негативное влияние притока ресурсов извне на процесс накопления в развивающихся странах. Между тем в предшествовавшие десятилетия приток

Таблица 15. Объем и темпы прироста ВВП

Группы стран	Объем ВВП, ВВП на млрд долл., душу населения, долл., 1980 г.	Среднегодовые темпы прироста ВВП, %					
		1960—1973	1973—1980	1981	1982	1983	1984
Экономически развитые капиталистические страны	7 444	4,9	2,8	1,6	-0,3	2,6	4,5
Развивающиеся страны	2 029	6,1	5,5	3,1	2,1	2,1	3,8
Азия* и бассейн Тихого океана	806	6,4	6,2	5,3	4,8	7,3	6,3
Ближний и Средний Восток и Северная Африка	110	1 027	5,0	7,8	5,0	5,3	0,4
Африка к югу от Сахары**	190	522	4,9	2,6	-0,4	-2,8	-0,6
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	710	2 051	6,1	5,4	1,6	-0,9	2,8

* Без Японии.

** Без ЮАР.

Источник. The World Bank Annual Report 1985. Wash., 1985. P. 38.

внешних ресурсов сыграл немалую роль в развитии Латинской Америки, причем их доля в валовых капиталовложениях возрастала с 8,8% в 1965–1970 гг. до 15,1% в 1971–1973 гг. и 22,3% в 1976–1980 гг. (среднегодовые показатели). Коренной перелом наметился в 1982–1983 гг., когда приток средств в виде иностранных займов стал резко уменьшаться ввиду опасений неплатежеспособности должников. Одновременно быстрыми темпами возрастали процентные платежи — в среднем 20% в год за 1979–1983 гг.; размер основной части кредитов, подлежащей погашению, увеличился за весь этот период лишь на 25%³⁵.

Обычно латиноамериканские, а вслед за ними и многие советские экономисты для характеристики негативных последствий и эксплуататорской сущности внешнего долга латиноамериканских государств оперируют данными о размерах средств, переведенных ими за границу за определенный период, используя их как доказательство "обескровливания" (декапитализации) экономики. Такой подход был бы безукоризненным, если бы Латинская Америка, как и другие эксплуатируемые регионы, смогла в конце концов полностью оплатить свои долги. Однако специфика кредитной экспансии в том и состоит, что при предоставлении займов в капиталистическом мире возникают отношения *будущей* эксплуатации. С формальной точки зрения правомерно предположить, что деньги, полученные кредиторами в виде платежей, полностью идут на предоставление новых займов, пока сумма выплат не начинает превышать поступления кредитов. Тогда и начинается реальный отток средств, т. е. эксплуатация как таковая, и этот момент является критическим для большинства стран, поскольку должникам необходимо изыскивать дополнительные источники кредитования, причем год от года нарастающие по объему. Для латиноамериканских государств переломным явился 1982 год (табл. 16).

Вряд ли логично обосновывать вывод о декапитализации хозяйства развивающихся стран, сравнивая только размеры поступлений от внешней торговли с суммами выплат по долгу. Так, технический отдел Латиноамериканского парламента подготовил к специальной ассамблее по внешней задолженности рабочий документ, в котором указывалось, что в 1984 г. страны региона выплатили по долгам около 37,3 млрд долл., используя на это огромную долю доходов от экспорта (Аргентина — 52%, Боливия — 37, Мексика — 37, Бразилия — 36%). На основе этих данных мексиканский парламентарий Г. Тарре Брисеньо, руководитель рабочей группы, сделал вывод о неизбежности застоя и падения производства, поскольку ресурсы "отвлекаются от производственного применения"³⁶. Подобные выводы в целом, несомненно, верны, однако при оценке влияния задолженности на процессы накопления необходимо рассматривать весь комплекс показате-

Таблица 16. Нетто – поступление капиталов и перевод ресурсов из стран Латинской Америки и Карибского бассейна, млрд долл.

	Нетто – поступле- ние капи- талов	Нетто – платежи прибылей и процен- тов	Перевод ресурсов /3/=1/-/2/	Экспорт товаров и услуг	Отношение пе- ревода ресур- сов к экспорту товаров и услуг* /5/= 3 : 4 5
	/1/	/2/	/3/	/4/	/5/
1973	7,9	4,2	3,7	28,9	12,8
1974	11,4	5,0	6,4	43,6	14,7
1975	14,3	5,6	8,7	41,1	21,2
1976	17,9	6,8	11,1	47,3	23,5
1977	17,2	8,2	9,0	55,9	16,1
1978	26,2	10,2	16,0	61,3	26,1
1979	29,1	13,6	15,5	82,0	18,9
1980	29,7	18,2	11,5	107,6	10,7
1981	37,6	27,2	10,4	116,1	9,0
1982	20,4	38,8	-18,4	103,2	-17,8
1983	3,0	34,4	-31,4	102,4	-30,7
1984	9,3	36,3	-27,0	114,1	-23,7
1985	3,3	34,8	-31,5	108,9	-28,9
1986	8,7	30,5	-21,8	94,2	-23,1
1987**	14,4	30,1	-15,7	105,9	-14,8

* В %.

** Предварительные данные.

Источник. Notas sobre la economía y el desarrollo. 1987. N 455/456. P. 23.

телей по притоку и оттоку денежных средств, связанных с внешними источниками (включая поступления новых кредитов и сальдо торгового баланса). Вместе с тем более чем красноречивы абсолютные размеры потерь Латинской Америки: в 1982 – 1986 гг. – 132 млрд долл., в том числе в 1985 г. – 33 млрд (максимальный уровень)³⁷.

В западной экономической литературе и статистике при оценке деятельности банков и правительств по кредитованию латиноамериканских государств обычно рассматривают только одну сторону медали: подробно сообщается, на какие цели предоставлены средства. Но практически невозможно встретить расчеты окупаемости вложений и их сопоставление с условиями кредита. Между тем именно такие оценки позволяют предсказать, насколько вероятен своевременный платеж как по основной сумме кредита, так и по процентам. Причем, исходя из элементарной логики, очевидно, что уровень прибыльности должен быть необычайно высок. В самом деле, если даже предположить, что заемные средства полностью направляются в производственную сферу, то затрачиваются они по сути окончательно. Из стоимости созданной продукции должны возмещаться израсходованные средства производства, оплачиваться рабочая сила и т. д. На выплату по долгу

остается только та часть средств, что получена в результате неоплаченного труда работников (прибавочная стоимость). Значит, либо степень их эксплуатации должна быть чрезвычайно высока, либо заемщик не будет получать прибыли, либо ему придется изыскивать новые внешние источники или мобилизовывать внутренние ресурсы для оплаты долга. На практике условия кредитования Латинской Америки таковы, что налицо и то, и другое, и третье: заработная плата не возмещает реальной стоимости рабочей силы в современных условиях, правительства развивают лихорадочную активность в поисках новых займов, все большая часть которых идет на погашение долгов (на что расходуется и положительное сальдо торгового оборота).

В такой ситуации у латиноамериканских стран-должников практически нет иного выхода, кроме как добиваться активного баланса во внешней торговле. Но длительное превышение экспорта над импортом возможно при прочих равных условиях только при продаже более сложной продукции по сравнению с той, что покупается, т. е. в отношениях с менее развитыми государствами (а с ними товарооборот вообще не может быть большим). Поэтому остается только путь максимального стимулирования экспорта для получения валюты, что представляет по сути растраниживание национального богатства (хотя и замаскированное), поскольку полученные доходы все равно утекают за рубеж. Здесь завязывается целый комплекс противоречий уже между различными группами финансового капитала США, которые вместе с тем объединены стремлением использовать ситуацию для усиления контроля над экономикой региона.

В связи с проблемой внешнего долга появляются различные проекты, цель которых — смягчить нажим кредиторов. К ним относится активно обсуждаемая в последнее время идея, которую некоторые латиноамериканские страны уже стали внедрять в практику. Суть ее состоит в обмене долговых обязательств на акции и прочие ценные бумаги национальных предприятий, которые подвергаются таким образом частичной распродаже. Так, иностранные инвесторы, в частности банки, обменивают долговые обязательства Мексики (со скидкой) и превращают их в акции. В 1986 г. объем таких операций составил около 1 млрд долл. По другому пути идет Перу: созданный здесь в 1986 г. Национальный совет по внешнему долгу должен заниматься как одной из важнейших задач разработкой предложений для иностранных кредиторов по погашению задолженности поставками товаров. Такой план был разработан правительством, в частности, для сельского хозяйства, рыболовства, текстильной и других отраслей промышленности. Десятки кредиторов уже проявили интерес к плану. Правительство Перу рассчитывает расширить таким образом национальный экспорт, в первую очередь готовой

промышленной продукции, а также пополнить убывающие золотовалютные резервы³⁸.

В условиях роста внешнего долга и оттока конвертируемой валюты, естественно, развивается инфляция и обостряется недоверие к национальным валютам. Это приводит к "бегству" капиталов, поскольку средства, вложенные в местные банки в национальной валюте, обесцениваются на глазах. В результате в банках за рубежом сумма вкладов, например аргентинцев, составляет уже около 20 млрд долл. Наиболее осторожные исследователи оценивают сумму утечки капитала из Мексики как минимум в 20 млрд долл., причем указывают, что большая ее часть оказалась в банках США. По другим данным, только в 1980—1982 гг. Мексика потеряла 54 млрд долл. в результате "бегства" капиталов за границу, Венесуэла — 16 млрд и т. д.³⁹ Таким образом, представители частного национального предпринимательства и прочие владельцы денежных средств тоже вносят свою лепту в процесс декапитализации региона. Как отмечал журнал "Тайм", "для богатых, как всегда, есть возможность спастись"⁴⁰.

Перекачка средств из Латинской Америки в США и другие империалистические страны представляет собой особую форму проявления всеобщего закона капиталистического накопления, действующего в сфере международных экономических отношений. Однако суть его от этого не меняется: богатые становятся богаче, бедные — беднее. Взаимосвязь этой закономерности с доктриной неоглобализма отметил Генеральный секретарь Народной прогрессивной партии Гайаны Ч. Джаган в выступлении на Встрече представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября: "...чистый среднегодовой отток капитала из этого региона в форме прибылей, основного капитала и процентов в 1981—1985 гг. составил 36 млрд долл. Вот почему обе политические партии в Вашингтоне поддерживают контрреволюционную деятельность в различных регионах мира под предлогом защиты "жизненных интересов" США"⁴¹. Ф. Кастро в интервью газете "Эксельсиор" определил цифру потерь Латинской Америки за один 1984 г. в 45 млрд долл.: "20 млрд за счет ухудшения "условий обмена", 10 млрд за счет завышения процентов, 10 млрд из-за "бегства" валюты и 5 млрд, по самым жестким подсчетам, за счет завышенного курса доллара"⁴². Вложив даже часть этих средств в экономику региона, можно было бы увеличить в несколько раз темпы роста производства, что, несомненно, осознается все более широкими кругами в Латинской Америке, усиливает их требования к США. Таким образом, эксплуатация и ограбление латиноамериканских стран, опирающиеся в 80-е годы на доктрину неоглобализма, сами создают условия для ужесточения политики США в отношении южных соседей по полушарию.

Основная причина такого обескровливания Латинской Америки – огромные размеры внешнего долга, который только за 1981–1984 гг. возрос с 241,6 до 372,9 млрд долл.; из них $\frac{2}{3}$ приходилось на долю ТНБ. Есть и другие оценки⁴³. Но как бы ни разнились они, совершенно ясно, что страны Латинской Америки оказались на грани реальной декапитализации их экономики, а следовательно, перед выбором – продолжать платить или вступать в борьбу с кредиторами. Во втором случае народы этих стран должны неизбежно столкнуться с интернационально объединенным финансовым капиталом во главе с американскими банковскими и промышленными монополиями, мобилизующими на защиту своих интересов все силы, в первую очередь государственную машину Соединенных Штатов.

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И БОРЬБА В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Американское государство в роли приказчика финансового капитала

Выкачивание в крупных масштабах средств из латиноамериканских стран не может не вызывать противодействие их народов и правительств. Формы его различны, но в любом случае, когда затрагиваются интересы капитала США, американское государство, выполняя предопределенную ему роль "совокупного капиталиста", выступает в их защиту. Для внешнеэкономической политики США характерен сверхпротекционизм — осуществляемая в интересах своих монополий система торгово-политических мероприятий государства, направленная на создание наиболее благоприятных условий для экономической экспансии. При этом сверхпротекционизм сориентирован на противодействие попыткам других стран обеспечить свои интересы на североамериканском рынке, которое в отношении стран Латинской Америки особенно усилилось в последнее десятилетие.

Когда речь шла о противоречиях во внешнеторговой сфере, отмечалось, что в 80-е годы систематически сокращаются льготы, которые могут получить страны региона благодаря общей системе преференций, введенной в США с января 1976 г. для развивающихся государств. Однако в самой ее концепции были заложены неоглобалистские моменты, отраженные в соответствующем законе. Прежде всего иностранное государство, которое хотело бы получить преференции, должно идти в фарватере политики США. По терминологии закона ими могут пользоваться те страны, которые "не управляются и не контролируются международным коммунизмом". Этот принцип позволяет администрации действовать по своему усмотрению, вводя или отменяя льготы.

Не могут пользоваться льготами также участники международных картелей или ассоциаций, если они пытаются "установить контроль над производством сырья, чрезмерно повысить цены на сырье и создать серьезные затруднения для мировой экономики". В законе специально оговорено, что торговых преференций, т. е. права ввозить в США товары на льготных условиях, лишаются латиноамериканские страны, входящие в Организацию стран — экспортеров нефти. Данный пункт вызвал серьезные столкновения американской администрации со своими южными соседями, и для Венесуэлы и Эквадора

был сделан ряд исключений. Однако Мексика так и не вступила в ОПЕК, хотя этот вопрос в 70-е годы рассматривался, и тут роль прямого и косвенного давления США также нельзя недооценивать.

Одна из главных целей упомянутого запрета в законе состоит в том, чтобы помешать развивающимся странам, особенно латиноамериканским, объединиться для совместных действий против засилья иностранных монополий. Обращенный вначале против ассоциации производителей нефти, этот запрет может быть с таким же успехом применен против экспортеров меди, бокситов, сахара, бананов, т. е. стран, принимающих участие в совместной борьбе за более справедливое распределение доходов от продажи сырья или иных продуктов. К их числу среди латиноамериканских государств относятся Ямайка, Гайана, Гаити, Доминиканская Республика (бокситы); Чили и Перу (медь); страны Центральной Америки (бананы, кофе); Мексика, Бразилия, Колумбия, Венесуэла и другие (кофе). Таким способом правительство США обеспечило себе правовую базу для подрыва тех или иных неугодных ему межгосударственных экономических организаций.

Третья группа стран, лишенных прав на льготные пошлины при ввозе товаров в Соединенные Штаты, — это страны, предоставившие преференциальный режим другим развитым капиталистическим государствам, что объективно ограничивает экспортную экспансию американских монополий. Речь идет в первую очередь о развивающихся странах Карибского бассейна, Азии и Африки, ассоциированных с Европейским сообществом и предоставивших ему "обратные преференции".

Есть еще три категории стран, специально выделенные конгрессом. Тот же закон разрешает президенту приостанавливать преференции, если он сочтет, что такое решение отвечает национальным экономическим интересам США. К этой группе относятся страны, экспроприрующие американскую собственность или капиталовложения без соответствующей компенсации; отказывающиеся сотрудничать в предотвращении нелегального ввоза наркотиков в Соединенные Штаты; не признающие решения арбитража в пользу американских фирм или частных лиц в инвестиционных спорах.

Таким образом, из системы преференций может быть исключена практически любая латиноамериканская страна, которая попытается установить контроль над своими природными ресурсами, ограничить хозяйничанье американского капитала, проводить политику независимого экономического развития. В этом законе, можно сказать, нашли отражение практически все экономические аспекты неоглобализма. Руководство США, в том числе и республиканская администрация, активно использовавшая "разработки" своих предшественников, не упускало возможности его применения.

В 80-е годы основное направление борьбы вокруг экономических проблем между империализмом США и Латинской Америкой переместилось из сферы внешней торговли в кредитную область. Соответственно переориентировались и надстроечные звенья, которые при разработке внешнеэкономической стратегии США исходят из тех целей, что ставят перед ними ведущие монополистические группировки. Перемены в соотношении сил также влияют на смену приоритетов администрации. Еще В. И. Ленин отмечал, что проблема выбора торговой политики для данной страны "это — вопрос факта, вопрос данного исторического момента, вопрос о том, какая фракция предпринимателей выражает более общие интересы капитализма"¹. Таковой в настоящее время является фракция банкиров, представителей ссудного капитала, и неоглобализм в экономической сфере направляется в первую очередь на защиту их интересов.

В 1982 — 1983 гг. на грани банкротства оказался ряд развивающихся стран, в том числе Мексика, оспаривавшая тогда у Бразилии звание крупнейшего должника, что сразу отразилось на положении американских ТНБ, которые понесли убытки в размере нескольких миллиардов долларов. Доверие к банкам пошатнулось, потребовалось срочное вмешательство государства. Уже в августе 1982 г. администрация Рейгана предоставила Мексике "чрезвычайный" кредит в размере 1 млрд долл. под будущие поставки нефти и аналогичную сумму для импорта американского продовольствия. Кроме того, страна получила "промежуточный кредит" в 1,85 млрд долл., половину которого предоставили США. Были приняты необычайно жесткие меры для наведения порядка в банковском деле. Федеральная резервная система (ФРС) США и центральные банки других западных держав заставили коммерческие банки продолжить краткосрочное кредитование латиноамериканских стран. Частные банки были вынуждены предоставить в 1982 г. Мексике новые займы на сумму, эквивалентную 7% их активов, приходящихся на данную страну. В дальнейшем подобные "штрафные кредиты" предоставлялись и другим должникам².

Курс на повышение роли частного сектора в области предоставления средств зарубежным заемщикам проводился Вашингтоном и во второй половине 80-х годов. Администрация приняла решение изменить некоторые правила, регулирующие предоставление кредитов коммерческими банками США развивающимся странам, с тем чтобы расширить объем операций, осуществляемых на совместной основе банками США и МБРР. Соединенные Штаты выступили за ужесточение условий предоставления Международным валютным фондом ссуд этим странам и ограничение ресурсов Международной ассоциации развития (МАР — филиал МБРР) с целью создания там атмосферы, более благоприятной для частных инвестиций.

В октябре 1985 г. министр финансов США Дж. А. Бейкер выдвинул план решения проблемы задолженности 15 развивающихся стран. Упор был сделан на привлечение частных источников из международных финансовых организаций. Основная сумма средств должна направляться в Латинскую Америку, все более выходящую из-под контроля США. Условием получения "помощи по Бейкеру" поставлено соблюдение требований МВФ, т.е. прежде всего стоящих за ним Соединенных Штатов. Все это подтверждает ленинскую мысль о том, что "финансы и дипломатия оказывают друг другу взаимные услуги, и в современном мире они стали друг для друга необходимы. Огромной поддержкой для дипломатии, имеющей дело с государством-должником, является сознание, что она фактически имеет за собой экспортный капитал богатой страны, который она может предоставить или задержать"³.

Государственный Экспортно-импортный банк США (ЭИБ) также оказался вовлеченным в процесс кредитования Латинской Америки. Всячески стимулируя экспорт товаров из США, он предоставлял гарантии латиноамериканским частным компаниям. Сумма застрахованной или гарантированной им задолженности только мексиканских фирм, которую они в начале 1984 г. оказались не в состоянии погасить, составила 650 млн долл. По соглашению с правительством Мексики просроченный долг должен погашаться в течение шести лет. Но этот акт американского руководства был далек от благородных побуждений. Годовая ставка по отсроченной задолженности на 5 процентных пунктов превысила ставку по кредитам первоклассным заемщикам в США. Мексиканское правительство практически гарантировало выполнение и других выгодных США условий; оно обязалось осуществить платежи в долларах Экспортно-импортному банку через свои финансовые институты, мексиканские же фирмы должны платить этим учреждениям в национальной валюте. Используются и иные способы воздействия ЭИБ на латиноамериканские фирмы и государства для защиты интересов корпораций США. Президент ЭИБ Генри Кернс прямо заявил: "Тот, у кого возникают разногласия с нами, не получит денег ни от одной частной организации Соединенных Штатов"⁴.

Одной из последних жертв подобной дискриминационной практики стала Никарагуа. Довольно значительный поток средств, предоставлявшихся режиму Сомосы, сразу же после победы Сандинистской революции превратился в тонкий ручеек, а затем и вовсе иссяк. Но оппозиционные правительству Д. Ортеги партии и организации внутри страны и за рубежом, как известно, продолжают получать денежные средства, оружие, предметы потребления с Севера. Цели американской администрации проводятся и через Организацию содействия частным экспортерам (ОПИК) — фактического координатора усилий ТНК и буржуазного государства.

Диалектика взаимоотношений ТНК и их "родных" правительств достаточно многопланова. В советской экономической литературе отмечалось, что с экономической, политической, социальной, идеологической точек зрения транснациональные корпорации следует рассматривать в качестве агентов правительств стран базирования⁵. Теория и практика показали, что верно и обратное: правительство США непременно вмешивается в дела Латинской Америки, когда речь идет об угрозе интересам североамериканских монополий, т. е. выступает по сути их агентом. Это и неудивительно: ведь позиция буржуазного государства как "совокупного капиталиста" отражает в первую очередь интересы ТНК как ведущей экономической силы современного капиталистического общества. Поэтому транснациональные корпорации и правительство Соединенных Штатов обычно демонстрируют трогательное единство в стремлении удушить любые попытки ослабить тиски экономического господства и политической опеки США. Нагляднейшим образом это проявляется в деятельности госдепартамента. Газета "Гранма" иронически писала: "Похоже, что Самуэль Ф. Харт является "типичным" послем Соединенных Штатов. А быть "типичным дипломатом США" означает, между прочим, действовать как рупор ТНК, располагающихся к северу от Рио-Браво, и защищать всегда — и до последнего доллара! — "святейшие интересы" великих консорциумов империи". Столь убийственно точного отзыва, раскрывающего важнейшую задачу американской дипломатии, посол удостоился за старательную защиту интересов "Тексако". В связи с принятием закона, регулирующего добычу нефти в Эквадоре, американский дипломат заявил: "Если будет принят закон, благоприятный для инвестиций, не сомневаюсь, что международные нефтяные корпорации придут в Эквадор... Нужна уверенность, что вкладчики, получив прибыли, смогут перевести их в материнские компании..."⁶

Однако в тех редких случаях, когда в той или иной латиноамериканской стране создан достаточно благоприятный инвестиционный климат, а политическая позиция правительства приходится не по вкусу Вашингтону, американские фирмы отнюдь не горят желанием дестабилизировать обстановку. Принцип "У капитала нет отечества" действует во всей своей силе, и если правительство США не может не защищать позиции "своих" монополий, то они всегда руководствуются другим известным афоризмом: "Что хорошо для "Дженерал моторс", то хорошо для Америки". Достаточно наглядный пример дает Мексика, которая придерживается активной антиимпериалистической ориентации во внешних делах (позиция по отношению к Кубе, Никарагуа и т. д.), но в 80-е годы широко открыла двери для иностранных инвестиций, чем в определенной степени нейтрализовала давление США.

Если же то или иное правительство проводит проамерикан-

скую политику, монополии США стремятся полностью использовать благоприятную ситуацию для закрепления своих позиций. Так, в начале 80-х годов в Чили был утвержден новый кодекс для горнодобывающей промышленности, в котором предусматривалась выплата значительных сумм при национализации собственности ТНК. В них должны включаться и будущие прибыли от эксплуатации предприятий. По существу это означает, что режим Пиночета не рассматривает природные ресурсы Чили как национальное достояние с юридической точки зрения. Такой режим, несомненно, не может не поддерживаться американскими корпорациями и напрямую, и через правительство США, и с помощью многообразных связей финансового капитала.

Давление по всем этим каналам, особенно если оно осуществляется одновременно, служит средством обеспечения благоприятной для капитала США политики той или иной латиноамериканской страны. Вашингтон использовал, например, кризисную ситуацию с мексиканским долгом для достижения своих целей. Президент Мигель де ла Мадрид был вынужден в 1985 г. даже выразить признательность за американскую поддержку в достижении Мексикой договоренности с МВФ о "пакете" займов на сумму 12 млрд долл. Как известно, последовавшее соглашение временно спасло Мексику от объявления неплатежеспособности по долгу. Вашингтону хотелось бы, чтобы эта страна еще шире открыла двери для иностранных инвестиций, возможно внеся поправки в свое законодательство, которое ограничивает долю иностранного участия в некоторых отраслях 49% акционерного капитала, и практика второй половины 80-х годов показывает, что в ряде случаев мексиканское руководство отступало от этого принципа.

В свою очередь Мексика стремится получить более широкий доступ на рынок США, а также добиться облегчения условий погашения долга американским банкам. Обе стороны надеются выиграть от дальнейшей деятельности процветающих "макиладорас" — фабрик, принадлежащих иностранному, чаще всего американскому, капиталу, которые беспешинно импортируют материалы в Мексику и осуществляют сборку товаров для экспорта. Свыше 1000 таких предприятий уже действуют на границе с США. С 1985 г. они стали для Мексики крупнейшим источником иностранной валюты, не считая поступлений от нефти.

Далеко не всегда политика шантажа и нажима в 80-е годы дает благоприятные результаты. На Бразилию, выступающую в ряде случаев как конкурент США, американская администрация неоднократно оказывала сильное давление. Не случайно бразильский президент Ж. Сарней сказал как-то, что ни один из вопросов торговли не может быть важнее, чем общее состояние взаимоотношений с Соединенными Штатами⁷. Однако

активная поддержка отечественной компьютерной индустрии сужает возможности Бразилии пойти на компромиссы. Так, ее законодательство, ограничивающее доступ иностранных компаний в отдельные секторы местного рынка ЭВМ, дает американской администрации основания утверждать, что это равнозначно несправедливым торговым ограничениям в области, где США выступают ведущим международным конкурентом. В Бразилии же считают, что в данном случае используется всего лишь право развивающейся страны, признанное ГАТТ, на защиту своей промышленности. Даже вопрос о создании совместных предприятий с меньшей долей участия иностранных партнеров вызывает в стране ожесточенные дискуссии. Проводившиеся уже дважды двусторонние переговоры о доступе на бразильский рынок компьютеров США практических результатов также не принесли.

Ведется и другая торговая война — обувная. Американские производители обуви и профсоюзы обувщиков оказали сильное давление на президента США с целью добиться повышения таможенных тарифов или установления квоты на импорт бразильской обуви. Основанием для таких требований послужило сокращение занятости в этой отрасли промышленности США с 215 тыс. в 1970 г. до 120 тыс. к середине 80-х. Президент Ж. Сарней, обращаясь к представителям своих заинтересованных профсоюзов, заявил: "В момент, когда страна предпринимает огромные усилия по демократизации и экономическому возрождению, никоим образом нельзя оправдать новые протекционистские меры развитых стран". Возможные потери Бразилии были оценены в 300 млн долл. в год при росте безработицы на 50 тыс. человек⁸.

Американское правительство не только заботливо опекает своих капиталистов, но и не упускает возможности увеличить и непосредственные доходы казны от эксплуатации стран Латинской Америки. Так, после подписания в 1977 г. договоров о Панамском канале США постарались переложить большую часть расходов по его эксплуатации на маленькую Панаму, хотя ее доля в общей сумме доходов была в несколько раз меньше американской. А в 1983 г. Вашингтон принял решение увеличить почти на 10% тарифы на проход судов по каналу. В личном письме президента Эквадора О. Уртадо Р. Рейгану указывалось, что это повышение тарифов уже третье с 1974 г. и их суммарный рост за 10 лет составил 85%. Кроме того, Эквадор, один из основных пользователей каналом, вынужден включать повышенные тарифы в стоимость перевозимых товаров, уменьшая их конкурентоспособность⁹. Правда, последний довод вряд ли мог подействовать на президента США — ведь через Панамский канал страны Латинской Америки торгуют не только между собой, но и с Западной Европой, так что повышение тарифов одновременно ухудшило позиции американских конкурентов.

Объектом острых противоречий остается экспансия американского империализма под флагом "помощи" хозяйственному развитию стран региона. Резкое увеличение государственных займов и кредитов США этим странам представляет важную особенность экономических отношений между ними в послевоенные десятилетия. Рост займов способствовал заметному укреплению экономических позиций империализма США.

В целом за послевоенный период половина их экономической помощи Латинской Америке на двусторонней основе приходилась на кредиты Экспортно-импортного банка, около 30% — на займы и кредиты по межправительственным соглашениям и только 20% — на субсидии. При этом до середины 50-х годов в форме субсидий предоставлялась подавляющая часть средств (а иногда и вся помощь). Затем, по мере того, как она все больше использовалась для экономического развития и все меньше — в военно-политических целях США, субсидии вытеснялись займами, которые с начала 60-х годов стали основной формой государственной помощи США. В то же время и условия, на которых предоставляются средства, с точки зрения латиноамериканских стран все более ухудшаются.

Противоречия относительно финансовых условий предоставляемых займов развиваются по следующим основным направлениям:

— сроки погашения. Самыми короткими являются сроки кредитов ЭИБ и МБРР. Страны Латинской Америки борются за увеличение сроков погашения кредитов, особенно удлинения льготного, "грационного" периода (от заключения соглашения до первого взноса в погашение капитальной части долга);

— процентная ставка. В американской помощи возрос удельный вес кредитов ЭИБ, ставки которого составляют 7,5 — 8% годовых и 0,5 — 1% комиссионных по неиспользованной части кредита. Поскольку же в капиталистическом мире США — крупнейший кредитор по государственной линии, повышение процентных ставок по американским займам приводит к общему удорожанию международного кредита, сводя на нет преимущество длительных сроков, поскольку в этом случае более медленное погашение капитальной части долга сопровождается заметным увеличением процентных платежей;

— способы погашения кредитов. Одно из наиболее тяжелых условий кредитов США и банков других капиталистических стран заключается в требовании погашать капитальную часть долга и выплачивать проценты в конвертируемой валюте и в то же время использовать полученные средства на рынке страны-кредитора.

С середины 70-х годов в кредитной политике США и конт-

ролируемых ими международных банков появилась новая тенденция — буквально навязывать свои займы под высокие проценты относительно платежеспособным странам с положительным платежным балансом и с более или менее стабильной экспортной выручкой. Это прежде всего страны, богатые нефтью и другими ископаемыми, на которые есть спрос на мировом рынке, а также "новые индустриальные государства". В Латинской Америке к ним относится в первую очередь Венесуэла, которая в результате повышения цен на нефть к началу 80-х годов существенно увеличила свой национальный доход, укрепила платежный баланс и могла обойтись без внешних кредитов. Тем не менее международные банки предоставили правительству Венесуэлы крупные займы на развитие сельского хозяйства, инфраструктуры и образования. Активно предоставлялись также средства Бразилии, Мексике, Аргентине. В то же время наиболее нуждающиеся страны Латинской Америки — а их абсолютное большинство — не могут в достаточной степени воспользоваться кредитными ресурсами США и международных финансовых организаций.

Как по своим формам, так и по официальным целям американская помощь представляет собой орудие осуществления внешнеполитических планов США. Это наглядно проявилось, например, в реакции Вашингтона на борьбу кубинского народа за политическую и экономическую независимость своей родины, за построение социализма в стране. Американский закон 1961 г. прямо запретил оказание помощи Кубе и странам социалистического содружества. В 1962 г. последовал запрет на помощь странам, помогающим Кубе, а президент США получил право вводить полное эмбарго на торговлю с этой республикой. Была принята также поправка Хикенлупера, вводящая запрет на помощь странам, которые без соответствующей компенсации экспроприировали собственность американских компаний или граждан, нарушивших соглашения или контракты с ними, и которые применяли к этим компаниям дискриминационные меры, равноценные экспроприации. Наконец, законом о помощи 1963 г. было безусловно запрещено оказывать финансовую и техническую помощь странам, транспортные средства которых участвуют в торговле с Кубой, а также выделять ей квоту на экспорт в США.

Использование помощи как пряника в руках правительства США уже неоднократно демонстрировалось и в 80-е годы. Предлогом для прекращения помощи Гайане в середине 1985 г. послужило обсуждение руководством этой страны возможности прекращения платежей по долгу, причиной — все более "коммунистическая", с точки зрения неоглобалистов, его ориентация. В Джорджтауне было даже закрыто американское представительство по оказанию экономической помощи. Другой пример. После прихода сандинистов к власти в Никарагуа ЭИБ резко сократил займы, субсидии, банков-

ские гарантии этой стране. С 1979 г. ей не было предоставлено ни одного нового займа, а уже действовавшие гарантийные и страховые кредиты сократились с 8,9 млн долл. в 1979 г. до 11,5 тыс. в 1981 г.¹⁰

На нынешнем этапе развития американской политики помощи усиливаются требования к государствам-получателям относительно "самопомощи". В качестве критериев этого расплывчатого понятия оцениваются политика страны по созданию благоприятного климата для национального частного предпринимательства и иностранного капитала, участие в финансировании проектов в рамках помощи, проведение различных реформ, усилия по решению продовольственной проблемы и т. д. При этом некоторые деятели администрации США не раз признавали, что конкретные требования относительно "самопомощи" зависят в первую очередь от состояния отношений каждой отдельной страны с Соединенными Штатами и по сути определяются только с учетом их интересов.

Действительно, основным орудием навязывания таких требований странам Латинской Америки являются "программные" займы и субсидии, предоставляемые на развитие тех секторов или отраслей экономики, в развитии которых США по каким-либо причинам особенно заинтересованы. Чтобы иметь право получить такой кредит, страна-получатель должна учредить программу развития того или иного сектора, представить ее кредитору, а также увеличить собственные капиталовложения в этот сектор. Наконец, займы выдаются не сразу в полном объеме, а по частям, обычно ежеквартально, т. е. получатель постоянно находится под контролем заимодавца.

Через разного рода консорциумы и консультативные группы США совместно с другими развитыми капиталистическими странами разрабатывают единые требования по "самопомощи", предъявляемые той или иной стране. Тогда стране-получателю гораздо труднее уклониться от их выполнения. Эти требования могут затрагивать различные стороны экономической и социальной политики латиноамериканских стран (валютная, бюджетная, аграрная и налоговая политика, таможенный режим, первоочередность развития тех или иных отраслей, поощрение притока иностранного капитала и т. п.).

Смысл практического использования Вашингтоном принципа "самопомощи" в программах его экономической помощи странам Латинской Америки ясно показала в 60-е годы программа "Союз ради прогресса". Она была задумана в качестве альтернативы некапиталистическому пути развития. Ее цель — изолировать, а затем и уничтожить народную Кубу, остановить антиимпериалистическую волну в Латинской Америке, разрядив при помощи реформ революционный потенциал континента, создать новые, более устойчивые социально-политические структуры, укрепить власть крупной буржуазии и способствовать известному экономическому прогрессу,

разумеется, все это — в условиях неприкосновенности интересов США. Экономический нажим и политический шантаж вынудили подавляющее большинство латиноамериканских стран (кроме Мексики) пойти на разрыв дипломатических отношений с революционной Кубой, исключить ее из ОАГ, активизировали антикоммунистическую истерию на континенте. Вместе с тем Вашингтону не удалось с помощью этой программы организовать "крестовый поход" против Кубы, установить "политическую стабильность" в регионе на реакционной основе, привлечь на свою сторону широкие слои латиноамериканского общества, подавить освободительное движение. Банкротство главных политических и идеологических концепций "Союза ради прогресса" означало развенчание мифа о всемогуществе США в глазах местных союзников по классу и рост противоречий в господствующей элите и в обществе. В 80-е годы они настолько обострились, что срочно потребовалась разработка нового подхода к Латинской Америке в вопросе о помощи*.

В целях повышения экономической и политической эффективности помощи правительство США предприняло ряд шагов по широкому использованию в своих интересах многосторонних, в частности региональных, организаций и программ. Так, уже в середине 70-х годов 80% всего объема помощи США странам Латинской Америки направлялось через международные кредитные организации по сравнению с 35% в середине 60-х. В нынешнем десятилетии это положение в целом сохранилось. Использование многосторонних каналов в какой-то мере маскирует политическую окраску американской помощи. Международные финансовые организации, большинство из которых фактически подконтрольны правительству США, служат для них ширмой, за которой гораздо проще скрывать истинную своекорыстную сущность американской политики и которая помогает избежать обвинения в прямом вмешательстве США во внутренние экономические и политические дела стран-получателей.

Проблема внешнего долга и диктат международных финансовых кругов

В борьбе за свое экономическое самоопределение латиноамериканские народы сталкиваются не только непосредственно с Соединенными Штатами в лице монополий и правительства. В 80-е годы обострились их отношения с международными финансовыми организациями, прежде всего с МВФ и МБРР. Хотя зависимость последних от США более чем наглядна,

* Им явилась "карибская инициатива" Р. Рейгана, входящая составной частью в доктрину неоглобализма.

Латинская Америка вынуждена обращаться к ним как к источникам средств, а в последнее десятилетие — все чаще и как к посредникам в решении вопросов переноса сроков платежей и рефинансирования задолженности.

Так, председателями Совета управляющих МБРР со времени его создания были только американцы, 85% персонала работает в центральном офисе в Вашингтоне, США располагают и наибольшим числом голосов при решении вопросов (19,04%). В Международной ассоциации развития категории "членов первой группы" принадлежит 62,98% голосов, "членам второй группы" — развивающимся государствам — оставшиеся 37,02%. Из них на латиноамериканские страны приходится только 6,4%, т. е. почти в 3 раза меньше, чем на США. Еще ниже доля Латинской Америки в подписном капитале и дополнительных ресурсах, где на "первую группу" приходится 95,7% вложений, в том числе на США — 32,93%. Япония, ФРГ, Великобритания располагают каждая в отдельности бóльшим числом голосов, чем весь этот громадный регион. Пять его стран (Мексика, Аргентина, Бразилия, Колумбия, Чили) контролируют всего 3,75% общего числа голосов¹¹.

Среди исполнительных директоров МБРР и МАР уровень влияния США так же высок, хотя контроль осуществляется несколько иначе. Около 44% решающих голосов приходится на 5 назначаемых директоров от США, Японии, Великобритании, ФРГ и Франции. Такое же число, однако уже избираемых директоров (примерно 17% голосов), представляет всю Латинскую Америку, но они разбиты на группы, в которые включены: Канада — совместно с карибскими странами, Испания — с центральноамериканскими, государство Тринидад и Тобаго вообще объединено с Восточной Африкой. В такой ситуации добиться единой позиции исполнительных директоров, представляющих интересы региона, зачастую невозможно, и Вашингтону это на руку. В общей сложности исполнительные директора от развитых капиталистических государств располагают более чем 55% голосов, в том числе 19% контролируют США¹², которые считают такое положение справедливым и стремятся распространить его на Межамериканский банк развития (МБР). При этом система определения доли каждого государства складывается в МБРР таким образом, что Соединенные Штаты имеют возможность блокировать принятие любого решения, выгодного развивающимся государствам.

Неудивительно, что МВФ и МБРР открыто поддерживают проамериканские режимы и столь же демонстративно оказывают давление на неугодные США правительства. Никарагуа во времена правления клана Сомосы практически не знала отказа в кредитах и в 1979 г. через эти организации получила более 78% всей суммы оказанной ей помощи. Последний заем в несколько десятков миллионов долларов был предоставлен

антинародному режиму буквально за несколько недель до его падения, но к моменту прихода к власти сандинистов казна оказалась практически пуста: по традиции, сложившейся среди диктаторов, Сомоса, бежав из страны, прихватил с собой и государственные средства. Разоренная же длительной гражданской войной молодая республика подверглась экономическому шантажу со стороны США, и, например, в 1982 г. доля банков в общей сумме помощи Никарагуа упала до 17% (МБР отказался предоставить 182 млн долл., а МБРР придержал выделение 50 млн). В дальнейшем ситуация несколько изменилась, и Вашингтону стало труднее блокировать предоставление займов этой стране.

Формальные ссылки на несоблюдение тех или иных рекомендаций международных валютно-финансовых органов или на сложное положение той или иной страны (как причина отказа в кредитовании) сразу же забываются, когда речь идет о старых друзьях — реакционных проамериканских режимах. МВФ, скажем, неоднократно приходил на выручку режиму Пиночета, предоставляя средства для оплаты процентов по долгу. Так, в сентябре 1985 г. было объявлено о прекращении финансирования четырех стран, которые не смогли выполнить свои обязательства перед кредиторами. Среди них оказалась Гайана, чья политическая линия не соответствует вкусам американской администрации; в этом случае предлогом послужила просрочка платежей на общую сумму 181,4 млн долл. Между тем чилийская диктатура с благословения МВФ получила от частных банков 1 385 млн долл., и 800 млн составили компенсационные кредиты в связи со снижением доходов от экспорта. Кроме того, ей выделили 400 млн долл. на проведение "структурных преобразований" и 170 млн для выплат по внешней задолженности (оба кредита — по линии МБРР) 13.

После очередной совместной сессии МВФ и МБРР в 1984 г., когда латиноамериканские государства прямо поставили вопрос о невозможности выплаты внешнего долга на условиях западных банков, в позиции кредиторов наметились определенные сдвиги. Так, на совещании "группы десяти"* еще до сессии было решено сократить объемы кредитования должников, но одновременно обещано, что с наиболее сговорчивыми из них вопросы будут решаться в "индивидуальном порядке". МБР вообще сократил кредитование латиноамериканских заемщиков. По заявлению его президента, основной причиной ограничения кредитов является неспособность стран Латинской Америки во многих случаях мобилизовать внутренние

* Ведущие западные державы, контролирующие ситуацию в МВФ и МБРР: США, Канада, Япония, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Бельгия, Нидерланды; с 1984 г. к группе присоединилась Швейцария.

финансовые ресурсы, необходимые для дополнения средств, полученных от МБР. Американская "Джорнэл оф коммерс" считает, что противоположная динамика кредитования государств региона из фондов МБРР и МБР отражает различное отношение к процедурам предоставления кредитов со стороны Соединенных Штатов — крупнейшего вкладчика этих организаций¹⁴.

Администрацию США совершенно не удовлетворяют относительно благоприятные условия кредитов МБР латиноамериканским заемщикам. Она требует, чтобы эти кредиты в большей степени обуславливались проведением экономических реформ в странах-должниках, нежели предоставлялись на финансирование отдельных кредитов, т. е. по сути проводилась линия МВФ. Есть и другая причина недовольства Вашингтона. В настоящее время МБР — одна из немногих международных финансовых организаций, в которых он не является полным хозяином (странам Латинской Америки принадлежит 54% голосов в правлении банка)¹⁵. В 1986 — 1987 гг. США начали решительное наступление с целью захватить в этом банке большинство голосов или хотя бы поставить под свой контроль решение основных вопросов. Американцы даже пригрозили, что в случае непринятия их требований взносы США в пополнение капитала МБР будут ограничены, по поводу чего один из представителей Латинской Америки заметил: "Пусть лучше банк будет маленький, но наш, чем большой, но чужой"¹⁶. Столь твердая позиция исходила из печального опыта общения с МВФ и МБРР как крупнейших, так и небольших латиноамериканских государств.

В качестве иллюстрации можно привести пример Бразилии. В первой половине 80-х годов она ежегодно направляла в МВФ "письмо о намерениях", в котором раскрывались основные цели ее экономической политики на ближайший период. В главном их содержание было очень схожим: ставились задачи снижения темпов инфляции, сокращения государственных расходов, особенно на социальные цели, сохранения прежних ставок налогов и увеличения актива внешнеторгового баланса. После прихода к власти гражданского правительства кредиторы Бразилии в марте 1986 г. преподнесли ей "подарок": МВФ прекратил выдачу кредита в 4 млрд долл., поскольку она не выполнила условия седьмого "письма о намерениях", а частные банки прервали переговоры после сообщения о действиях МВФ. Члены "Парижского клуба"* также отказались вести переговоры с Бразилией об отсрочке платежей до тех пор, пока она не подпишет соглашение с МВФ. Бразильское правительство отвергло это предложение, заявив, что в противном случае оно потеряет политическую

* Межправительственная неформальная организация крупнейших стран-кредиторов.

поддержку внутри страны. Кроме того, его собственная экономическая программа ("план Крузаду") не менее жестка, чем та, которую мог бы предложить МВФ. Однако, как отмечает газета "Уолл-стрит джорнэл", "США и другие развитые страны *из принципа* (курсив наш.— Авт.) отказались поддержать должника, который не согласен принять официальную программу МВФ"¹⁷.

Резкой, но справедливой критике деятельность МВФ и стоящего за его спиной Вашингтона была подвергнута на специальной сессии Латиноамериканского парламента по проблемам внешней задолженности (октябрь 1985 г.), где представитель Кубы отметил, что международные финансовые организации отказываются даже обсуждать проблемы стран-должников и стремятся обеспечить беспрекословную выплату долга. Они добиваются от латиноамериканских правительств обеспечения уравновешенности платежных балансов, чего, кстати говоря, не требуют от США с их хронически дефицитным балансом.

Навязывая Латинской Америке ряд рецептов для выхода из кризисного состояния, МВФ в то же время предусмотрел и систему жесткого контроля над их выполнением. Составной частью этой системы является организация в странах-должниках представительств фонда, которые занимаются по существу финансово-экономическим шпионажем. Так, активность эмиссара МВФ в Перу, особенно возросшая после решения правительства А. Гарсия об ограничении выплат по внешнему долгу десятью процентами от суммы экспорта, вызвала естественную негативную реакцию: представительство фонда в Лиме было закрыто и выселено из помещения Центрального резервного банка страны. Резко обострившаяся в последние годы конфронтация с международными финансовыми органами и частными банками вынудила перуанское руководство принять определенные меры предосторожности: из американских и других западных банков хранившиеся там золотовалютные средства Перу были переведены в национальные финансовые учреждения. Таким образом был ликвидирован рычаг давления, несколькими годами ранее примененный против Аргентины во время ее войны с Великобританией.

В латиноамериканских странах не просто приходят к пониманию, что с "помощью" контролируемого Соединенными Штатами МВФ невозможно решить комплекс проблем, связанных с внешним долгом, но и пытаются найти альтернативные варианты международного арбитража. Так, руководитель Перуанского института планирования Хавьер Танталеан заявил в апреле 1987 г., что в качестве посредника должна выступать ООН, поскольку вести диалог с "Парижским клубом" невозможно, ибо это означает вмешательство МВФ во внутреннюю экономическую политику той или иной страны. Вместе с тем необходимо признать, сказал Х. Танталеан,

что пока Латинская Америка не смогла достичь необходимого внутреннего согласия и это связано с эгоистическими целями или разными подходами к проблеме долга¹⁸.

Свои меры по наведению "порядка" в мировой капиталистической финансовой системе предпринимают и международные банковские круги. Так, для обеспечения связи между частными коммерческими банками, с одной стороны, МВФ, МБРР и правительствами стран-кредиторов — с другой, был создан Институт международных финансов, представляющий 170 банков, на которые, по оценкам, приходится от 85 до 30% общего объема задолженности развивающихся стран этим банкам. Управляющий директор института Хорст Шульман в письме Временному комитету МВФ и Комитету развития МВФ — МБРР от 20 марта 1987 г. высказался за привлечение банков к переговорам с развивающимися странами на более ранних стадиях их финансовых трудностей. По его мнению, "есть целый ряд важных областей, таких, как поощрение иностранных инвестиций, сокращение госсектора, рационализация госпредприятий, где мало что выполняется и где нет эффективного диалога между должниками и кредиторами"¹⁹.

Шульман особо выделил необходимость гораздо большего развития операций по обмену долговых обязательств на акции и прочие ценные бумаги. Такой подход видного представителя международных банковских кругов достаточно симптоматичен, так как отражает их озабоченность современным состоянием дел в области задолженности. Банкиров беспокоит не рост ее размеров сам по себе, так как латиноамериканские и другие развивающиеся государства по существу вернули полученные суммы в виде процентов. Проблема кроется в самой основе современной финансово-кредитной системы.

Капитал на денежном рынке функционирует в виде записей на счетах, и в условиях нынешнего переплетения связей выяснить, дает какая-либо часть его реальный доход или нет, практически невозможно. В этом нет и необходимости, поскольку, как уже отмечалось ранее, именно способность своевременно выплачивать проценты является основой подобной системы, хотя ее аутсайдеры должны, конечно, время от времени разоряться, аннулируя таким образом часть "воздушного" капитала. Аналогичная судьба может постигнуть и участников излишне рискованных операций, подвергающих опасности один из столпов современных капиталистических финансов — доверие.

Механизм современного международного рынка капиталов функционирует таким образом, что стабильность американских и других западных банков в определенном смысле не зависит от способности латиноамериканских стран рассчитаться по долгу. Когда становится явной угроза объявления неплатежеспособности должников, банкам объективно даже выгоднее пойти на постепенное списание их по сути уже выплачен-

ных долгов, чем вызвать панику на финансовой бирже. Но осознание такой необходимости американскими банкирами происходит достаточно медленно. К тому же они в течение определенного периода возлагали надежды на подконтрольные США международные финансовые организации, которые, вопреки ожиданиям, сыграли объективно совершенно иную роль в развитии ситуации в регионе. Заставляя латиноамериканские страны следовать рецептам "оздоровления", разработанным стратегами с Севера, заправили этих организаций не учитывают, что такие рекомендации могут быть действительны только в условиях конкурентоспособной экономики. Для ее выхода из кризиса действительно необходимы ликвидация нерентабельных производств, переброска средств в сильные современные отрасли. Но их-то в силу специфического разделения труда в латиноамериканских государствах не так уж много, а в некоторых нет вообще.

В этих условиях следование советам финансовых "мозговых центров" неизбежно приводит к дальнейшему усилению нужды и бедствий народных масс, а в наиболее отсталых странах может породить и другие факторы революционной ситуации. Она может стать перманентной, если у того или иного режима хватит сил для противодействия оппозиционному и даже повстанческому движению, что обычно происходит при активной поддержке США. Подобные ситуации, когда острота борьбы и ее конкретные формы определяются готовностью масс идти на жертвы, сложились в 80-е годы в Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе, Чили, Гаити, Уругвае, Аргентине. В двух последних странах, где национальный капитал и соответственно традиции буржуазной демократии достаточно сильны, был найден реформистский по сути путь выхода из ситуации, которая не успела обостриться до революционной. Однако противоречия и проблемы, таким образом, не были ликвидированы и должны с неизбежностью обостриться в будущем.

Представляется, что деятельность международного финансового капитала привела к иным последствиям лишь в одной латиноамериканской стране — Бразилии. Причем логика развития противоречий обусловила совсем не тот результат, которого ожидали международные банкиры и руководство США. Ощувив всю тяжесть повышения цен на энергоносители и взбадриваемое пилюлями "жесткой экономии", хозяйство этой страны прошло период болезненной перестройки. Военные режимы обеспечивали благоприятные условия эксплуатации, подавляя борьбу за повышение жизненного уровня и поощряя развитие передовых отраслей экономики. К середине же 80-х годов, когда демократические тенденции в Бразилии стали пробивать себе дорогу более настойчиво, США вместо покорного и платежеспособного должника столкнулись с достаточно упорным и, главное, экономически креп-

ким потенциальным конкурентом. В Мексике такой путь развития идет вразрез с традиционной социальной политикой правящей партии. Кроме того, страна находится слишком близко от США, и американские монополии уже пустили достаточно глубокие корни в мексиканской почве, чтобы не допустить появления сильных соперников.

Тяжелее всего благосклонность западных банков достается странам, не имеющим существенных и разнообразных природных ресурсов или развитой промышленности. Здесь у государства не остается возможности для маневра, и результаты режима "жесткой экономии" — лекарства, наиболее часто выписываемого МВФ, — сказываются очень быстро, чему в 80-е годы можно найти немало примеров. Так, "совершенствование экономических структур" Ямайки, в ходе которого были закрыты пять сахарных заводов, сокращен персонал государственных железных дорог, сферы обслуживания, привело к пополнению армии безработных почти 20 тыс. человек, подрыву экспортной и туристской базы в стране. Для сокращения государственных расходов были уволены даже несколько сот учителей, которые обучали грамоте взрослое население. В итоге на Ямайке, которой в "карибской инициативе" Рейгана отводилась немаловажная роль и которая следовала советам международных банкиров, сложилась напряженная социальная ситуация, что уже не входило в планы США.

В Доминиканской Республике меры правительства по выполнению рекомендаций МВФ привели к массовым протестам населения. В январе 1985 г. в Санто-Доминго полиция и армейские части атаковали многотысячные демонстрации, организованные в знак протеста против повышения цен на товары широкого потребления. Была объявлена 24-часовая всеобщая забастовка, в значительной части поддержанная населением, владельцами магазинов и мелких предприятий. Волнения в Доминиканской Республике стали серьезным предупреждением тем странам, что действуют по указке МВФ, и руководители латиноамериканских государств неоднократно приводили их в пример на различных форумах и переговорах, посвященных внешнему долгу.

В других случаях международные финансовые организации как бы тенью маячили за спиной кредиторов, исподволь направляя экономическую и внешнеполитическую стратегию малых стран в интересах США. Панама осенью 1985 г. достигла соглашения с "Парижским клубом" об отсрочке погашения кредита на 24 млн долл. Эта подачка была брошена стране, чей внешний долг превышал уже 3,5 млрд долл. (на обслуживание его шло до трети поступлений от экспорта), кредиторами из США, Испании, Японии, Италии, Канады, Дании и Швеции. Но с обострением проблемы задолженности началась борьба в самой Панаме вокруг вопроса о том, придерживаться

ся ли прежнего курса О. Торрихоса, во времена президентства которого страна находилась во главе противодействия интервенционистским планам США в Центральной Америке. Генерала Торрихоса можно было уничтожить только физически. Для подрыва же его политики достаточно было методов тихого, финансово-экономического удушения страны.

Даже государства с относительно небольшими размерами внешнего долга, сталкиваясь с единой позицией кредиторов, инспирируемой Соединенными Штатами, оказываются в тяжелом положении. Гайана, к 1987 г. просрочившая платежи МВФ в сумме 70 млн долл., не смогла получить новые заемные средства, несмотря на увеличение налогов, снижение государственных расходов и другие достаточно жесткие меры. Если учесть, что эта сумма соответствует более 30% годового объема экспорта страны, то станет ясно, что перспективы выхода из тупика по пути, рекомендованному фондом, невелики.

В своем стремлении любыми средствами обеспечить прибыли кредиторы вынуждают латиноамериканские правительства принимать меры, не только снижающие жизненный уровень населения, но и подрывающие позиции национального капитала. Несмотря на господство американских ТНБ в финансовой системе Латинской Америки, они не могут контролировать ее полностью. Более того, они заинтересованы в сотрудничестве с местными банками, которые в последние годы все больше страдают от ухудшения условий деятельности в связи с ростом задолженности. Так, в феврале 1987 г. представители эквадорских банков выступили с заявлением, в котором говорилось: "Вся производственная система Эквадора серьезно затронута механизмом капитализации"²⁰ внешнего долга. За несколько дней до этого правительство разрешило увеличить прямые вложения в банковскую сферу тем зарубежным банкам и страховым компаниям, которые действуют в стране через свои отделения. При таком порядке средства не переводятся из страны, а остаются в форме ценных бумаг. Но местные банкиры считают, что подобные меры, отвечающие рекомендациям МВФ, гораздо выгоднее зарубежным, чем национальным, банкам.

Таким образом, деятельность подконтрольных США международных финансовых организаций предстает как своеобразный экспорт "рейганомики" в Латинскую Америку. Курс на максимальное урезание "расточительных" социальных программ, принуждение — под флагом свободной конкуренции — к беспроигрышному для промышленных и торговых монополий США соревнованию с ними латиноамериканских компаний, обеспечение условий для высокоприбыльной деятельности крупнейших банков — эти методы навязываются прямо или косвенно странам региона.

При этом деятельность МВФ и МБРР, как прямых вырази-

телей интересов финансового капитала США, все более подчиняется его текущим нуждам, связанным с такой острой проблемой, как задолженность. Если прежде международные финансовые организации рядились в тогу защитников объективных экономических закономерностей, декларативно выступая против непроизводительного использования и растраниживания средств, то в нынешнем десятилетии их роль как инструмента прямого давления в руках международных банков выступает все отчетливее. Даже ярый защитник интересов американских корпораций сенатор Б. Брэдли вынужден признать, что помощь Международного валютного фонда служила только для финансирования выплат по долгу, а не для стимулирования экономического роста. В результате уровень жизни упал, а бегство капиталов, ослабляющее экономику стран-должников, продолжается"²¹.

Наблюдается специфическое разделение труда: банки и "Парижский клуб" обуславливают предоставление новых кредитов достижением договоренности с МВФ, а эксперты фонда в число обязательных рекомендаций включают пункты о неукоснительном выполнении обязательств по задолженности. На позицию МВФ ориентируются в подавляющем большинстве конкретных ситуаций как отдельные кредиторы, неважно — банки или страны, так и их союзы в лице того же "Парижского клуба" или банковских консорциумов, создаваемых для предоставления крупнейших займов. Соединенные Штаты имеют, таким образом, достаточно эффективный инструмент консолидации интересов крупнейших империалистических группировок в отношении эксплуатируемых и зависимых народов. Принцип "разделяй и властвуй", основанный на политике "кнута и пряника", действует в полную силу.

Трудности экономического развития Латинской Америки в 80-е годы, как в фокусе сконцентрированные в проблеме задолженности, еще яснее выявили истинную сущность и роль международных финансовых организаций. "Пряник" оказался слишком маленьким, и его хватает ненадолго и не на всех, в то время как "кнут" превратился в петлю возрастающих долгов и процентов, все туже затягивающуюся на шее латиноамериканских народов. Неприкрытый финансовый диктат, выступая как одно из проявлений неоглобализма, с одной стороны, выявляет различия интересов монополистических группировок и крупнейших империалистических держав, с другой — способствует обострению противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми на мировой арене, поляризации их позиций в отношении путей выхода из кризиса. "Внешняя задолженность так называемого третьего мира превратилась в крупнейшее препятствие экономическому развитию и без того бедных и отсталых стран. Но это препятствие на пути прогресса не может быть устранено лишь в сфере межгосударственных отношений или отноше-

ний между государствами и Всемирным банком. Как в развитых странах, так и в тех, которые испытывают давление финансового и торгового капитала, существуют различные политические силы, занимающие сходные позиции по вопросу о внешнем долге", — отмечал на Встрече представителей партий и движений, приехавших на празднование 70-й годовщины Великого Октября, Пабло Гомес, член Национальной координационной комиссии Мексиканской социалистической партии²².

Региональная интеграция — в чьих интересах?

Восьмое десятилетие XX в. знаменательно для Латинской Америки не только ростом антиимпериалистических настроений и обострением противоборства с различными группами эксплуататоров с Севера. Все чаще страны региона выступают единым фронтом, развивают взаимные отношения, стремясь вывести свои национальные экономики на конкурентоспособный уровень, что, естественно, далеко не всегда соответствует интересам американских монополий, вызывает неоднозначную реакцию администрации США.

Официальная позиция Вашингтона в отношении латиноамериканской экономической интеграции претерпела значительную метаморфозу. В одном из исследований ЭКЛА указывалось: "Официальные документы и высказывания ведущих экспертов США по вопросам Латинской Америки дают многочисленные свидетельства того, что до середины 60-х годов Соединенные Штаты рассматривали процесс интеграции с глубоким недоверием и не одобряли этот процесс с идеологической точки зрения"²³. На первых порах США проявляли известную настороженность, ибо в интеграции усматривали угрозу своему экспорту в страны региона. Кроме того, опасались более сильного экономического и политического влияния интегрированной Латинской Америки. Конкретное претворение в жизнь программ интеграции в рамках Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ)* изменило позицию США, которые убедились в отсутствии серьезной опасности для своих интересов. В то же время стало очевидно, что создание объединенного рынка открывает более широкое поле деятельности для дочерних компаний американских ТНК в Латинской Америке. Заинтересованность в нем обуславливалась в значительной степени объективными требованиями качественно нового уровня производства с переходом к подетальной специализации, более эффективной при свободном обращении товаров, а также возросшими требованиями

* В 1981 г. на базе ЛАСТ создана Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ).

ми к качеству продукции, а следовательно, и к квалификации рабочей силы и т. д.

Кроме того, по мнению вашингтонских стратегов, интеграция может открыть новые возможности для США в смысле экономического давления на государства региона, причем оно могло бы оказываться уже не непосредственно на ту или иную страну, а через группу стран или наоборот. В научных и политических кругах США склонны также надеяться, что латиноамериканская экономическая интеграция может способствовать укреплению и консервации капиталистических структур в регионе, смягчению внутренних социально-экономических противоречий, развитие которых порождает революционную ситуацию и отрицательно сказывается прежде всего на отношениях с Соединенными Штатами. Подобные воззрения определили достаточно благосклонное отношение к созданию Центральноамериканского общего рынка (ЦАОР), который в целом оправдал надежды монополий и правящих кругов США. Впоследствии, при обсуждении направлений и форм развития региональной интеграции, американские официальные деятели представляли его как пример, которому должны следовать другие экономические группировки Латинской Америки. Фактически деятельность ЦАОР контролировалась финансовым капиталом США, который в той или иной форме финансировал около половины бюджета всей организации. Благодаря наличию своих людей в ее руководящем аппарате Соединенные Штаты смогли похоронить несколько совместных инвестиционных проектов ЦАОР²⁴, но они так и не добились создания в Центральной Америке зоны свободной торговли, что позволило бы американским монополиям окончательно подчинить себе внешне-торговую сферу экономики субрегиона. Влияние США на эту организацию еще более возросло, когда был создан Центральноамериканский банк развития, устав которого разрабатывался с участием их экспертов.

Используя свое традиционно сильное влияние в центральноамериканских государствах, США под флагом содействия интеграции навязали им свою схему разделения труда, которая оказывает существенное влияние и в настоящее время. Согласно доктрине Кеннеди, Никарагуа отводилась роль экспортера хлопка, кофе, сахара; Гватемала и Сальвадор развивали легкую промышленность, Панама — туризм и банковскую сферу; в Коста-Рике базировались американские сборочные предприятия; Никарагуа и Сальвадору было оказано широкое техническое и финансовое содействие для развития экспортного производства хлопка, который вывозился на переработку в основном в США. Это привело к сокращению производства зерновых культур, которые в отдельные послевоенные годы давали, к примеру, свыше половины всех экспортных доходов Никарагуа. Более того, она оказалась

вынужденной закупать значительное количество зерна, чем во многом объяснялся громадный для такой страны дефицит торгового баланса: 220 млн долл. в 1980 г.²⁵ Кроме того, не отменялась и традиционная специализация центральноамериканских государств, из-за которой они получили от США пренебрежительное наименование "банановых республик". Такое разделение труда привело к большой зависимости этих стран от внешних связей, в первую очередь от США, что и было использовано, когда Никарагуа, а в 1988 г. и Панама стали по сути полигоном для испытания всего набора неоглобалистских методов в Латинской Америке.

Исходя из того что интеграционные процессы в регионе не окажут негативного влияния на экономические отношения с латиноамериканскими странами, а, наоборот, позволят укрепить позиции американских монополий на этом континенте, США в середине 60-х годов заявили о своей "всеобъемлющей поддержке" усилий стран Латинской Америки для достижения полной экономической интеграции. В очередной раз возродились идеи об объединении всех частей Америки, которые появились еще в прошлом веке. Так, в феврале 1974 г. тогдашний госсекретарь США Г. Киссинджер повторил это предложение на конференции Тлателолко. Бывший вице-президент Нельсон Рокфеллер, возглавлявший в течение длительного времени Совет Америк, также неоднократно высказывался за образование Конфедерации Западного полушария. Финансовой империи Рокфеллеров свободное перемещение людей, товаров и капиталов "от Аляски до Огненной Земли", естественно, принесло бы новые, еще большие прибыли.

Официальная позиция США почти не изменилась до настоящего времени. Она сводится главным образом к противодействию всякой попытке ограничить господство своих корпораций в регионе, а также к призывам, обращаемым к государствам континента, привлекать иностранные фирмы в различные межнациональные проекты и предприятия, к требованиям "равных возможностей" для действующих здесь американских монополий, в частности предоставления им статуса "интегрированных предприятий", и т. д.

В основе предложения США о создании Общего американского рынка лежат доктрина "комплементаризма" и тесно примыкающие к ней теории "взаимозависимости" в ее империалистических вариантах, "идеологических границ", "оплота", "полушария" и "бумеранга". Согласно теории "комплементаризма" (взаимодополняемости), сырьевые ресурсы Латинской Америки и индустриальный потенциал Соединенных Штатов должны представлять единый производственный комплекс, экономика Латинской Америки — ориентироваться исключительно на рынок США, быть потребителем их промышленной продукции и производителем определенных видов сырья. Эта доктрина призвана увековечить роль Латин-

ской Америки в качестве аграрно-сырьевого придатка экономики США, оправдать грабеж природных богатств иностранными монополиями. Она представляет идеологическое отражение сложившегося разделения труда между двумя частями Америки.

Теория "взаимозависимости" в ее вашингтонском издании декларирует политическую зависимость Латинской Америки от США, провозглашает фикцией национальный суверенитет латиноамериканских стран во имя "идеологической консолидации континента", оправдывает все формы империалистической интеграции, включая военную. В число авторов данной трактовки входил бывший госсекретарь США и один из наиболее активных глашатаев "холодной войны" — Джон Фостер Даллес. Бразильский исследователь Марио Педроза в книге "Пути Бразилии" писал, что концепция "взаимозависимости, подменяющая концепцию суверенитета, призвана освятить принцип вмешательства "идеологическим правом", в соответствии с которым ни одна латиноамериканская страна не может выбирать по своему усмотрению политический и социальный строй". Цель этой концепции, продолжает Педроза, состоит в том, чтобы "предоставить возможность правительству Вашингтона высаживать свои войска, где и когда оно захочет, в любой части континента..."²⁶. Таким образом, данная теория, несмотря на свой солидный стаж, полностью подпадает под концепцию неоглобализма.

В качестве модификации идей взаимозависимости выступает теория "идеологических границ", в соответствии с которой "устаревшие" территориальные границы должны смениться "идеологическими", отделяющими мир капитализма от мира социализма. Тем самым любая антидемократическая акция империализма США и их союзников чуть ли не автоматически должна поддерживаться странами региона. Таким образом, подразумевается зависимость большинства стран континента не только от США, но и от наиболее крупных государств Южной Америки, в первые послевоенные десятилетия — верных союзников США. Неудивительно, что за устранение "физических барьеров" и замену их "идеологическими границами" ратовали в 60 — 70-е годы правившие тогда военные круги Бразилии, проявляя гегемонистские устремления в отношении некоторых других стран.

Ряд стратегических концепций, активно навязываемых латиноамериканцам, принадлежат "теоретикам" из ЦРУ. Теория "оплота" сводится к тому, что послушные США милитаристские режимы — самое действенное противоядие идеям коммунизма. Концепция "полушария" утверждает, что поставки оружия Латинской Америке и подготовка их военных кадров — наиболее эффективное средство подавления национально-освободительных движений. Наконец, согласно теории "бумеранга", если США не будут поставлять Латинской

Америке оружие, то это побудит национальные правительства искать его "на стороне" и превратит "друзей" во "врагов". Все эти теории представляют по сути детализацию общей империалистической концепции, уходящей своими корнями в доктрину Монро, в соответствии с которой Латинская Америка должна быть сферой безраздельного влияния Соединенных Штатов.

Выдвигая идею о создании Общего американского рынка, США добиваются полного открытия экономически менее развитыми странами своих границ перед американскими монополиями. "Латиноамериканские страны, — отмечал С. Делл, — никогда не примут предложение Рокфеллера о "свободном передвижении рабочей силы, товаров и капиталов от Пойнт-Бэрроу до Огненной Земли", потому что это означало бы для американских компаний абсолютную свободу конкуренции с молодой региональной промышленностью, которая может привести к полному подавлению последней"²⁷.

Несмотря на отрицательную позицию латиноамериканцев, с различными вариантами данной концепции выступали и некоторые представители администрации Р. Рейгана. Совершенно очевидно, что настойчивость, с которой США проталкивают проекты создания Общего американского рынка, объясняется также их стремлением подвести экономическую базу под находящуюся в состоянии кризиса "межамериканскую систему". Конкретно этот кризис проявляется в банкротстве доктрины панамериканской солидарности, в создании региональных торгово-экономических объединений без участия США, в пересмотре Межамериканского договора о взаимной обороне ("Пакт Рио-де-Жанейро") — одного из основных компонентов "системы".

Рассчитывая противопоставить друг другу латиноамериканские страны, оказать давление на относительно прогрессивные режимы, США пытаются срамливать между собой эти государства, не доводя, однако, дело до прямой военной конфронтации. До второй мировой войны такие столкновения, как правило, маскировали ожесточенную борьбу между американским и английским капиталом за богатейшие месторождения нефти или других минеральных богатств. Современным примером могут служить раздуваемые Вашингтоном старые пограничные разногласия между Колумбией и Венесуэлой по поводу континентального шельфа и территориальных вод в Венесуэльском заливе. Этот район как продолжение нефтеносного бассейна Маракайбо давно привлекает американские монополии. В начале 70-х годов спор стал принимать угрожающий характер, возникла опасность его перерастания в вооруженный конфликт. Компартии Колумбии и Венесуэлы в совместном заявлении разоблачили этот маневр империалистов, заявив, что подоплекой проблемы является алчность иностранных монополий, которые оспаривают друг у друга

право контролировать разработки месторождений нефти под дном залива. В 80-е годы практически аналогичная ситуация сложилась в отношениях Чили и Аргентины по поводу границы на Огненной Земле.

Провоцируемые правящими кругами США внутрирегиональные конфликты подрывают антиимпериалистическую направленность деятельности ЛАИ, Андской группы, Амазонского пакта, да и в целом ослабляют единый фронт борьбы этих стран с империализмом. Руководство Соединенных Штатов пытается воспрепятствовать осуществлению прогрессивных мероприятий, инспирируя раскол этих группировок на ряд новых конкурирующих между собой субрегиональных торгово-экономических блоков. США всячески поощряли обструкционистские действия чилийской военщины по подрыву Андской группы, особенно ее антиимпериалистического инвестиционного кодекса. Не без основания французская "Монд" писала в 1976 г.: "Чили своим поведением могла дать повод для подозрений: быть может, она меньше хочет улучшить свою позицию в Андской группе, чем подорвать эту группу? Причем не ради своей собственной выгоды, а ради выгоды стран, которые в состоянии, учитывая их экономическую мощь, затопить андский рынок своими товарами... Однако эта политика имеет один недостаток для Чили. Даже если Вашингтон благодарен ей, она может усилить международную изоляцию, в которой находится хунта после кровавого переворота 1973 года"²⁸.

Для неоглобалистов США особенно неприятным моментом 80-х годов явился срыв их попыток использовать бразильский "субимпериализм" против прогрессивных региональных группировок. Причины особого внимания к Бразилии достаточно откровенно раскрыл Р. Никсон, принимая ее президента Медиси в США в декабре 1971 г.: "Мы знаем: куда пойдет Бразилия, туда пойдет весь континент". Этот тезис получил широкую известность, и в соответствии с ним строились отношения с Бразилией в 70—80-е годы. В феврале 1976 г. было подписано совместное соглашение о консультациях по типу заключенных ранее США со странами Западной Европы и Японией. Конечно, такая политика США была продиктована интересами их монополий, которые, с одной стороны, хотели бы воспрепятствовать развитию освободительного движения на континенте, используя методы "вьетнамизации", а с другой — противопоставить Бразилию другим странам региона для успешного проведения излюбленной стратегии "разделяй и властвуй". Однако в настоящее время состояние бразильско-американского "сотрудничества" таково, что руководителям США остается ностальгически вспоминать, как в 1965 г. в секретном меморандуме бразильские военные предложили США оказать содействие в создании милитаристского блока в Южной Америке под эгидой Бразилии и советовали Вашинг-

тону применить для этого экономические методы давления на ее соседей.

Пытаясь овладеть процессом латиноамериканской экономической интеграции, направить ее в "безопасное" и удобное для себя русло, США хотят прежде всего не допустить проведения интегрируемыми странами глубоких социально-экономических преобразований, обеспечить развитие интеграции в условиях господства частной собственности, свободы предпринимательства и свободной конкуренции. Внимательно следя за всеми перипетиями этого сложного процесса, они стремятся устранить возможность использования его латиноамериканской буржуазией против США, предпринимают все усилия к тому, чтобы выхолостить ту антиамериканскую и националистическую направленность интеграции, которая заложена в ее основах.

Теоретическим фундаментом противодействия США прогрессивному характеру экономических интеграционных мероприятий служит концепция "физической интеграции", разработанная Г. Каном и Р. Пинеро из Гудзоновского института. Они делят Латинскую Америку на три зоны — урбанизированную ("А"), сельскохозяйственную ("В") и малообитаемые, неосвоенные районы ("С") — и утверждают, что все социально-политические противоречия, сопровождающие развитие континента, возникают главным образом в двух последних зонах. По сути на подобных идеях основывалась и выдвинутая Р. Рейганом "карибская инициатива".

Он избрал страны Карибского бассейна в качестве объекта для своей "инициативы" в связи с тем, что сюда в начале 80-х годов наблюдался довольно интенсивный приток капитала из развитых стран, и вместе с тем накопившиеся социальные проблемы, примеры их успешного разрешения на Кубе и Гренаде всерьез беспокоили руководство США. Принятая им программа оживления экономики Карибского бассейна предусматривала режим беспошлинного импорта из ряда стран, под который, однако, не подпали целые группы товаров: текстильные изделия, торговля которыми регулируется особыми (международными) соглашениями; консервированный тунец; нефть и нефтепродукты; некоторые виды кожи и кожаных изделий; резиновые и пластиковые перчатки, сумки; наконец, часы и их детали в случае, если при их производстве был использован "материал, происходящий из коммунистической страны"; ограничивался импорт сахара. Все освобождаемые от обложения пошлинами товары должны быть выращены или произведены в карибских странах. Не допускается, чтобы общая стоимость материалов и операций по обработке, совершенных непосредственно в стране-экспортере, была меньше 35% оценочной стоимости готовой продукции.

Это означает, что под режим беспошлинного ввоза в США не подпадает большая часть товаров обрабатывающей про-

мышленности стран Карибского бассейна. В импорте из этих стран, не облагаемом таможенными пошлинами, будут преобладать товары их традиционного экспорта. Кроме того, при включении той или иной страны в число получателей помощи по программе "карибской инициативы" учитываются и дополнительные факторы: не придерживается ли она коммунистической ориентации; не экспроприрует ли американскую собственность без компенсации; сотрудничает ли с Соединенными Штатами в предотвращении ввоза в США наркотиков; не предоставляет ли товарам других стран более льготный режим, чем американским, и т. д. Во внимание также принимаются общеэкономическое положение, уровень развития свободного предпринимательства, "открытость" рынка, выполнение страной обычных норм международной торговли и влияние ее торговой политики на деловую активность в Карибском бассейне, т. е. весь комплекс вопросов, определяющих перспективы вложения капиталов.

Правительства некоторых карибских стран выразили заинтересованность или провели переговоры о заключении двусторонних инвестиционных соглашений с Вашингтоном. В ходе переговоров его представители выдвигали на первый план вопросы улучшения инвестиционного климата для американских ТНК. Не случайно в качестве основного инструмента для реализации "карибской инициативы" администрация Рейгана избрала Агентство международного развития (АМР), которое ведет настоящую войну против госсектора в Латинской Америке. В 1983 г. под эгидой АМР был создан ряд организаций и разработано несколько программ развития инфраструктуры для частного сектора с целью прежде всего укрепить связи между карибской буржуазией и государственной бюрократией, с одной стороны, и американским государством и иностранным капиталом — с другой²⁹.

Однако рейгановская "инициатива" не дала ожидаемого эффекта. Уже в 1984 г. карибские страны столкнулись с резким сокращением притока прямых инвестиций, а в Тринидаде и Тобаго наблюдался их отток. Местные правительства, рассчитывавшие получить больше подачек за участие в агрессии против Гренады, стали высказывать недовольство политикой США. Руководители ряда государств назвали рейгановскую программу "не соответствующей их национальным интересам" и "разочаровывающей". В самом деле, ведь ее итогами стали значительное увеличение внешней задолженности карибских государств, рост безработицы и инфляции. Только уменьшение американских закупок сахара привело к увеличению числа безработных на 100 тыс. и к валютным потерям только за один 1987 г. в 300 млн долл. Обещания насчет развития экспорта не были выполнены: товары, составляющие его основу (бокситы, сахар, фрукты, изделия легкой и кожевенной промышленности), по-прежнему облагаются высоки-

ми пошлинами при пересечении границы США. "Карибская инициатива" не могла не потерпеть провала, поскольку ориентировалась на американские интересы, в частности на привлечение капитала из США вместо развития местной промышленности и подготовки квалифицированных национальных кадров. Корыстные цели ее обозначились столь явно, что вызвали критические отзывы даже со стороны представителей карибских стран, ранее поддержавших интервенцию на Гренаду. С критикой наиболее остро выступили руководители Сент-Кристофера и Невиса, Сент-Люсии, Ямайки, а также Гайаны, которые обоснованно заявили, что США подходят к странам субрегиона как к источнику сырья и прибылей для американских монополий.

В середине 80-х годов в развитии региональной интеграции обозначился новый процесс, во многом связанный с приходом к власти гражданских правительств в Бразилии, Аргентине и Уругвае. В течение шести месяцев 1986 г. шли сложные переговоры между Бразилией и Аргентиной о развитии интеграции в области промышленности и торговли. В июле в Буэнос-Айресе в ходе визита бразильского президента Ж. Сарнея было подписано соглашение из одиннадцати протоколов. Договор готовился с 1985 г., когда Бразилия обязалась закупить на 400 млн долл. аргентинских товаров для достижения сбалансированности во взаимной торговле. В дальнейшем было согласовано, что к 1991 г. объем закупок пшеницы у Аргентины достигнет 2 млн т³⁰. Это помогло бы сократить аргентинский дисбаланс в торговле с Бразилией, которая в свою очередь заинтересована в расширении продаж на емком аргентинском рынке электробытовых товаров, компьютеров, оборудования для промышленности и сельского хозяйства, автомобилей. Играет свою роль и близость двух стран, что сводит до минимума транспортные издержки, облегчает оперативное решение вопросов обслуживания техники и т. д. Нельзя сбрасывать со счетов и антиамериканские настроения, особенно сильные в "послефолклендской" Аргентине. Как результат ряд товаров бразильского производства, в первую очередь мини-компьютеры, пользуются на аргентинском рынке преимущественным спросом по сравнению с аналогами из США.

Протоколы охватывают вопросы пересмотра существующего двустороннего торгового соглашения, создания совместных предприятий, обмена технологией и торговли товарами производственного назначения на сумму 2 млрд долл. в последующие четыре года и т. д. Стороны договорились о применении механизма взаимного урегулирования торгового баланса и о создании совместного инвестиционного фонда для стимулирования экономического роста с первоначальным капиталом в 200 млн долл. Предусматривается проведение совместных поисково-разведочных работ, добыча нефти

в Аргентине и создание совместного центра по биотехнологии. Другие совместные проекты включают сотрудничество в военной области, а именно производство бразильских самолетов на заводах в Аргентине и, возможно, использование военно-воздушными силами обеих стран самолетов, произведенных в рамках двусторонней промышленной кооперации, и т. д.

К расширению сотрудничества со своими соседями активно стремится Уругвай. Он неофициально присоединился к аргентино-бразильскому союзу, заключив в августе 1986 г. ряд соглашений с Бразилией, причем Ж. Сарней демонстративно направил за уругвайским президентом Х. М. Сангинетти личный самолет. В ходе 9-дневного визита стороны достигли важных договоренностей, в частности Бразилия, как и в случае с Аргентиной, обязалась увеличить ежегодный ввоз традиционных товаров уругвайского экспорта. Присоединяясь к южноамериканскому Общему рынку, Уругвай получает еще одно преимущество: прежде он не мог позволить себе в силу ограниченности внутреннего спроса производство ряда товаров, которое станет рентабельным, когда появится возможность кооперации с могучими соседями. "От интеграции зависит само существование Уругвая", — заявил лидер Широкого фронта Л. Сереньи, сопровождавший президента Х. М. Сангинетти при подписании соглашений с Бразилией 13 августа 1986 г.

Вместе с тем возможности Уругвая участвовать в процессе интеграции ограничены как масштабами его экономического потенциала, так и практически аналогичной номенклатурой экспорта, особенно в сопоставлении с Аргентиной. Кроме того, вряд ли осуществимы честолюбивые мечты уругвайского президента о превращении своей страны в важный финансовый центр, обслуживающий процессы интеграции. На начальном этапе Бразилия и Аргентина предпочли обходиться без посредников, создав новую систему взаимных расчетов по торговым операциям. В основе ее лежит отказ от использования доллара и введение общей расчетной единицы, что позволило бы существенно расширить товарооборот между двумя странами и сократить импорт, сэкономив таким образом необходимые для выплаты долгов валютные средства.

Несмотря на значительные успехи, процесс южноамериканской интеграции сталкивается как со значительными объективными трудностями, так и с противодействием американского капитала и связанных с ним сил, в том числе в самой Латинской Америке. Вероятно, в первоначальной стадии преимущества Общего рынка в большей степени проявятся для Бразилии, чем для Аргентины. Так, будущие закупки 2 млн т аргентинского зерна помогут сократить дефицит госбюджета Бразилии, поскольку издержки производства 1 т пшеницы в Аргентине составляют 100 долл., в Бразилии — 240 долл. Разница покрывалась субсидиями за счет средств

госбюджета, необходимость в которых теперь отпадет. В Аргентине, ранее вступившей на путь капиталистического развития, издержки производства по аналогичным товарам выше бразильских, что связано в первую очередь с более высокой заработной платой (выше как квалификация работников, так и уровень их организованности). Например, бытовой тостер, который в Рио-де-Жанейро стоит 550 крузейро, в Буэнос-Айресе продается по цене 954 крузейро, а автомобиль бразильского производства — соответственно за 100 тыс. и 225 тыс. крузейро.

Аргентина также находится в менее благоприятном положении по сравнению с Бразилией, поскольку ее промышленность пострадала от политики реакционных военных правительств, позволивших иностранным, в основном американским, ТНК внедриться в экономику страны, что привело к массовым банкротствам национальных производителей. Резкое расширение взаимной торговли готовыми изделиями пугает аргентинских промышленников, поскольку экспорт страны по данной группе товаров в 6 раз меньше по стоимости, чем у Бразилии, прорывающейся даже на рынок США. Им не нравится перспектива "наводнения" аргентинского рынка бразильскими товарами, что наиболее опасно для легкой промышленности, а также отраслей, производящих электрические товары потребительского пользования с более высокими издержками производства, нежели в Бразилии.

В настоящее время на сырьевые товары приходится 75% экспорта Аргентины, и боязнь ее превращения в бразильский сырьевой придаток была одной из причин того, что переговоры не продвигались так быстро, как ожидалось. Свое недовольство достигнутыми соглашениями выразили также некоторые аргентинские оппозиционные партии, профсоюзные группировки и средства массовой информации, которые утверждают, что бразильские продуценты проникнут на рынок страны и аргентинское зерно просто будет обмениваться на бразильское оборудование.

Такая интеграция нанесла бы новый удар аргентинской экономике и только углубила бы разделение труда, которое США традиционно насаждали в Южной Америке. С нашей точки зрения, подобное развитие событий дало бы гораздо более серьезные аргументы сторонникам теории "бразильского субимпериализма", чем те, которыми они оперировали до сих пор. Вместе с тем крупные финансово-экономические группы в Аргентине и Бразилии могут использовать эти соглашения в качестве прикрытия для специфического раздела рынка, посредством которого, не вступая в конфликт с ТНК, они обеспечат себе большую долю в прибылях. Западные монополии, естественно, постараются не упустить возможностей, открываемых новым этапом интеграции. Однако, судя по некоторым сообщениям, их очень беспокоит перспектива ее

развития на базе сотрудничества государственных организаций. Скорее всего именно давлением международных монополий определяется позиция уругвайского руководства, склоняющегося к поддержке в основном частного сектора как движущей силы интеграции.

Что касается неоглобалистов из США, то они отрицательно относятся к новым процессам на юге Латинской Америки, поскольку объединение бывших американских сателлитов в мощный торгово-экономический союз грозит втягиванием в орбиту их влияния и соседних стран. Подорвать этот процесс изнутри (по образцу действий Чили в Андской группе) также пока не представляется возможным, поскольку президенты Аргентины и Бразилии предупредили, что членами Общего рынка не могут быть диктаторские режимы Пиночета и Стресснера. "Необходимым условием вступления является наличие демократического правительства", — заявил Р. Альфонсин³¹.

Неудачи попыток Вашингтона использовать в своих политических целях интеграционные процессы в Латинской Америке в современных условиях предопределены общим расхождением интересов стран региона, пытающихся вырваться из отсталости, преодолеть новые и традиционные формы зависимости, и их главного эксплуататора — империализма США, что наглядно проявляется в различии взглядов на пути выхода из нынешней кризисной ситуации.

Пути решения проблем региона: противоположный подход "двух Америк"

Чтобы понять всю запутанность экономической ситуации в латиноамериканских странах, достаточно оценить последствия изменений конкретно одного из факторов их развития.

Известно, что многократный рост цен на нефть во многом определил быстрые темпы увеличения задолженности таких государств, как Бразилия, Уругвай, Чили. Поэтому значительное снижение цен в 1985—1986 гг. объективно действовало в пользу стран — импортеров нефти, которые сэкономили около 3 млрд долл. В то же время экспортеры нефти (Венесуэла, Мексика, Перу, Эквадор) потеряли только в 1985 г. не менее 11,4 млрд долл., если считать, что цены упали в среднем с 26 до 14 долл. за баррель. В результате даже весьма существенное снижение процентных ставок в США и ряде других капиталистических государств, следовавшее в 1986 г., не принесло облегчения латиноамериканским странам. Как отмечалось в докладе секретариата Латиноамериканской экономической системы, снижение процентных ставок на один пункт дает региону экономию в 3 млрд долл. Однако проблема заключается в том, что основная масса его экспорта идет

в страны бывшей зоны доллара, курс которого тоже понижался в 1985 и 1986 гг. Что же касается падения цен на нефть, то возможная сумма потерь нефтеэкспортирующих стран региона определена в пределах от 70 до 140 млрд долл.³²

Комплекс валютно-финансовых проблем Латинской Америки, до крайности осложняющий отношения с Соединенными Штатами, не мог не вызвать озабоченности в Вашингтоне. Стратеги неоглобализма стали выдвигать различные проекты. Одним из наиболее известных является уже упоминавшийся "план Бейкера", предложенный министром финансов США на 40-й сессии советов управляющих МВФ и МБРР (Сеул, октябрь 1985 г.). Его основные положения заключаются в следующем. Первое. Международные финансовые институты, такие, как МБРР и Межамериканский банк развития, должны были в течение трех лет увеличивать кредитование развивающихся государств на 3 млрд долл. ежегодно. Предусматривалось, что средства будут направлены исключительно на цели роста и перестройки экономики. Второе. За три года коммерческие банки должны были увеличить объем кредитов этим странам на 20 млрд долл. Предполагалось, что они будут действовать в сотрудничестве с международными институтами развития. Третье. Непременным условием получения новых кредитов ставилось проведение странами-дебиторами соответствующей системы мер в рамках разрекламированной политики экономического роста, включающей поощрение притока иностранных инвестиций в экономику этих стран, снятие импортных ограничений, денационализацию предприятий госсектора. Общая сумма дополнительного кредитования должна была составить 29 млрд долл.

Многие экономисты, руководители банков, американские и иностранные должностные лица высказывают мнение, что "план Бейкера" не отвечает поставленным задачам. С наиболее острой критикой его выступил американский сенатор-демократ Билл Брэдли. По его мнению, главный недостаток плана состоит в том, что он призывает предоставлять развивающимся государствам новые займы, а это только увеличило бы объем их внешнего долга. В июне 1986 г., выступая в Цюрихе, Брэдли сказал: "План Бэйкера продлевает политику, которая создала кризис задолженности... требует соблюдения экономических принципов президента Рейгана"³³. Сенатор признает, что только в случае облегчения долгового бремени можно надеяться на восстановление экономического роста в этих странах, но в основе его беспокойства лежит, естественно, отнюдь не забота о народах латиноамериканских государств, а защита интересов американского капитала. По оценкам Брэдли, кризис задолженности Латинской Америки обошелся США в 1 млн потерянных рабочих мест (400 тыс. — из-за сокращения экспорта США в эти страны и 600 тыс. — из-за форсирования их собственного экспорта на мировой

рынок с целью получить больше иностранной валюты для уплаты процентов по внешнему долгу). В июне 1986 г. он предложил свой план урегулирования проблемы задолженности, ограничив его действие Латинской Америкой.

Предусматривалось ежегодно в течение трех лет понижать банковские ставки на три пункта по всем непогашенным коммерческим и двусторонним государственным займам 15 стран-должникам и списывать по 3% основной суммы задолженности с обязательством проводить внутренние экономические реформы. Эти меры, по подсчетам Брэдли, уменьшили бы на 42 млрд долл. долги коммерческим банкам и на 15 млрд долл. — иностранным правительствам по займам на двусторонней основе³⁴. Предлагалось ежегодно проводить переговоры, во время которых достигалась бы договоренность о снижении процентных ставок, списании части долга в обмен на снятие торговых барьеров странами-дебиторами и проведение ими экономических реформ. Возглавить переговоры, которые должны вестись на многосторонней основе, но с каждым должником конкретно, должен президент МБРР Б. Конейбль. Данный проект, подобно "плану Бейкера", предусматривал увеличение кредитования стран-должников международными институтами развития на 3 млрд долл. за три года. Предоставление же новых займов коммерческими банками вообще не предполагалось.

Несмотря на различие формулировок, оба плана практически совпадают в части стремления обеспечить условия для того, чтобы финансовый капитал США при поддержке государства имел еще большие возможности навязывать странам Латинской Америки экономическую политику, угодную их северному соседу. Это и либерализация доступа иностранного капитала с созданием благоприятных условий для его функционирования, и отмена импортных и валютных ограничений, и распродажа предприятий госсектора — словом, полный "джентльменский набор" империалистической политики, позволяющий свободнее грабить зависимые государства.

Вместе с тем позиция Брэдли в большей степени отражает интересы американских промышленных монополий, нежели банковских. Недаром Ричард Файнберг, вице-президент Совета зарубежного развития, отметил: "Он в этом плане признает, чего стоит нашей экономике продолжающийся спад в Латинской Америке, а также, что существует конфликт между банкирами, с одной стороны, и американскими промышленниками и фермерами, которые потеряли там свои рынки, — с другой"³⁵.

Заботят Брэдли не только сокращение американского экспорта, но и политические аспекты проблемы внешнего долга, возможность их влияния на интересы США на международной арене, а фактически и на судьбы стратегии неоглобализма. Так, в интервью корреспондентам "Джорнэл оф коммерс"

он провел следующую параллель: "В середине 70-х годов Мальдивские острова испытывали экономические трудности и обратились к Международному валютному фонду... МВФ выдвинул требования проводить политику экономии, сократить импорт и т. д., что и было сделано. Затем в результате выборов к власти пришло марксистское правительство. Первым его заявлением было: "Давайте пересмотрим условия аренды Диего-Гарсиа с США". Таким образом, экономический хаос быстро повлек за собой политические перемены, результатом чего явилась потенциальная стратегическая потеря для США. Мы можем справиться с этим, когда речь идет о небольших островах в Индийском океане. А в случае, если подобный экономический хаос и политические перемены имели бы место в Мексике... мы не могли бы принять это"³⁶. Таким образом, американский сенатор недвусмысленно указал на тесную связь между проблемами задолженности, деятельностью МВФ, других подконтрольных США финансовых институтов и доктриной неоглобализма. Естественно, весь этот клубок проблем предстал в характерной для Вашингтона интерпретации.

В пользу списания части задолженности развивающихся стран высказываются некоторые другие государственные деятели, в том числе бывший западногерманский канцлер Г. Шмидт. Дискуссия разгорелась, причем стали выявляться несовпадение и даже противоположность позиций некоторых западных лидеров. Так, на конференции по проблемам внешней задолженности и торговли в декабре 1986 г. в Нью-Йорке Дж. Бейкер подверг критике планы списания долга развивающихся стран и снижения процентных ставок, в частности "план Брэдли". По его мнению, их реализация породила бы нежелание коммерческих банков предоставлять этим странам новые кредиты, поскольку кредиторы понесли бы значительные потери. В то же время он отверг и возможность урегулирования проблемы долга путем широкого предоставления новых займов в рамках программы, подобной "плану Маршалла". Министр финансов США заявил, что администрация Рейгана будет придерживаться "промежуточного" курса, направленного на то, чтобы "дать возможность странам-должникам возобновить экономический рост"³⁷. Вместе с тем он подчеркнул возможность частичного облегчения их долгового бремени путем роста вложений акционерного капитала при помощи обмена долговых требований на акции.

Совет управляющих Федеральной резервной системы США подготовил исследование по "плану Брэдли" с целью определить его возможное влияние на финансовое положение американских банков. По расчетам экспертов, применение "плана Брэдли" в отношении 10 основных должников региона*

* Мексика, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Боливия, Колумбия, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор.

привело бы через три года к уменьшению прибыли девяти крупнейших банков США до 1,7 млрд долл., т.е. наполовину по сравнению с 1985 г. Сокращение же внешнего долга этой группы государств составило бы около 15 млрд. В последующее десятилетие суммарные потери тех же банков составили бы еще 9,6 млрд. Поскольку потенциальный ущерб для банков превышает выигрыш для стран-должников, тогдашний председатель Совета управляющих ФРС П. Волкер заявил, что "в обозримом будущем списание части основного долга в значительной степени неуместно", и напомнил, что в последние годы с большинства этих стран взимали лишь проценты, не требуя погашения основной части долга³⁸.

В отличие от Волкера один из ведущих банкиров, Франц Лойтольф, генеральный управляющий "Суисс бэнк корп.", признал, что "многие страны-должники уже не в состоянии платить проценты по своим займам". Он считает необходимым предоставить временную частичную отсрочку процентных платежей по старым долгам путем проведения переговоров с каждым должником в отдельности. Возмещение отсроченных процентных платежей, возможно, базировалось бы на динамике товарных цен или на намеченном улучшении показателей экономического роста развивающихся и развитых капиталистических стран. Лойтольф предложил также рециклировать странам-дебиторам уже выплаченные ими суммы процентных платежей при условии, что они будут проводить согласованную экономическую политику. Он считает, что выполнение такого плана позволило бы при соответствующих обстоятельствах полностью аннулировать процентные платежи³⁹.

Руководящие круги многих латиноамериканских стран пытались в течение довольно длительного времени "сохранять лицо" и осуществлять платежи в соответствии с условиями соглашений. Дольше всех продержалась Бразилия, но и она, как уже отмечалось, в феврале 1987 г. объявила о приостановке выплат процентов по долгу, а еще через два месяца президент Ж. Сарней заявил, что единственной ошибкой его правительства были слишком долгие колебания и сомнения; следовало прекращать платежи в тот момент, когда страна имела больше денежно-валютных резервов. "Бразилия,— отметил он,— относится с уважением к Международному валютному фонду, но не принимает его требований в вопросах решения социально-экономических проблем, так как они обходятся слишком дорого. МВФ получил согласие правительства страны на изучение ее экономического положения, но не должен оказывать давления на принятие таких мер, которые могли бы спровоцировать социальный кризис. Для предотвращения дестабилизирующих явлений необходимо обеспечить демократию в Бразилии и ее выход из экономического кризиса, и руководство страны полно решимости дей-

ствовать в этих направлениях"⁴⁰. Следует отдать должное представителям бразильских правящих кругов, которые достаточно точно ориентируются в обстановке, ощущая болевые точки в стране и за ее пределами, и проявляют достаточную твердость в защите поставленных целей (в случаях столкновений с США они в основном совпадают с интересами широких масс населения).

Решение бразильского руководства отражает господствующее с середины 80-х годов среди латиноамериканцев мнение о возможных направлениях выхода из кризиса и его последствиях. Последствия эти "угрожают стабильности нашего общества и грозят подорвать процесс демократизации, развивающийся в последние годы в Латинской Америке,— отмечал Х. Сильва-Эрцог, министр экономики и финансов Бразилии, выступая в Лондоне 27 января 1986 г.— Таким образом, эта ситуация вызвала необратимый процесс политизации вопросов, связанных с задолженностью, что толкает страны-должники в направлении самых радикальных подходов для смягчения груза долга".

К аналогичному выводу пришли и участники специальной сессии Латиноамериканского парламента, состоявшейся в октябре 1985 г. в Уругвае, где президент страны Х. М. Сангинетти повторил известную точку зрения руководителей большинства стран Латинской Америки: проблема задолженности не является чисто финансовой или валютной, она должна рассматриваться в первую очередь комплексно, как проблема политическая и торгово-экономическая. Именно совместные действия латиноамериканских стран заставили Запад, хотя и медленно, неохотно, прислушаться к голосу разума и признать, что внешний долг — это вопрос политический. "Общая картина пока не слишком многообещающая,— отметил уругвайский президент,— но есть некоторые положительные признаки, по крайней мере в том, что касается побудительных мотивов западноевропейских лидеров — Ганса Дитриха Геншера, например, к признанию некоторых аргументов Латинской Америки". Однако недостаточно только политической солидарности со стороны Европы и Соединенных Штатов — "слова пока не подтверждаются делами"⁴¹.

В оценке "плана Бейкера" представители латиноамериканских стран сходятся на том, что его единственный позитивный элемент — признание необходимости действий со стороны правительства США. Но вывод о том, что проблема долга не является чисто финансовой, Бейкер не подкрепил никакими конкретными предложениями о понижении процентных ставок и повышении цен на сырье, которые отвечали бы интересам стран региона, что вызвало с их стороны резкое осуждение. Х. Сильва-Эрцог считает главным недостатком "плана Бейкера" идею "увеличения задолженности ради решения проблемы задолженности...". При этом в плане "не предусматривается

выделение необходимых средств, чтобы компенсировать высокие процентные ставки и ухудшение условий торговли, а также на цели экономического развития”, игнорируются сами причины роста долга — структура экономики развивающихся стран и политика империалистических держав, которые препятствуют повышению темпов роста и экспорта государств-должников, достижению равновесия их платежных балансов⁴².

Эту точку зрения разделяют и большинство лидеров Социалистического интернационала, в первую очередь, естественно, представители Латинской Америки, например вице-президент Социинтерна Ф. Пенья Гомес. Касаясь проблем своей родины — Доминиканской Республики, он заявил, что если там вдруг не откроют несколько скважин нефти с большим дебитом, то “страна не в состоянии выплачивать одновременно и долг, и проценты по нему”⁴³. Между тем и надежды на нефть, реальные в 1985 г., развеялись, как дым, когда цены уже через год покатались вниз. Так же быстро рассеялись иллюзии нефтедобывающих стран и завидовавших им до того соседей.

Представители самых различных кругов Латинской Америки долго боролись за то, чтобы контрагенты из развитых капиталистических стран признали проблему долга политической, требующей принципиального изменения подхода: ее не решить путем модификации ставок, переноса сроков платежей и прочих финансово-технических мер. Столь же долго пробивало себе дорогу у руководителей капиталистического мира понимание необходимости задействовать силы международных организаций и государств в поисках “безопасного” пути нереволюционного выхода из тупика. В определенном смысле переломным явился 1985 год, когда на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН проблема задолженности превратилась в основную тему пленарного заседания. Тон задал бывший президент Панамы Н. Ардито Барлетта. Он прямо заявил, что долг Латинской Америки угрожающе превышает пределы разумного, и необходимо установить более справедливые, реалистичные финансовые отношения между должниками и кредиторами. “Латиноамериканские правительства, оказавшись перед дилеммой: выполнять им обязанности перед кредиторами или перед народом, будут вынуждены выбрать второй вариант”, — отметил Барлетта⁴⁴. Ему оставалось лишь добавить: если они не хотят рано или поздно столкнуться с революционной ситуацией.

Однако и в правящих кругах Запада нарастает осознание “взрывоопасности” внешнего долга как эффективного средства выкачивания ресурсов и соответственно источника нарастания внутренних противоречий. Представители некоторых империалистических держав продемонстрировали определенную гибкость. К примеру, Г.-Д. Геншер признал, что долг представляет проблему не только экономическую и финансо-

вую, но и политическую. Развивающиеся страны, где экономика переживает спад, господствуют безработица и голод, не должны выплачивать всевозрастающие проценты по долгу, считает западногерманский министр. Аналогичную скидку он готов был сделать для стран, где налицо "угроза свободе, демократии и независимости"⁴⁵, а с точки зрения Запада такой угрозой предстает некапиталистический путь развития.

Наиболее радикальным и всеобъемлющим, хотя и проблематичным с точки зрения практической реализации, является подход латиноамериканских коммунистов. Так, Генеральный секретарь Компартии Аргентины Атос Фава предложил, чтобы его страна объявила в одностороннем порядке 10-летний мораторий на выплату долга. "С пятью с половиной миллиардами, что мы платили ежегодно только в виде процентов, — заявил он, — можно было бы накормить 2 млн 300 тыс. семей и в три года полностью решить проблему нехватки жилищ"⁴⁶.

На IV конгрессе Латиноамериканской федерации журналистов в июне 1985 г. Ф. Кастро выступил с радикальным предложением — установить мораторий на выплату всего внешнего долга стран "третьего мира". Он подчеркнул, что за 10 лет страны Латинской Америки должны выплатить только в форме процентов около 400 млрд долл., и это полностью обескровит их⁴⁷. Идею полного прекращения платежей кубинский лидер активно отстаивал во всех своих последующих выступлениях. Органы печати, многие прогрессивные деятели Латинской Америки присоединились к этому предложению, но до 1987 г. в его поддержку не выступил ни один руководитель крупной латиноамериканской страны, видимо опасаясь обвинений в симпатиях к острову Свободы. Позиция Кубы была подтверждена на чрезвычайной ассамблее Латиноамериканского парламента по проблемам внешней задолженности. Там председатель Национальной ассамблеи народной власти А. Флавио Браво подчеркнул, что без решения этих проблем и установления нового международного экономического порядка потрясения в регионе "могут быть столь сильны, что подорвут демократические перемены в ряде стран". Для выхода из положения "необходимо единство всех латиноамериканцев — независимо от их политических различий, религиозных верований — будь то промышленники, торговцы, крестьяне или рабочие"⁴⁸.

Постепенно и в ведущих международных финансовых организациях пробиваются ростки понимания, что сложившаяся ситуация неразрешима старыми методами. Так, эксперты МБРР в своем докладе, появившемся как раз накануне решения Бразилии, пришли к выводу о необходимости большей финансовой поддержки стран-должников. Причина такого поворота к нуждам в первую очередь латиноамериканских

государств ясна: в докладе прямо указывается, что в крайнем случае им придется прибегнуть к иным, в том числе "конфликтным", методам решения проблемы задолженности. Была выражена и забота о повышении темпов экономического роста развивающихся стран, в чем заинтересованы уже и сами кредиторы. Но принципиального изменения курса в сторону учета потребностей молодых государств ожидать от этих организаций не приходится: ведь их позиция продиктована интересами правящих кругов Соединенных Штатов. А интересы эти, как говорилось, достаточно противоречивы и определяются сейчас преобладающей мощью банковского капитала.

Даже согласительная комиссия конгресса США в своем докладе, где анализировалось противоречивое, во многом негативное влияние кризиса задолженности Латинской Америки на экономику самих США, была вынуждена констатировать, что подход администрации к решению проблемы долга выгоден только банкам-кредиторам. Она подвергла критике и "план Бейкера". Рекомендации авторов доклада сводились к тому, чтобы банки постепенно списывали долги латиноамериканских стран и при этом снижали процентные ставки, в первую очередь при рефинансировании задолженности⁴⁹. Таким образом, американские законодатели предполагали убить двух зайцев — уменьшить внешний долг Латинской Америки и добиться роста спроса на американские товары, а значит, способствовать оживлению конъюнктуры в США. Их, как и Брэдли, беспокоит, что политика ограничения импорта, проводимая государствами региона, ослабляет позиции американских экспортеров. По некоторым подсчетам, около половины актива торгового баланса, которого удалось добиться этим странам к середине 80-х годов, составляет "экономия" на импорте из США⁵⁰. С другой стороны, успехи Латинской Америки в расширении своего экспорта обостряют конкуренцию на мировых рынках не в пользу американских производителей.

Если сопоставлять подходы Латинской Америки и США к проблемам региона, то становится ясно, что их противоположность все углубляется. Если Соединенные Штаты в роли лидера западного мира по-прежнему изыскивают способы защиты интересов международного финансового капитала, то эволюция взглядов их южных соседей идет в сторону сближения с позицией социалистических стран по комплексу проблем Латинской Америки и других регионов развивающегося мира. В обобщенном виде она была сформулирована в декларации Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне (июнь 1984 г., Москва) "Сохранение мира и международное экономическое сотрудничество": "Имея в виду, что ответственность за вековую отсталость развивающихся стран... неотделима от политики, проводимой и в настоящее время империалистическими государствами, а также от дея-

тельности международных монополий, страны — члены СЭВ признают абсолютно справедливыми требования стран Азии, Африки и Латинской Америки о том, что виновники переживаемых ими трудностей должны значительно расширить передачу ресурсов в качестве компенсации за ущерб, причиненный в результате колониального грабежа и неокOLONИАЛИСТСКОЙ эксплуатации, сократить бремя задолженности развивающихся государств, облегчить им доступ на выгодных условиях к международным источникам кредитов⁵¹.

Новые важные моменты в подходе прогрессивных сил были внесены на Встрече партий и движений в Москве в ноябре 1987 г. Одним из существенных элементов нового политического мышления стало требование, как отметил Генеральный секретарь Народной прогрессивной партии Гайаны Чедди Джаган, "видеть не только сходство, но и различие позиций отдельных групп в рядах правящего капиталистического класса. Военная промышленность заинтересована в нагнетании напряженности и ухудшении положения в мире, чтобы еще больше производить и продавать оружия, получать огромную прибыль. С другой стороны, те, кто заинтересован в расширении сфер приложения капитала и торговли, стремятся к стабильности и к созданию благоприятного, невраждебного инвестиционного климата. Потребности внутреннего рынка также нуждаются в стабильных ценах на импорт и в высоком потребительском спросе"⁵². Элементы такого подхода, преследующего цель объединения всех объективно заинтересованных в сотрудничестве сил, были продемонстрированы и в выступлениях представителей прогрессивных партий и движений других латиноамериканских стран. Вместе с тем все они подчеркивали несовпадение геополитических целей США в Латинской Америке и задач, которые ставят перед собой ее народы, что толкает Соединенные Штаты к активным действиям по формированию социальной опоры своей экспансионистской политики в регионе.

НЕОГЛОБАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ

В поисках социальной опоры

Все более серьезные расхождения коренных интересов Латинской Америки и США являются определяющим моментом в эволюции их взаимосвязей в 80-е годы, в углублении различий в подходах к проблемам региона. Однако процесс этот развивался постепенно, и в начале десятилетия казалось, что сохранится статус-кво 60—70-х годов, когда "началось осуществление нового стратегического курса империализма в Латинской Америке: экспансия транснациональных корпораций и их проникновение в нашу экономику наряду с интернационализацией и осуществлением "доктрины национальной безопасности". Этот курс пользовался поддержкой крупной буржуазии", — считает Хосе Перейра, заместитель Генерального секретаря Социалистической партии Уругвая. С другой стороны, в эти годы "национальные армии стали орудием стратегии капитализма, средством подавления" любых прогрессивных движений¹.

Стремление Соединенных Штатов оказать воздействие на латиноамериканские страны через военно-политическую сферу отражает, с одной стороны, агрессивный характер теории и практики неоглобализма, с другой — специфику социальной структуры большинства государств региона. Местная буржуазия, смятая экспансией извне, в ряде стран уступила свою роль военным. Именно там, где этот процесс зашел достаточно далеко, монополии и правительство США теснее всего сотрудничают с военными режимами, что отражает специфическую роль армии в регионе. Хотя зачастую она по внешней видимости выступает как выразитель националистических тенденций, но, выполняя функцию защитника интересов совокупного капиталиста страны, армия встает на стражу и американских корпораций, действующих в ее экономике.

Высшие круги латиноамериканских армий, в первую очередь генералитет, воспитанный в академиях и училищах США, являются в подавляющей своей части носителями проамериканской идеологии. Поэтому военные перевороты, столь характерные для региона, сопровождаются в абсолютном большинстве случаев предоставлением различных льгот иностранному капиталу, как правило, в обмен на получение кредитов, ведь "для стран, вывозящих капитал, — отмечал

В. И. Ленин, — почти всегда получается возможность приобрести известные "выгоды..."². Кроме того, американский капитал кровно заинтересован в таком сотрудничестве, поскольку военные в Латинской Америке, сосредоточив в своих руках политическую и экономическую власть, зачастую (а в малых странах — как правило) сами разворачивают активную предпринимательскую деятельность — тенденция, которую Генеральный секретарь ЦК Компартии Эквадора Р. Може охарактеризовал следующим образом: "...среди старших и высших чинов появилось немало нуворишей — крупных промышленников, акционеров. Сегодняшний эквадорский генерал — это типичный миллионер. Эквадорскую армию нельзя больше рассматривать просто как щит и меч буржуазии, она самым непосредственным образом связана с экономикой, все глубже проникает в нее, а также прямо контролирует государственный аппарат. Следовательно, защита буржуазных устоев — самозащита для современных эквадорских военных, их кровное дело"³. Таково положение в Эквадоре — стране с относительно развитой экономикой и национальной буржуазией, определенными демократическими традициями.

В наиболее отсталых странах (Гаити, Парагвай, дореволюционная Никарагуа), для которых типичен "персональный", диктаторский режим, ситуация иная: находящийся у власти клан практически не может сохранить ее, не сосредоточив в своих руках как политические рычаги (пост главы государства и руководство армией), так и экономические, он превращается фактически в крупнейшего монополиста в своей стране. Эти режимы, не имея, таким образом, достаточно прочной внутренней социальной базы, опираются на капитал США, предоставляя ему льготы и привилегии, проводя ярко выраженный антикоммунистический курс и поддерживая практически безоговорочно внешнеполитические акции "патрона". Поскольку подобная позиция полностью отвечает долгосрочным интересам Соединенных Штатов, они рассматривают диктаторские режимы как наиболее надежных союзников, и кратковременные кампании типа защиты "прав человека" затрагивают только политическую поверхность всей совокупности их отношений.

Если администрация Картера пыталась добиться внешней видимости соблюдения "прав человека", оказывая определенное давление на фашиствующие диктатуры посредством различных политических акций, ограничения размеров помощи и т. д., то при Рейгане этот вопрос стал решаться иначе. Мотивируя необходимость предоставления кредитов, президент просто направляет в конгресс послание о якобы начавшемся процессе "демократизации" в той или иной стране (этот прием неоднократно применялся в отношении центрально-американских диктатур). Поддержка антинародных, проамериканских режимов была выдвинута в качестве одного из

основных элементов политики США еще в секретном "документе Санта-Фе". Принятый накануне прихода Р. Рейгана к власти, он явился для его администрации руководством к действию. Согласно "новому подходу" к латиноамериканским делам, были фактически отменены введенные при Картере ограничения на экономическую и военную помощь: ведь политические задачи по сохранению антикоммунистических режимов неотделимы от интересов финансового капитала США.

Обратимся к ставшему во многом хрестоматийным примеру Чили. Можно считать, что Пиночета привела к власти финансовая группа Рокфеллеров, ведущий партнер крупнейших кланов местной финансовой олигархии (Хавьер Виало, Крусат-Ларраин, Матте-Александрри, Эдвардс и др.) и один из наиболее значительных кредиторов пиночетовской хунты. До прихода к власти правительства Народного единства рокфеллеровская "Экссон" (в Латинской Америке — ЭССО) определяла всю энергетическую ситуацию в стране. Чтобы сохранить такое положение, накануне президентских выборов 1970 г. она добилась контракта на монопольную поставку в Чили нефти по фиксированным ценам и количеству. Резкое повышение цен на нефть в 1973 г. при таких условиях было невыгодно "Экссон", которая стала добиваться пересмотра контракта. Правительство С. Альенде отвергло требования монополии и пригрозило, что в случае одностороннего аннулирования соглашения американской стороной оно примет самые решительные меры, вплоть до эмбарго на поставки товаров из США. Естественно, группа Рокфеллера, как и владельцы "Анаконды", "Кеннекот" и других национализированных филиалов американских ТНК, не могла простить потери своих прибылей в Чили и приложила максимум усилий для свержения правительства Народного единства. Монополии создали специальный фонд для финансирования подрывных операций ЦРУ и чилийской реакции, которая не осталась в долгу, придя к власти: американским ТНК возвратили часть национализированных предприятий или выплатили завышенную компенсацию. В результате прекращения действия контракта с "Экссон", сокращения добычи угля и т. д. цена на импортируемую нефть резко возросла.

Со временем открытая поддержка чилийского режима стала для США не только неудобна, но и невыгодна. Уже администрация Картера, борясь за "права человека" в социалистических странах, не могла игнорировать требования запрета на любую помощь Чили в рамках двусторонних отношений. Делегация США голосовала против предоставления ей займов МБРР и МВФ в связи с нарушениями прав человека. Администрация Рейгана первоначально придерживалась линии, популярной среди американских консерваторов и исходящей из необходимости полностью поддерживать любых

антикоммунистических союзников в их борьбе против "левой подрывной деятельности". Когда же она решила использовать вопрос о правах человека против левых режимов, особенно в Никарагуа, пришлось ради восстановления и сохранения своего реноме предпринять видимость действий и против правых правительств. На практике же руководство США ратовало за предоставление крупных займов Чили, хотя закон 1977 г. запрещает поддержку стран, где происходят массовые нарушения прав человека. В сентябре 1986 г. журнал "Тайм" писал: "... ждут одобрения займы в сумме 887 млн долл., включая 250 млн от МБРР. Должностные лица США говорят, что еще не приняли решение, как проголосовать, но указали, что стараются найти поддержку в Европе и Японии, чтобы нанести поражение противникам этих предложений"⁴.

После попыток "окультурить" режим Пиночета в начале 80-х годов путем "спокойной дипломатии" Вашингтон все чаще публично заявлял о своем недовольстве правительством Чили, особенно по вопросу о гуманитарных правах. Пиночевская камарилья стала выглядеть еще более одиозно после краха военных режимов других стран "Южного конуса" и публичного разоблачения их преступлений против своих народов. У правящих кругов США окрепли опасения, которые журнал "Ю.С. Ньюс энд Уорлд рипорт" выразил так: "Непривлекательность Пиночета может столь воспламенить общественное мнение, что вернет Чили к марксистским дням Сальвадора Альенде"⁵. Вашингтон считает усиливающиеся народные волнения в Чили опасными и ожидает, что они прекратятся, если Пиночета удастся убедить уйти со сцены по истечении срока его полномочий в 1989 г. В качестве способа давления Эллиот Абрамс, помощник госсекретаря по меж-американским делам, предложил наложить вето на предоставление Чили кредитов по линии МБРР.

Однако в случае осуществления планов США перспектива для чилийского народа вырисовывается безрадостная, поскольку 80-е годы дали несколько примеров "демократизации" по американскому сценарию, в том числе такой наглядный, как Гаити. После бегства "бэби Дока" (последнего представителя диктаторского клана Дювалье) была разработана и разрекламирована целая программа маскировки фасада нового режима, поскольку для опекунов с Севера было необходимо продемонстрировать сдвиги в направлении "представительной демократии". Но в силу того что наилучшим вариантом для Латинской Америки им представляется Гренада после вторжения американских войск, в Гаити, несмотря на все усилия специалистов из США, бросается в глаза отсутствие различий между режимами Дювалье и их преемников.

Другой пример. Калифорнийский "Бэнк оф Америка" (одна из сил, стоящих за спиной Рейгана) проявляет особую

заинтересованность в сохранении положения в Гватемале, поскольку к началу 80-х годов банк занял особое положение в экономике страны, получив возможность определять и ее политику. Его дочернее отделение, располагая основным капиталом в 121 млн долл., стало наряду с генералами, входящими в правительство, крупнейшим инвестором в Гватемале⁶. Оно предоставило военным значительные средства, часть которых через банк, принадлежащий военному ведомству, пошла на строительство около 800 усадеб для генералов на участках в богатой нефтью провинции Санта-Росита. Проживающие там индейцы были изгнаны, а более 1 тыс. из них, не желавшие покидать свои земли, — уничтожены армейскими частями. Аналогичные "боевые" операции провели на землях, богатых никелем и другими полезными ископаемыми. Вряд ли можно сомневаться в том, что "Бэнк оф Америка" будет в той или иной форме участвовать в их разработке. Естественно, его отделению предоставлены в Гватемале преимущества, которых лишены другие иностранные вкладчики капитала: оно имеет право осуществлять все без исключения виды операций, в частности вложения в кофейную и сахарную промышленность, предоставление особо крупных кредитов и т. п.

В последние годы в центральноамериканских планах неоглобалистов особое место занимает Гондурас, на территории которого базируются противники сандинистов. Хотя американский конгресс должен ежегодно принимать решение о выделении средств на военную помощь, в действительности заранее по пятилетнему бюджету Пентагона предусмотрены расходы на содержание войск США в Гондурасе вплоть до 1991 г.

Фарс с выборами "демократических гражданских правительств" в центральноамериканских странах в 80-е годы никого не ввел в заблуждение, поскольку он был предназначен для успокоения общественного мнения и конгресса США. А "конституционно избранный" президент Гватемалы Винисио Сересо достаточно откровенно заявил, что если он будет бороться с военными, то они совершат государственный переворот. С учетом таких факторов, как тяжелое экономическое положение страны и наличие тесных связей местной военщины со своими коллегами из США и Израиля, его пророчество имело достаточно веские основания.

Характерная для неоглобализма агрессивность проявилась в изменении некоторых традиционных для США тактических приемов в отношении Латинской Америки. В предшествующие десятилетия они в целом стремились ограничить здесь гонку вооружений. Американский капитал, добившись господства в местной экономике, был заинтересован в безопасности своих вложений. Соединенные Штаты законодательно ограничивали поставки оружия в регион и добивались того

же от своих западноевропейских союзников, воздействуя на латиноамериканские страны с целью не допустить перерастания территориальных и иных споров в вооруженные конфликты. Навязанная Вашингтоном доктрина "совместной обороны" возлагала на США обязанность защищать всю Америку от "внешней угрозы", а задачами правительств объявлялась борьба с "внутренним врагом".

Однако уже к 70-м годам это "разделение труда" дало трещину. Национальному капиталу, стесненному рамками отношений зависимости, не хватало поприщ прибыльного помещения, так как импортозамещающая индустриализация вплотную столкнулась с ограниченностью внутреннего рынка. Свои пределы имела и ориентация на развитие экспортных отраслей промышленности. Военное производство же всегда гарантировало высокие прибыли на вложенный капитал.

Созрели и внешние, "встречные" факторы: военно-промышленные корпорации западноевропейских стран активно искали новые рынки сбыта ввиду довольно значительного насыщения традиционных (Азия и Африка), где им к тому же приходилось выдерживать жесточайшую конкуренцию со стороны монополий США. Усиление "внимания" к региону было обусловлено и общими переменами в соотношении сил между центрами империализма, ослаблением позиций США, которые уже не могли безоговорочно диктовать Западной Европе (и Латинской Америке) свои условия. Американские военно-промышленные корпорации не могли упустить такой выгодный рынок и также включились в борьбу за раздел прибылей. Наряду с Бразилией и Аргентиной, которые сами производят и экспортируют некоторые виды вооружений, крупнейшим импортером самого современного оружия из США стала Венесуэла. Характерно, что выступавший в целом с антивоенных позиций бывший президент Венесуэлы К. Андрес Перес критиковал приобретение американских самолетов F-16... лишь за риск покупки не проверенной полностью техники⁷.

Кроме того, в 70 – 80-е годы мощным толчком для увеличения американского экспорта оружия послужило стремление подавить растущее национально-освободительное движение в Центральной Америке, а впоследствии – "вьетнамизировать" конфликт в этом субрегионе, натравив на Никарагуа ее соседей. Позиция, занятая Соединенными Штатами в фолклендском конфликте, подорвала доверие к ним со стороны руководящих кругов крупнейших латиноамериканских государств, вызвала желание иметь собственные хорошо оснащенные вооруженные силы. Как результат в течение десятилетия наблюдалось ослабление влияния США и соответственно военно-политической поддержки их политики в регионе. Основной упор они вынуждены теперь делать на малые страны, помощь которым обходится дешевле. Играет свою роль и стремление

крупнейших должников максимально сократить импорт и антиармейские настроения в странах "Южного конуса". "Охватить" их США уже не в состоянии. К тому же небольшим государствам легче выкручивать руки, добиваясь заодно выгодных условий для американских капиталовложений.

Таковы истоки уже частично затрагивавшейся нами "карибской инициативы" Р. Рейгана, хотя американская печать и пыталась представить ее как обоюдовыгодную идиллически бесконфликтную программу: "Принятие "карибской инициативы", программы стимулирования роста региона благодаря беспопытному доступу на рынок США в течение 12 лет создаст одну из самых больших возможностей в современный период для инвестиций в сельское хозяйство, расширения торговли, восстановления роста..."⁸ Сущность этой "инициативы" становится ясна, если рассмотреть направления американской помощи странам Центральной Америки и Карибского бассейна хотя бы за один год (табл. 17). Основная часть средств направлялась на поддержку тех режимов, которые либо послушно следовали указке Вашингтона (Восточно-карибские государства, Ямайка, Доминиканская Республика), либо являлись "прифронтовыми" по отношению к Никарагуа странами (Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Сальвадор). Для Панамы, отношения с которой осложнялись проблемой канала, были предусмотрены относительно небольшие суммы, для неугодных Соединенным Штатам правительств Гайаны и Суринама — жалкие крохи.

Страны Центральной Америки и Карибского бассейна всегда были объектом особо пристального внимания Соединенных Штатов, и 80-е годы дали немало примеров прямого сотрудничества монополий и правительства США с целью изменить позицию тех или иных государств в направлении, выгодном как официальному Вашингтону, так и американским корпорациям. В 1982—1986 гг. уже упоминавшаяся компания "Стандарт фрут", оказывая постоянное давление на Коста-Рику, добилась сокращения налогов и в последующем неоднократно угрожала свернуть там свою деятельность в случае неуступчивости властей. Если учесть и без того тяжелое экономическое положение страны, сложившееся из-за неблагоприятного для нее соотношения мировых цен, то становится ясным стремление ее правительства в подходе к центральноамериканским проблемам пойти на уступки Вашингтону, пообещавшему расширение "помощи". Однако в первую очередь от сближения с ним выиграла Национальная гвардия, получившая в 1983—1985 гг. 4 тыс. американских винтовок М-16, 7 самолетов, 2 вертолета, 150 автомобилей и другую боевую технику⁹. В качестве своеобразной компенсации на коста-риканской территории под руководством американских военных инженеров в конце 1986 г. началось интенсивное строительство дорог от Панамы до Никарагуа. Как пред-

Таблица 17. Запрос администрации США по программам двусторонней помощи странам Центральной Америки и Карибского бассейна в 1985 финансовом году, млн долл.

	Помощь развитию	Фонд экономической помощи	Международное военное образование и подготовка	Программа военной помощи	Льготное кредитование военных поставок	Всего
Центральная Америка						
Белиз	6,0	4,0	0,10	0,5	-	10,60
Гватемала	40,0	35,0	0,20	-	10,0	85,20
Гондурас	45,0	75,0	1,20	61,3	5,0	187,50
Коста-Рика	20,0	160,0	0,20	9,8	-	190,00
Панама	19,8	20,0	0,60	14,4	5,0	59,80
Сальвадор	80,0	210,0	1,50	116,0	15,0	422,50
Региональная организация центральноамериканских программ	62,0	136,6	-	-	-	198,60
Региональный центр военной подготовки Карибские страны	-	-	-	20,0	-	20,00
Гаити	24,0	5,0	0,45	0,3	-	29,75
Гайана	-	-	0,05	-	-	0,05
Доминиканская Республика	30,0	45,0	0,75	3,0	5,0	83,75
Суринам	-	-	0,08	-	-	0,08
Тринидад и Тобаго	-	-	0,05	-	-	0,05
Ямайка	28,0	70,0	0,25	5,0	-	103,25
Восточнокарибские страны*	32,0	20,0	0,30	5,0	-	57,30
Итого...	386,8	780,6	5,73	235,3	40,0	1448,43

* Антигуа и Барбуда, Барбадос, Гренада, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис.

Источник. *Watson H.A.* The Caribbean Basin Initiative and Caribbean Development: A Critical Analysis // Contemporary Marxism. 1985. N 10. P. 31.

полагают, целью этого мероприятия является обеспечение войскам США, размещенным в зоне Панамского канала, благоприятных условий для быстрой переброски в пограничную с Никарагуа зону.

Подобные эпизоды наглядно иллюстрируют характерное для США стремление использовать в своих интересах экономические трудности латиноамериканских государств, особенно их задолженность. Она оказывается действительно универсальным рычагом давления, зачастую не требующим даже изменения режима в той или иной стране. К примеру, как отмечал Генеральный секретарь ЦК Компартии Эквадора Рене Може, в стране "в течение трех лет правит авторитарное правительство олигархии, связанное с финансовым капиталом и выставляющее напоказ проамериканские настроения. Оно пунктуально следует рецептам Международного валютного фонда... Узаконенные преступления вершатся не только фашистскими диктатурами, наподобие пиночетовской или тех, которые творили произвол в Аргентине и Уругвае. Преступления проявляются в форме государственного терроризма в Колумбии и в меньшей степени — в Эквадоре... Конституционный режим только фасад, прикрывающий подлинную диктатуру олигархии и монополий"¹⁰.

Другой пример касается Боливии. В 80-е годы руководящие круги США с обеспокоенностью следили за развитием событий в этой стране, где под нажимом традиционно сильного профсоюзного движения правительство было вынуждено принимать некоторые меры по поддержанию уровня жизни населения, несколько ущемляя интересы зарубежных работодателей. Ситуация резко дестабилизировалась летом 1984 г., когда был похищен президент Э. Силес Суаро. Самый "щекотливый" для американской администрации момент заключался в том, что активную роль в организации похищения играли руководители специального подразделения по борьбе с наркотиками, получающего как денежные, так и материальные средства из США. Кроме того, подавляющее большинство офицеров этого подразделения обучалось в Международной полицейской академии в Вашингтоне, где их готовили в основном для антипартизанских действий, подавления мятежей и т. д. После освобождения президента боливийское правительство предприняло некоторые шаги к ограничению внешнего влияния. Реакция со стороны Севера не заставила себя ждать. Предлогом для оказания давления была избрана "недостаточно жесткая" политика Боливии в отношении подпольного производства и вывоза наркотиков, в частности в США. Позиция Соединенных Штатов оказала немалое влияние на итоги выборов в стране, и новый президент В. Пас Эстенсоро для смягчения ситуации дал согласие на... высадку американского воинского подразделения в окрестностях города Санта-Крус. Более полутора сотен "джи-ай", по завере-

ниям представителя Белого дома, предназначались для борьбы с производителями наркотиков и получили инструкцию применять оружие исключительно для самообороны. Этот "дружественный визит" вызвал крайне негативную реакцию в Латинской Америке как первый в 80-е годы случай практического использования частей Южного командования США в материковой части континента.

Вообще, с точки зрения вашингтонских политиков, причисление торговли наркотиками к числу "подрывных акций коммунизма" представляется, вероятно, логичным. Использование предлога борьбы с наркобизнесом в качестве средства давления на неудобные правительства стало широко применяться Соединенными Штатами. Их специалисты этого профиля, давно находящиеся во многих странах региона, в 80-е годы стали получать подкрепления в лице вооруженных сил США, которые таким путем пытаются закрепиться на латиноамериканской территории. В тех же целях используются и другие предлоги. Так, весной 1987 г. в пострадавший от землетрясения и наводнений Эквадор прибыла команда из тысячи американских военнослужащих с официальным заданием оказать помощь в восстановлении коммуникаций. Но местную общественность сразу же насторожило, что прибыли они, как и спецчасти в Боливию, с вертолетами и оружием, которые были размещены на эквадорских военных базах.

Подобные поиски пристанища не случайны. Все меньше латиноамериканских правительств идет на сотрудничество с Вашингтоном в военной области. Символическим можно считать закрытие в 1984 г. Школы Америк в зоне Панамского канала, бывшей в течение длительного времени крупнейшим учебным центром США, где набирались ума по-американски высшие военные чины из южной и центральной части континента. Но и в 80-е годы, несмотря на непредвиденные "трудности", Пентагон продолжал подготовку кадров для вооруженных сил латиноамериканских стран в своих военных академиях или учебных центрах, расположенных в Пуэрто-Рико, зоне Панамского канала и в ряде латиноамериканских стран. В этих центрах прошла обучение практически вся военная элита Латинской Америки, и особенно Чили, Аргентины, Парагвая, Уругвая, Боливии. В тех странах, где этот фактор сочетается с потомственной принадлежностью армейской верхушки к местной аристократии, ее реакционный характер и ориентация на США практически predeterminedены. В тех же "учебных заведениях" готовят и "специалистов" по антипартизанским действиям, полицейские кадры и т. д. Значителен объем поставок в Латинскую Америку различной полицейской техники, средств вооруженной борьбы с партизанами (специальные штурмовики, военно-транспортные самолеты и вертолеты). Регион является не только крупнейшим покупателем американского полицейского снаряжения, но и

потребителем американского опыта подавления народных выступлений, борьбы с революционными, партизанскими движениями. При этом используется вся сумма накопленных мировой реакцией "знаний", применяемая и в персонифицированной форме: не без помощи ЦРУ в Латинской Америке укрылось после войны немало бывших нацистов, в том числе руководителей гитлеровских спецслужб. Из сообщений мировой печати стало известно, что "палач Лиона" К. Барбье состоял на жалованье у ЦРУ, делясь своими "познаниями", приобретенными в гестапо. Переселение его в Боливию в середине 50-х годов также связывают с усилением антиимпериалистических тенденций, подъемом революционного движения в стране, диктаторские режимы которой стали остро нуждаться в подобных консультантах.

Неразборчивость в выборе партнеров вызывает негативную реакцию в самих Соединенных Штатах, и в оценках американской печати, касающихся диктаторских режимов, явно сквозит пренебрежение: "Если отставить в сторону сантименты, то США не всегда могут себе позволить порвать с диктаторами только потому, что они нечистоплотны. Обычно именно неразборчивость в средствах приносит им успех и, следовательно, делает ценными для их иностранных хозяев... Однако где-то надо проводить черту — если не из моральных, то из прагматических соображений. Если уж Америке приходится танцевать с диктаторами, то она должна знать, когда менять партнеров. Опыт последнего времени показывает, что это надо делать в следующих случаях: когда они перестают двигаться в сторону демократии; когда они теряют контроль над ключевыми социальными слоями общества; когда они начинают проигрывать битву; когда они наносят жестокий ущерб экономике; когда их поймали на нарушении законов США..."¹¹

Латиноамериканская практика неоднократно демонстрировала правящим кругам США, что опора на штыки, даже очень верные, не дает ни гарантии абсолютной безопасности американских инвестиций, ни политической "благонадежности" южных соседей на достаточно длительный период. Стало необходимым расширять социальную базу для экспансии, идти на нетипичные для прежней практики Соединенных Штатов формы сотрудничества. Так, от игнорирования государственного сектора, на который приходится 30% валовых капиталовложений в регионе, пришлось перейти к некоторому участию в его развитии и предоставлению ему в отдельных случаях кредитов и займов. При этом США и контролируемые ими международные финансовые организации учитывают, что политика полной обструкции госсектора лишила бы их гибких методов влияния, резко противопоставила латиноамериканской общественности. Приходится иметь в виду и усиление конкуренции между самими империалистическими странами на мировых рынках товаров и капиталов.

В то же время кредиты США, МБРР и МБР государственным организациям в Латинской Америке предоставляются прежде всего на развитие инфраструктуры, оплату поставок американских товарных излишков. США никогда не предоставили, например, ни одного доллара на закупку в кредит нефтяного оборудования для этих организаций. Странам региона не удалось получить значительные иностранные займы и для развития государственных машиностроительных предприятий. Если же в силу указанных обстоятельств США оказываются вынужденными пойти в отдельных случаях на предоставление кредитов на закупку машин и оборудования для некоторых отраслей тяжелой промышленности, то эти займы обуславливаются поставками из Соединенных Штатов. Предоставляя займы, США стремятся проникнуть и укрепить свои позиции на предприятиях государственного сектора, а в конечном итоге ограничить и подорвать изнутри его антиимпериалистическую направленность, обеспечить его зависимое развитие, функционирование в качестве дополнения к частному сектору в роли надежного гаранта его прибыльной деятельности. К примеру, из всех стран Латинской Америки госсектор получил наибольшее развитие в Мексике, где на него приходится около 50% общей суммы валовых капиталовложений, и вместе с тем его деятельность почти наполовину зависит от иностранных займов¹².

Официальная статистика США указывает, что основная часть их помощи странам Латинской Америки идет по межгосударственной линии; в действительности же средства по правительственным программам помощи предоставляются для закупки импортных товаров почти исключительно крупным частным фирмам, обычно связанным с американским капиталом. Используя механизм своего влияния в правительственных и банковских кругах этих стран, а также прямой шантаж, США и находящиеся под их контролем международные банки обычно добиваются того, что гарантом погашения по этим кредитам выступают местные государственные банки. Так в демагогических целях маскируется истинный состав получателей кредитов, и на государство перекладывается ответственность за их своевременное погашение.

Отношения же с частным национальным капиталом развиваются достаточно активно в направлении создания временных или достаточно прочных кредитных и производственных связей (естественно, на основе подчинения и зависимости). Конечно, на союз с капиталом США идут в первую очередь местные монополии. Так, тесной связью с американской финансовой олигархией характеризуется монополистический капитал Колумбии, где контролируемые группой Рокфеллеров активы к началу 80-х годов возросли до 1 млрд долл., группы Морганов — до 0,5 млрд, "Ферст нэшнл ситибэнк" — также до 0,5 млрд долл. Колумбийский экономист Х. С. Коль-

менарис, указывая на высокий уровень монополизации экономики Колумбии — 50% валового продукта производится семью ведущими национальными финансовыми группами, — подчеркивает, что "эти группы связаны с иностранными монополиями в разной степени, однако в любом случае крупная местная буржуазия действует в сотрудничестве с империализмом"¹³. Анализ процесса сближения и установления вначале непрочных, но все более укрепляющихся связей крупного местного капитала с американским полностью подтверждает вывод советского экономиста И. К. Шереметьева о том, что в итоге "хозяйном положением становятся немногочисленные, но могущественные финансово-промышленные группы, тесно связанные как с иностранными монополиями, так и с государственным аппаратом"¹⁴.

Однако вряд ли стремление финансового капитала США к союзу с латиноамериканской буржуазией можно объяснить лишь ростом ее экономической силы. Как отмечал В. И. Ленин, "крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это"¹⁵. Скажем, в послевоенные десятилетия мощь капитала США позволила бы ему добиться полного господства в производственной сфере Латинской Америки (что фактически и произошло в добывающей промышленности). Препятствие тому — сам факт иностранной принадлежности американских монополий: явление, которое, хотя и получает свое наиболее яркое выражение в надстроечной сфере (политика правительства по отношению к иностранному капиталу, идеологическая борьба по этому вопросу и т. п.), представляет собой, на наш взгляд, элемент — и весьма существенный — вторичных, производных производственных отношений.

Действительно, поскольку иностранный капитал не может действовать в рамках национальных границ без опоры на какие-либо классы и социальные группы данного общества, он не в состоянии полностью уничтожить местную буржуазию. Кроме того, вмешательство государства как совокупного капиталиста в защиту национального капитала объективно предопределено. В. И. Ленин подчеркивал, что именно существование национальных государств обеспечивает "наилучшие условия развития капитализма"¹⁶. В этой ситуации и финансовый капитал США вынужден искать (и создавать) себе опору в кругах буржуазии и правящих группах в латиноамериканских государствах, интегрироваться в их внутренние структуры, обеспечивая себе таким образом возможность получения максимальных прибылей. Там, где в силу слабости национального капитала у руля государственного управления находятся военные, их власть, по словам американского профессора Роберта Р. Кауфмана, "основывается на поддержании равновесия в коалициях, объединяющих разнородные соци-

альные силы, интересы которых часто противоречивы, а иногда и противоположны... основным элементом этих коалиций повсеместно является международный капитал”¹⁷.

В тех странах, а их немного (Коста-Рика, Гайана, некоторые карибские государства), где нет ни сложившейся промышленной или аграрной олигархии, ни сильной армии, американский капитал воздействует на правящие группы посредством предоставления кредитов, прямого подкупа и с помощью других приемов, добиваясь зачастую не худших результатов.

Углубление процесса внутрирегионального разделения труда и паразитирование американских монополий на этом процессе также создают специфические связи. Упомянутая система контрактов на производство сельскохозяйственной продукции порождает тесную привязку латиноамериканских производителей к корпорациям из США. Бывший президент “Юнайтед фрут” Томас Сандерлэнд сказал как-то: “Стимулируя местных жителей заниматься банановым производством... мы приобретаем партнеров, которые становятся бесценными союзниками, защищающими наши интересы”¹⁸.

В качестве таких “партнеров” выступали и относительно высокооплачиваемые докеры некоторых портов Никарагуа, которые уже после революции организовывали забастовки, требуя повышения заработной платы. Когда министерство внутренней торговли приняло решение с 1 октября 1985 г. значительно снизить цены на некоторые товары широкого потребления, это было сделано не благодаря улучшению экономической ситуации, а как итог “компромисса между сандинистским правительством и оппозиционными профсоюзами”¹⁹. Подобные явления, порождаемые стремлением капитала США обеспечить себе определенную поддержку и среди трудящихся, серьезно сужают возможности противостоять возрастающей эксплуатации, подрывают классовые основы борьбы против неоглобализма.

Углубление классовой пропасти

Экономический рост 50–70-х годов, несмотря на его ускоренные темпы, ничего не дал беднейшим слоям населения региона и еще более усугубил разрыв в доходах. Если в 1960 г. даже в наиболее динамичной Бразилии доля беднейших 20% населения в общей сумме доходов составляла 3,9%, то в 1980 г. — 2,8%; доля же 1% с наивысшими доходами возросла с 11,9 до 16,9%. Следующее десятилетие к относительному обнищанию населения прибавило и абсолютное в связи с падением темпов экономического роста. В 1980–1984 гг. в 24 странах Латинской Америки и Карибского бассейна прирост ВВП составлял в среднем 0,3%, причем в 14 — был

нулевым или отрицательным²⁰. Результатом стало ухудшение основных показателей, характеризующих уровень жизни (табл. 18).

Таблица 18. Распределение латиноамериканских стран по среднегодовым темпам роста ВВП в расчете на душу населения, 1960 – 1984 гг., число стран

	1960–1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984
2% и выше	19	17	15	1
0,1% – 1,9%	5	8	6	1
0% и ниже	2	1	5	24

Источник. ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии, 1986. Т. 2. С. 8.

В тот же период во всех странах, за исключением трех, наблюдался рост безработицы, а в некоторых он был существенным. Согласно оценкам секретариата Межамериканского банка развития, число только официально зарегистрированных безработных в городах Латинской Америки увеличилось более чем на 70%. Повсеместное же и часто значительное снижение уровня жизни вызывается не только ростом безработицы, но и понижающей динамикой реальной заработной платы, поскольку темпы повышения зарплаты в денежном выражении отставали от роста цен. Только в трех латиноамериканских странах средняя заработная плата в 1984 г. была выше, чем пятью годами ранее, но и там в отдельные годы этого периода наблюдалось ее существенное сокращение. В четырех же странах средняя реальная зарплата в 1985 г. была ниже, чем в 1975 г. Как отмечали специалисты ЮНКТАД, "в Чили доля лиц с уровнем жизни ниже черты абсолютной бедности увеличилась с 12% в 1981 г. до 16% в 1982 г., а в Коста-Рике – с 17% в 1979 г. до 19% в 1982 г."²¹

Проблемы эти, всегда характерные для Латинской Америки, резко обострились в 80-е годы в связи с ростом внешнего долга, который неизбежно приводит к замедлению темпов экономического развития или ускорения инфляции (в Латинской Америке при ее огромной задолженности часто "успешно" сочетается и то и другое). Особую роль здесь играет господство США на мировых рынках, прежде всего в качестве главного торгового партнера региона. Поскольку расчеты по экспортно-импортным операциям и выплате долгов осуществляются в основном в американских долларах, государство вынуждено жестко контролировать их обмен на национальную валюту, так же как и перевод средств за границу. В подобных условиях, даже при положительном сальдо платежного и торгового балансов, для выплат по задолженности необходимо выпускать дополнительно огромное количество

национальных денежных единиц для расчетов со своими экспортерами. Они получают эквивалент проданной за доллары продукции в национальной валюте, которая таким образом обесценивается.

В силу этих и других причин инфляция приобретает характер национального бедствия. Ее темпы в годовом исчислении достигают подчас 2–3 тыс. процентов (Аргентина в начале 80-х годов) и даже 8–9 тыс. (Боливия). В 80-е годы ряд латиноамериканских стран был вынужден заменить свои обесценившиеся валюты, введя "аустраль" в Аргентине, "инти" в Перу, "крузаду" в Бразилии, обменивая их на старые денежные единицы чаще всего в пропорции 1:1000.

В начале 1986 г. в некоторых банках Боливии часть служащих была вынуждена временно освоить профессию истопника ввиду необходимости уничтожения более 20 т бумажных ассигнаций достоинством меньше 10 тыс. песо. Иметь дело с такими банкнотами было просто невозможно. Латиноамериканцам остается только с присущим им чувством юмора подшучивать над своими проблемами. Аргентинцы незадолго до нового, 1987 года не поверили своим глазам, увидев на страницах достаточно респектабельной газеты "Ла вос" огромные заголовки, извещавшие о двукратном повышении зарплаты, снижении темпов инфляции до 0,01% и т.д. Соль каверзы заключалась в дате выхода газеты – 28 декабря, что во многих странах Латинской Америки отмечается как наше 1-е апреля – день смеха. В действительности же рост цен за год составил около 80%, что, конечно, можно считать относительно скромным показателем по сравнению с 688% в 1984 г. или рекордом, поставленным Боливией в 1985 г., – 8170%²².

В Мехико стремительное обесценение национальной валюты привело, среди прочего, к тому, что плата за телефоны-автоматы даже перестала окупать издержки на выемку монет из аппаратов, которые по решению городских властей стали функционировать бесплатно. Установка новых таксофонов вряд ли надолго решила бы проблему, поскольку в середине 80-х годов мексиканский песо дешевел буквально ежедневно. В ту пору жители города начинали свой деловой день с выяснения вопроса: "Почем сегодня доллар?"

Перечень подобных примеров можно продолжать бесконечно. Они отражают широкий спектр негативных социально-экономических последствий политики латиноамериканских государств, стремящихся любой ценой обеспечить своевременность платежей по внешней задолженности. Во-первых, подрывается воспроизводственный процесс, поскольку инфляционное обесценение денег уменьшает суммы средств, накапливаемых на счетах. Помещать деньги в банки внутри страны становится невыгодным, так как повышение ставок не успевает за темпами инфляции. Компании, вложившие средства в отрасли с относительно длительным сроком оборо-

та капитала, не получают достаточно прибыли, от чего страдают в первую очередь национальные фирмы, которые в отличие от филиалов иностранных монополий не имеют возможности использовать трансфертные цены, бартерные сделки (прямой обмен продукцией без купли-продажи) и прочие способы обеспечения поставок из-за рубежа, исключаящие зависимость от соотношения валютных курсов, темпов инфляции и т. д. Конечно, они стремятся переложить все трудности на плечи трудящихся либо непосредственно — увеличивая интенсивность труда, сдерживая повышение зарплаты, либо через государство, вынужденное вкладывать средства в нерентабельные, но необходимые отрасли. Во-вторых, те, кто имеет значительные денежные накопления, стремятся любыми способами перевести их за границу, спасая от обесценения. В-третьих, усиливается эксплуатация трудящихся масс, которые оказываются не в состоянии обеспечить себе даже прожиточный минимум при постоянном стремительном росте цен, — не спасала даже ежедневная выплата зарплаты в Аргентине и Боливии, так как розничные цены изменялись по нескольку раз в день.

Естественно, при таких обстоятельствах даже скромные планы руководства ряда латиноамериканских государств по обеспечению "нормальных" условий воспроизводства рабочей силы неизбежно терпели крах на протяжении 80-х годов. Вот, например, оценка действий правительства Мексики, которую дал американский "Тайм": "Чем больше де ла Мадрид старался удовлетворить своих международных кредиторов, тем больше трудностей он взваливал на плечи своего народа. Больше всего пострадал средний класс, который начал ощущать вкус хорошей жизни в период нефтяного бума... Для крестьян, живущих в изолированных деревнях, где мяса мало, а молоко достать невозможно, текущий кризис — дело привычное". Характерно, что, приводя высказывание мексиканского рабочего-текстильщика, который пытается содержать семью из 5 человек на 4 доллара в день: "Мы не можем покупать обувь или одежду", авторы статьи относят его при этом "к среднему классу"²³.

В мае 1986 г. в Мексике был закрыт как нерентабельный один из государственных металлургических заводов. Это решение было первым шагом в реализации вынужденной программы избавления страны от наиболее убыточных компаний, субсидируемых государством. Оно было принято президентом и правительством, чтобы удовлетворить требования МВФ о сокращении дефицита госбюджета в обмен на получение новых займов. В сложной ситуации, сложившейся в связи с кризисом задолженности, правящая Институционно-революционная партия (ИРП) вынуждена была отказаться от одного из своих важнейших принципов, которых она придерживалась в течение своего полувекового руководства страной. В соот-

ветствии с провозглашенной ею "революционной" доктриной правительство должно быть "ректором" национальной экономики, стимулируя деловую активность для повышения социального благосостояния, а связанные с ИРП профсоюзы являются одной из основных опор правительства. Таким образом, кризис, возникший не без "участия" США, способствует подрыву социальной базы стремящегося проводить самостоятельную политику мексиканского правительства, льет воду на мельницу вашингтонских неоглобалистов.

Еще один камень преткновения и одновременно действенный способ эксплуатации — проблема нелегальных мексиканских иммигрантов в США. Они могут быть судимы в федеральных судах и приговорены к 6 месяцам лишения свободы, уплате штрафа в 500 долл. и — самое страшное для них — к высылке из США. В этих условиях американские фермеры и сельскохозяйственные монополии получили возможность выжимать из мексиканских "мокрых спин" все соки, оплачивая их труд в 5 — 7 раз ниже, чем труд наемных работников — граждан США. Если в 1982 г. число мексиканцев, арестованных при нелегальном переходе границы, составило 750 тыс., то в 1985 г. — 1,2 млн²⁴.

Бесправное положение латиноамериканских народов порождает самые уродливые формы бизнеса на нищете и голоде. Латинская Америка стала не только поставщиком промышленной и сельскохозяйственной продукции, источником дешевых рабочих рук и баснословных прибылей на вложенные капиталы, она экспортирует еще и... детей. Подобное практиковалось и до 80-х годов, но тогда детей обычно выкрадывали или покупали у бедных и многочисленных семей для продажи богатым семьям с целью "усыновления". За каждого проданного ребенка посредники получали до 5 тыс. долл. Для такого бизнеса выбирались страны либо с невысоким уровнем жизни, либо те, где попиралось само право на жизнь.

Новая волна повышенного спроса на детей связана с успехами медицины, точнее — трансплантации ряда человеческих органов в США. Понадобились молодые здоровые доноры, и близкая Латинская Америка оказалась очень подходящим поставщиком. Скандал разгорелся в Сальвадоре, где общественной организации — Совету по делам малолетних удалось ценой огромных усилий собрать материалы о пропаже и продаже за границу около ста детей только за 1985 г. — малой части достаточно развитого и в целом безопасного бизнеса. Будет ли правительство страны, где за последние годы уничтожено порядка 10 тыс. противников диктатуры, заботиться о судьбе десятков детей (естественно, не из богатых семей), которых похитили, заманивая игрушками и сладостями или просто используя грубую силу, — вопрос чисто риторический.

Подводя итоги, следует отметить, что выводы американских исследователей о сущности диктаторских режимов

Центральной Америки в принципе точно определяют роль, отведенную и в других "демократических" латиноамериканских странах местным партнерам транснационального капитала: "Правительства... допустившие подобную задолженность промышленно развитым странам Запада, представляют не столько национальные интересы, сколько интересы представителей паразитического класса, экономической и военной элиты стран этого региона. Международные займы стали чем-то вроде "допинга" для антинародных правительств... которые готовы, игнорируя интересы народа, подавляя бедноту, превратить экономику своих стран в объект международной торговли и иностранных капиталовложений, чтобы получить средства, необходимые для погашения выплат по текущим долгам"²⁵.

Руководящие круги латиноамериканских стран играют в процессе подобного "разделения труда" по эксплуатации их народов подчиненную и зависимую роль. Петля противоречий и проблем, особенно "долговое лассо", надежно затянута вокруг шеи заемщиков. Запросы капитала безграничны, и ожидать, что финансисты и промышленники США поделятся частью доходов с Латинской Америкой, по меньшей мере наивно. Хотя иностранный капитал, предпочитая не привлекать излишнего внимания, идет "во второй шеренге", за спинами национальных правительств, военных, подставных фирм и филиалов, компрадорской местной буржуазии, его доля оказывается наибольшей. Ведь распределение сфер влияния и доходов осуществляется "по силе". И чтобы сохранить общие условия эксплуатации латиноамериканских стран, Соединенные Штаты широко используют неоглобализм с его огромным арсеналом форм и методов подчинения народов.

Развитие революционных процессов и реанимация "политики канонерок"

Комплекс экономических проблем, с которыми столкнулись в 80-е годы страны региона, сам по себе уже способствует углублению всей совокупности социальных противоречий, вплоть до возникновения острейших кризисных ситуаций. Основой для их развития служит та пропасть, которая существует между империалистическими державами и эксплуатируемыми странами, лишение последних надежд как правящих кругов, так и народных масс Латинской Америки на выход из кризиса вследствие превращения проблемы задолженности в постоянный рычаг давления и перекачки средств. С точки зрения Ф. Кастро, "Международный валютный фонд и сама система (ведь МВФ — инструмент системы) вызовут бунт стран третьего мира... Потом, в знак благодарности, мы, возможно, поставим памятник Международному валютному

фонду и, может быть, даже Рейгану, так как все это, вся эта политика способствует единению правительств, единению стран третьего мира, независимо от их идеологической направленности, с тем чтобы потребовать и добиться изменения в существующих отношениях”²⁶.

Ирония Ф. Касиро имеет под собой, как мы уже видели, достаточно серьезные основания. Деятельность МВФ, направленная на ”повышение конкурентоспособности” стран-должников, ликвидацию неэффективных звеньев и т. д., приводит к тому, что в условиях постоянных дефицитов платежных балансов и давления извне ”верхи” уже не могут править по-старому. Вместе с тем ”низы” в латиноамериканских странах, испытывая все тяготы эксплуатации со стороны западных монополий и их местных партнеров, все активнее выступают за изменение своего положения. Причем в качестве угнетаемых низов по отношению к империализму выступают уже целые государства, и латиноамериканская действительность за последние 10 лет на значительном числе примеров подтверждает тенденцию к возникновению в беднейших странах обстановки, которая по ряду признаков может быть охарактеризована как революционная ситуация.

Если рассмотреть положение в Никарагуа в конце 70-х годов, в Гренаде — в начале и на Гаити — в середине 80-х годов, то общим для них является резкое падение жизненного уровня населения в результате политики правительств, ориентированных на США. Их антинародная, более того — антинациональная направленность была столь ярко выражена, что отталкивала даже предпринимательские круги, которые не получали от правых диктатур ожидаемой поддержки и оказывались либо крайне уязвимыми перед экспансией транснационального капитала, либо не заинтересованными в расширении своей деятельности в условиях экономического хаоса. Да и сами правящие режимы уже не могли проводить сколько-нибудь сбалансированную политику и, остро ощущая ослабление своей социальной базы, стремились ”компенсировать” его ужесточением репрессий. Они оказались настолько изолированными в обществе, что при благоприятных условиях (к числу которых, как показывает практика, относится в первую очередь прекращение поддержки со стороны США) могли быть отстранены от власти. Когда в латиноамериканской стране с антинародным режимом ”верхи” уже не могут, а ”низы” не хотят жить по-старому, иногда достаточно бывает даже некоторого ослабления внимания ”северного патрона”, чтобы диктатура оказалась под угрозой. Тогда решающим фактором для успеха революционного процесса становится наличие сплоченной оппозиции, пусть даже не вооруженной научной теорией, но зато обладающей практикой борьбы.

Все эти факторы имели место в свое время на Кубе и в не столь далеком прошлом в Никарагуа и на Гренаде. Опыт

других латиноамериканских государств свидетельствует, что отсутствие одного из условий на определенном этапе препятствует развитию революционного процесса: на Гаити не было оппозиционной силы, готовой взять власть в свои руки после падения режима Дювалье, так же как сальвадорские противники диктатуры в начале десятилетия, когда поддержка Соединенных Штатов ослабевала, еще не имели достаточного уровня единства. В некоторых более развитых странах у "верхов" еще сохранились резервы для маневра, в частности, для того, чтобы снизить активность народных масс. В ряде случаев на помощь в критические моменты приходили Соединенные Штаты, которые, с одной стороны, стали с большей осторожностью увязывать поддержку своих союзников с борьбой за права человека, а с другой — пустили в ход весь арсенал средств неоглобализма против неугодных режимов.

Латиноамериканская действительность 80-х годов показывает, что в регионе "проходят обкатку" как старые, так и современные методы противодействия прогрессивным переменам. В соответствии с общей стратегией США в Латинской Америке в фокусе их интервенционистской политики оказалась Никарагуа, сбросившая режим Сомосы. Она была выбрана в качестве основного объекта для реализации доктрины "отбрасывания" коммунизма не случайно. В выступлении по национальному телевидению 16 марта 1986 г. Р. Рейган заявил о "растущей опасности в Центральной Америке, которая угрожает США. Эта опасность не исчезнет, она примет еще худшие масштабы, если мы не примем меры сейчас". Далее он сказал: "Используя Никарагуа в качестве базы, Советы и кубинцы могут стать доминирующей силой в решающем коридоре между Северной и Южной Америкой. Утвердясь там, они смогут угрожать Панамскому каналу, перерезать наши жизненно важные морские пути в Карибском море и в конце концов двинуться против Мексики"²⁷.

Подобное искажение фактов является одним из основных методов для оправдания интервенционистской политики как в отношении Никарагуа, так и в Центральной Америке в целом. Лидеры неоглобализма стремятся подвести идеологическую базу под милитаристский образ действий и сделать более действенной психологическую войну против революционных сил. Так, в официальном отчете, опубликованном госдепартаментом США 19 ноября 1985 г., утверждалось, что внутренняя и внешняя политика Сандинистского фронта национального освобождения, собственно, и является причиной напряженности между государствами Центральной Америки (так же как и основой конфликта в самой Никарагуа), и цель Соединенных Штатов состоит в том, чтобы способствовать изменению этой политики. Что конкретно имелось в виду под таким "изменением", ясно из перечня требований Вашингтона к никарагуанскому правительству: сокращение

излишней армии и сил безопасности, с тем чтобы было "восстановлено военное равновесие" в регионе; расторжение связей в военной сфере и в области обеспечения безопасности между Никарагуа, Советским Союзом и Кубой, а также отзыв из Никарагуа советских и кубинских военных специалистов и советников по вопросам безопасности; выполнение сандинистами требований в отношении политического плюрализма, прав человека, свободы выборов и создания смешанной экономики²⁸.

Добиться поставленных целей Вашингтон пытается путем военного давления, политических угроз, идеологической клеветы и экономической войны против страны Сандино. Вмешательство в Никарагуа осуществляется по двум направлениям: США пытаются дестабилизировать положение посредством поддержки действующих в Никарагуа контрреволюционных сил, а также наращивая давление извне. В частности, США интенсифицировали усилия по созданию под своим руководством фронта реакционных центральноамериканских государств для оказания военного нажима на прогрессивные правительства. С этой целью в октябре 1982 г. в Карибском бассейне был основан проимпериалистический военный блок, а в октябре 1983 г. по итогам встречи министров обороны государств-участников с главнокомандующим Южной группы американских войск реанимирован Центральноамериканский совет обороны.

Особое значение "традиционно" придается посылке военных кораблей к берегам какого-либо государства. Массированные демарши в Карибском море должны продемонстрировать мощь США и запугать народ Никарагуа. Расширены критерии "нормального" присутствия здесь американских военных кораблей: за первую половину 80-х годов их число возросло втрое, а частота маневров удвоилась. В непосредственной близости от побережья Никарагуа и Сальвадора стал постоянно действовать корабль электронной разведки. При участии американских военных в нарушение международного права были заминированы никарагуанские порты, торпедные катера совершили налет на станции энергоснабжения, вертолеты совершали облеты никарагуанской территории в разведывательных целях.

Вместе с тем, учитывая опасения широких кругов американской общественности, что эскалация вмешательства в Центральной Америке приведет к появлению "второго Вьетнама", Р. Рейган был вынужден маневрировать. В одном из интервью на вопрос о возможности военной интервенции США в Никарагуа он ответил: "Все разговоры о том, что я вынашиваю планы отправить в Никарагуа войска, беспочвенны. Это означало бы потерять всех друзей в Латинской Америке. Они хотят, чтобы мы помогли "контрас", но не войскам. Единственное, что я высказал, — это предупреждение, что

если позволить сандинистской группе укрепить свои позиции, то они распространят революцию на другие страны”²⁹.

Как отмечал журнал “Тайм”, администрация требует, чтобы конгресс продолжал оказывать “контрас” помощь ввиду отсутствия лучшей стратегии для сдерживания сандинистов. “Путем поддержки никарагуанского мятежа, — подчеркивал госсекретарь Шульц, — мы можем избежать необходимости прямого военного вмешательства США в будущем”³⁰. Цель таких предупреждений — поставить американцев перед надуманным выбором: либо поддерживать “контрас” сейчас, либо оплачивать войну, но уже кровью своих парней, впоследствии.

Для ведения предусмотренной в стратегии неоглобализма “войны малой интенсивности” Соединенные Штаты мобилизовали все возможности действий против Никарагуа в обход своих же законов. Особенно активную деятельность развернуло ЦРУ — от полного снабжения “контрас” самым современным оружием, радиопередатчиками, пластиковой взрывчаткой до передачи им сведений о наиболее важных для народного хозяйства Никарагуа объектах. Не решаясь вступить в открытый бой с сандинистской армией, бандиты предпочитают разрушать инфраструктуру страны. Поскольку при Сомосе в ее создании принимал участие американский армейский корпус, в Вашингтоне имеются технические схемы и карты местонахождения важнейших объектов, которые используются ЦРУ для указания “контрас” наиболее “эффективных” целей для диверсий — взрывов электростанций, мостов, линий электропередачи и т.п. Весь этот набор средств и методов, используемых ЦРУ против Никарагуа, не нов, поскольку широко применялся в свое время на Кубе.

Американские специалисты проводят массовые обучения контрреволюционеров. После того как правительства Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики не поддались натиску Вашингтона и заявили о несогласии предоставлять территории своих стран для специализированного американского центра, открыто занимающегося подготовкой “контрас”, в Белом доме стали всерьез обсуждать вопрос об его организации на территории США. Конечно, речь не шла о значительных разногласиях с союзниками, проамериканская позиция правительств названных государств в общем не вызывала сомнений. В том же Гондурасе ведется крупномасштабная подготовка антисандинистских формирований, что, однако, категорически отрицает правительство, которое стремится до поры до времени не обострять отношения с Никарагуа. Кроме того, оно сохраняет корыстную заинтересованность в контроле над американской помощью “контрас”, значительная часть которой оседает в карманах гондурасских военных. Поэтому власти страны предоставили в распоряжение “контрас” деревни Сифузтес, Капира, Ареналес и другие в департаменте Эль-

Парайсо, изгнав оттуда местных крестьян, занимавшихся выращиванием кофе. Никарагуанские контрреволюционеры, обосновавшиеся в этом цветущем уголке страны ("Эль-Парайсо" в переводе с испанского — "рай"), назвали его "Новой Никарагуа" и в благодарность американским покровителям нарекли деревни, получившие статус городов, их именами: Рейган, Кейси, Киркпатрик.

Стратеги из США разработали для своих подопечных никарагуанский вариант доктрины "двух Вьетнамов", рекомендуя захватить часть территорий, чтобы объявить о создании "независимого" правительства и потребовать неприкрытой поддержки от Соединенных Штатов и соседних центральноамериканских режимов. Учитывая историю поражения подразделений, действующих с территории Гондураса и Коста-Рики, авторы появившегося в 1987 г. в США доклада "Как победить в Никарагуа" прямо рекомендовали перенести упор на подрывные действия на востоке страны. Здесь, в примыкающих к атлантическому побережью районах, основное население составляют индейцы племен мискито, сумос и рамос с традиционно негативным отношением к центральному правительству. На отсталости этих племен, а также сепаратистских настроениях их руководства и собирались сыграть враги народной Никарагуа, рассматривая возможность захвата плацдарма на атлантическом побережье под защитой артиллерии и авиации военно-морских сил США.

Однако для прямого американского вмешательства, фактически для объявления войны есть два препятствия, образующие, так сказать, порочные замкнутые круги, в которых вращаются все антиникарагуанские планы. Открыто действовать против страны, с которой поддерживаются дипломатические отношения, можно только при уверенности, что неизбежный в этом случае разрыв отношений будет иметь весомые предлоги для оправдания. Наиболее убедительным было бы реальное подтверждение пропагандируемой американской администрацией идеи о "непопулярности сандинистского режима". Создание же "альтернативного" правительства на захваченной территории при нынешнем соотношении сил невозможно без резкого увеличения прямой и косвенной американской поддержки. К тому же в условиях разброда в стане "контрас" и неэффективности их попыток обосноваться в Никарагуа конгресс США, контролируемый демократами, с конца 1986 г. занял в целом отрицательную позицию в отношении планов республиканской администрации в Центральной Америке.

Между тем явно с ведома и благословения официального Вашингтона предпринимаются все новые враждебные народу и законному правительству Никарагуа акции. Особую известность получило участие ряда должностных лиц в продаже американского оружия Ирану и передаче вырученных денег для

помощи "контрас" — действия, совершенные в обход законов и без санкции конгресса США. Эта история, в которой оказались замешаны и были вынуждены затем оправдывать свои неприглядные действия теоретики и практики неоглобализма, снова обнажила его агрессивную подоплеку.

Милитаристский образ действий, политические и идеологические диверсии в рамках исследуемой доктрины логично сочетаются с экономическим давлением. США используют торговое эмбарго и стремятся — правда, зачастую безрезультатно — вынудить своих союзников к мерам бойкота против государств антиимпериалистической ориентации. По замыслу неоглобалистов это должно затормозить их экономическое развитие, ухудшить условия жизни населения, что в свою очередь можно было бы использовать для подстрекательства его определенных слоев к мятежу против прогрессивных режимов. Экономическое давление рассматривается и как инструмент внутривнутриполитической дестабилизации, и как средство опорочить перед другими странами "третьего мира" положительный опыт тех народов, которые освобождаются от тисков империалистической эксплуатации.

Наиболее яркой иллюстрацией практикуемого Соединенными Штатами давления на развивающиеся страны является экономическое эмбарго против Никарагуа. Уже в январе 1981 г., сразу после прихода к власти, президент Рейган прекратил выполнение экономической программы в отношении Никарагуа, включавшей поставки продовольственных товаров, а немного позже США блокировали предоставление ей кредитов в Межамериканском банке развития. В мае 1983 г. была сокращена на 90% импортная квота на сахар из Никарагуа. Двумя годами позже было принято решение установить тотальное торговое эмбарго с закрытием всех аэро- и морских портов США для никарагуанских самолетов и судов.

В мае 1985 г. началось претворение в жизнь президентской Декларации о чрезвычайном положении, в соответствии с которой запрещались вывоз американских товаров в Никарагуа и импорт из нее, а также прямое морское и воздушное сообщения. Зависимость страны от экономических связей с США сохранилась и в 80-е годы, и действия Белого дома, конечно, крайне негативно сказались на никарагуанской экономике. В конце 1985 г. один из ведущих вашингтонских журналов, оценивая последствия этой экономической войны, пришел к выводу, что грозящий крах экономики Никарагуа представляет для правительства бóльшую опасность, чем поддерживаемые США мятежники-контрас³¹.

США и их союзники стремятся использовать "опыт" действий в Центральной Америке и в других частях региона. Объектом прямой агрессии в 1986 г. стал Суринам, правительство которого стремилось проводить независимую политику. Наемные бандиты на его территории действовали по тому же

сценарию, что и в Никарагуа, разрушая хозяйственные объекты и терроризируя население. Наемникам — бывшим английским десантникам — было обещано по 6 тыс. долл. за свержение правительства Д. Боутерсе.

Правительство США усилило попытки изолировать Кубу, используя все методы давления, кроме военных. Среди прочего оно ввело санкции против фирм третьих стран, которые импортируют кубинский никель и используют его в качестве составной части продукции, экспортируемой в США; вновь ввело запрет на туристические поездки американских граждан на Кубу; запретило поездки кубинских учащихся в США; стремилось дискредитировать Кубу перед правительствами и банками, удерживая кубинские долговые обязательства.

Однако то, что не решались сделать с Кубой и Никарагуа, удалось с Гренадой. "...Администрация утверждала, что вторжение на Гренаду было оправдано, поскольку остров превратился в кубино-советский бастион, который угрожал безопасности своих соседей, что в точности повторяло обвинение против Никарагуа, выдвигаемое американской администрацией"³². Отвергая пропагандистские выпады официального Вашингтона, Ф. Кастро логично указывал на абсурдность выдвигаемых обвинений: "Безопасность США никогда не была и не будет под угрозой, ибо я просто не вижу, каким образом могли бы наши страны угрожать безопасности США. Ведь это — ложь и выдумки... Ни одна латиноамериканская страна никогда не вторгалась в Соединенные Штаты. Ни Мексика, ни центральноамериканские страны, ни страны Карибского бассейна никогда не нападали на США. Таково реальное положение дел"³³.

Невольно раскрывая агрессивную сущность и преемственность политики Вашингтона в отношении Латинской Америки, известные своей близостью к консервативным кругам журналисты Р. Эванс и Р. Новак писали: "Кризис в отношениях с Москвой в рамках столь давней и привычной доктрины Монро может помочь президенту и его администрации восстановить свои позиции. Повторение успешной военно-дипломатической демонстрации силы, использованной Кеннеди почти 25 лет назад, может правильно сориентировать мир в отношении американской политики"³⁴. Такой подход наглядно отражает характерные для неоглобалистов стиль мышления, неспособность делать выводы из ошибок, стремление подтолкнуть администрацию США к наиболее жесткой позиции, использовать весь исторический хлам обанкротившихся теорий для оправдания их современной агрессивной политики.

Ее оценка, данная М. С. Горбачевым в выступлении во Владивостоке 28 июля 1986 г.: "Везде, где независимость становится заметной международной величиной и где возникает угроза эксплуататорским интересам империализма, он пускает в ход свои излюбленные средства: экономический шантаж,

интриги и заговоры против руководства страны, вмешивается во внутренние проблемы, поддерживает сепаратистов, финансирует, а то и прямо вооружает контрреволюцию и террористов”³⁵ – подтверждается всей практикой империализма США в Латинской Америке.

Укрепление единства как основа противостояния внешнему диктату

В борьбе против американского неоглобализма перед странами региона неизбежно встает вопрос о необходимости единства действий. При этом на первый план все больше выдвигаются общие проблемы борьбы с экономическими трудностями, порождаемыми империалистической эксплуатацией. Процесс формирования латиноамериканского единства длителен и сложен, он постоянно тормозится противодействием США. Но постепенно – по мере обострения проблемы задолженности, поскольку она как в фокусе сконцентрировала в себе весь комплекс противоречий, – в этот процесс с неизбежностью включаются все новые страны, все большие силы. Сама жизнь заставила должников прийти к выводу о необходимости координации своих действий. Представители латиноамериканских государств, собравшиеся впервые в Картахене, в дальнейшем стали приезжать на такие встречи со все более радикальными предложениями. Особенно боевитой оказалась встреча 1985 г. на Кубе, где всеобщее внимание привлекло выступление молодого президента Перу А. Гарсиа Переса, объявившего об ограничении выплат по долгам суммой, эквивалентной 10% экспортных доходов страны. В результате кредиторы только за первый год “недополучили” около 3,2 млрд долл. Если учесть, что в предыдущем, 1984 г. Латинская Америка в целом рассталась с 40% своих доходов от экспорта (41,4 млрд долл.), то такая экономия на выплатах по ее задолженности могла бы покрыть совокупный дефицит платежного баланса³⁶.

“Группа 77”, объединяющая ныне около 130 развивающихся государств, 20 ноября 1985 г. обнародовала свои предложения по проблеме внешнего долга. Разработать проект резолюции для Генеральной Ассамблеи ООН было поручено Перу. Хотя ее президентом уже был решительный, по-боевому настроенный А. Гарсиа Перес, проект содержал в основном абстрактные положения о необходимости политического диалога между кредиторами, должниками и международными финансовыми организациями для достижения “реального, справедливого и долгосрочного решения проблемы долга”³⁷. При этом стороны должны “разделить ответственность” на основе таких принципов, как справедливость в распределении издержек, неизбежных при решении проблемы, лучшие условия

платежа и более низкие ставки процента, облегчение доступа на рынки, установление справедливых цен на сырье с учетом роста затрат на покупку машин и оборудования. Конечно, даже на первый взгляд этот список требований выглядит реформистским, взывает скорее к абстрактному (и потому не существующему в капиталистической деловой практике) чувству справедливости. Но даже такие попытки имеют очень важное значение как определенная ступень на пути к объединению усилий в борьбе с наглым диктатом.

К этому времени латиноамериканские государства уже выступали со схожих позиций относительно политики США и МВФ, в первую очередь по проблеме внешнего долга. Так, президент Бразилии, которая к середине 1985 г. почувствовала всю тяжесть долгового бремени, в обращении к народу по радио и телевидению заявил, что правительство будет защищать национальный суверенитет в переговорах с США и МВФ, и призвал к установлению нового международного экономического порядка. Президенты Аргентины и Доминиканской Республики Р. Альфонсин и С. Хорхе Бланко в совместном заявлении подчеркнули необходимость усиления объединительных тенденций в Латинской Америке, чтобы достойно сопротивляться давлению внешних финансовых кругов. А Генеральный секретарь Народной прогрессивной партии Гайаны Ч. Джаган расценил внешнюю задолженность региона как первопричину всех его современных трудностей, хотя существуют и специфические проблемы у каждой отдельной страны. Особым "сюрпризом" для американской администрации была критика со стороны Генерального секретаря Карибского сообщества Р. Рейнфорда, который призывал к единству действий должников и обосновывал их право прекратить выплаты и основной части долга, и процентов.

Иная ситуация складывалась в ЭКЛА. Здесь большинство голосов имеют латиноамериканские страны, но нежелание ссориться с США проявляется достаточно наглядно, и принимаемые решения отличаются двойственностью и осторожностью. В 1983 г., когда маятник внешней задолженности уже раскачивался со всевозрастающей амплитудой, ЭКЛА предлагала в качестве одного из механизмов для экономического возрождения региона распределить ("по справедливости", вероятно) груз внешнего долга между должниками и кредиторами.

Через два месяца после сессии Латиноамериканского парламента по проблемам внешнего долга (октябрь 1985 г.) опять же в Монтевидео состоялось совещание министров иностранных дел, экономики и финансов стран Картахенской группы, которая объединяет 11 крупнейших стран-должников. Здесь впервые была выработана общая платформа по отношению к кредиторам и создан комитет для подготовки к переговорам с ними. В его состав вошли представители

ведущих стран Латинской Америки — Бразилии, Мексики, Аргентины, Венесуэлы и Колумбии.

Возможность возникновения подобной ситуации интуитивно предсказал Ф. М. Достоевский, который вложил в уста одного из своих героев идею о взаимосвязи бунта стран-должников с социальным преобразованием мира: "Просто-напросто все государства, несмотря на все балансы в бюджетах и на "отсутствие дефицитов", в одно прекрасное утро запутаются окончательно и все до одного пожелают не заплатить, чтобы всем до единого обновиться во всеобщем банкротстве. Между тем весь консервативный элемент всего мира сему воспротивится, ибо он-то и будет акционером и кредитором, и банкротства допустить не захочет..."³⁸

Столкнувшись с сопротивлением "консервативного элемента" в международной валютно-финансовой сфере, латиноамериканские страны выдвинули во второй половине 80-х годов немало интеграционных идей и проектов. Так, оказавшись в состоянии конфликта с международными финансовыми организациями, правительство Перу выступило с инициативой организации в противовес им собственного валютного фонда стран региона. Председатель Латиноамериканского парламента Луис Леон предложил создать Центральный латиноамериканский банк, который координировал бы действия стран региона в финансовой сфере и опирался бы на Латиноамериканскую экономическую систему. Генеральный директор ЮНЕСКО на специальной сессии сената Боливии предложил отчислять одну сотую от процентных платежей, которые получают развитые капиталистические страны по долгу, на образование и просвещение. Вице-президент страны поддержал это предложение и заявил о твердой позиции Боливии в отношении любых проявлений культурного колониализма. Аналогичную позицию заняли руководители других латиноамериканских стран. Администрация же США как бы не заметила этого проекта. Достаточно характерна реакция различных стран на решение Бразилии приостановить выплату процентов по своему внешнему долгу в феврале 1987 г., которое не получило однозначной поддержки всех латиноамериканских государств. С одной стороны, полную солидарность с этим вызвавшим недовольство США решением выразил, например, прежде верный американский союзник — Парагвай, поскольку он все более подпадает под политическое влияние растущего соседа, который активно внедряется в парагвайскую экономику. Причем министр иностранных дел Парагвая прямо указал, что 10% всех средств, полученных в виде иностранных займов, Бразилия потратила на совместную с ним стройку — знаменитую гидроэлектростанцию "Итайпу". С другой стороны, высокую принципиальную оценку решению правительства Бразилии дал Ф. Кастро, подчеркнув, что оно свидетельствует об изменении позиции Латинской Америки

в целом по сравнению с 60—70-ми годами, а также о все более глубоком понимании основных закономерностей и процессов, которое пробивает себе дорогу в регионе. С точки зрения кубинского лидера, успех борьбы за решение жизненно важных для Латинской Америки проблем зависит в первую очередь от способности сохранять единство в отношении практики Вашингтона. Его попыткам внести раскол в ряды латиноамериканских стран, неоднократно отмечал Ф. Кастро, необходимо противопоставить их общую позицию, несмотря на различие подходов к экономическим и политическим проблемам.

Естественно, совсем иной была реакция на действия Бразилии со стороны США. Их печать всячески муссировала сведения, что Ж. Сарней якобы оказывается в политической изоляции в своей стране. Один американский экономист высказал такое мнение: "Растет политический вакуум. Нет уверенности, что Сарней продержится более шести месяцев у власти". Сообщая об этом, рупор финансового капитала журнал "Бизнес уик" отметил, что МВФ "рекомендует бразильскому правительству "охладить" экономику"³⁹.

Мексиканское руководство заявило о необходимости продолжать выплаты по долгу. Помимо прямого давления США здесь, несомненно, сказался тот факт, что Мексика попала в сферу действия "плана Бейкера", и МБРР частично гарантировал предоставленные ей частными кредиторами займы, в то время как внутренние возможности, которыми располагало мексиканское руководство, чтобы отодвинуть наступление финансового кризиса, практически были исчерпаны уже к началу 1987 г. Вместе с тем присоединение страны к общему фронту должников неизбежно, поскольку расплачиваться в крупных масштабах национальным достоянием означало бы подорвать позиции правящей Институционно-революционной партии.

На заседании Координационного бюро неприсоединившихся стран в марте 1987 г. в Джорджтауне (Гайана) его участники осудили новые протекционистские меры США, в частности введение квот на импорт сахара из стран Латинской Америки и Карибского бассейна, а также стремление Вашингтона использовать тяжелое экономическое положение развивающихся государств для достижения своих политических целей. Члены Координационного бюро высказались за решение проблемы внешней задолженности Латинской Америки путем политического диалога между должниками и кредиторами. В нем участвовали бы международные финансовые организации, но они не должны оказывать давление на должников при принятии решений по экономическим и валютно-финансовым вопросам.

В борьбу против диктата США в капиталистическом мире все активнее включаются силы, которые ранее занимались

в основном своими специфическими проблемами. Так, Конференция молодежных организаций стран Латинской Америки и Карибского бассейна в апреле 1987 г. в Гаване поддержала призыв молодежного движения Бразилии развернуть международную кампанию поддержки решения прекратить выплаты процентов по долгу. Представители 74 организаций из 33 стран выступили за то, чтобы их правительства приняли аналогичные меры. Они высказались за единство действий в подходе к проблемам задолженности, в борьбе за новый экономический порядок, против гонки вооружений и вмешательства США в латиноамериканские дела, особенно в Центральной Америке⁴⁰. Сбывается предсказание Ф. Кастро: "Экономический кризис и внешний долг — вот что сплотит страны Латинской Америки, причем сплотит в значительно большей степени, чем это сделала война за Мальвинские острова"⁴¹.

Международная солидарность против объединенного фронта реакции

Развития и укрепления связей только между странами Латинской Америки явно недостаточно, чтобы противостоять диктату США. Без интернациональной солидарности и международной поддержки развитие демократических и революционных процессов в регионе невозможно.

Многочисленные предупреждения о подготовке США к развязыванию открытой агрессии против Никарагуа систематически появлялись в органах массовой информации и выступлениях общественных деятелей различных стран с 1982 г. Хотя ни одно из них, к счастью, не оправдалось, их появление было необходимым. Интервенцию нелегко предотвратить, но тревога, поднятая по поводу антисандинистских планов администрации США, несомненно, сыграла свою роль. И по сей день одним из важнейших факторов остается единство большинства стран региона в борьбе против внешнего вмешательства в дела Центральной Америки. Деятельность Контадорской группы и группы ее поддержки, единый фронт крупнейших латиноамериканских стран в международных организациях представляют мощный отрезвляющий фактор для американских ставленников в соседних с Никарагуа государствах, он охлаждает горячие головы и в самих США, где опасаются оказаться перед единым фронтом стран Латинской Америки.

Немалую роль играют и различные акции международной солидарности с Никарагуа, в частности движение добровольцев, которые хотели бы своими личными усилиями чем-то помочь борьбе народа этой многострадальной страны. Передовые силы Латинской Америки, особенно молодежь, посылая

такие отряды, организуя сбор средств, акции протеста, создают определенный общественный климат, тревожный настрой относительно положения в Никарагуа.

К всеобщему возмущению в мире минированием никарагуанских портов присоединились лидеры социалистических и социал-демократических партий, в первую очередь руководители западноевропейских и латиноамериканских стран. Испанский премьер-министр Ф. Гонсалес на пресс-конференции в апреле 1984 г. отметил, что Социнтерн сыграл большую роль в создании Контадорской группы и организации европейской поддержки этой группы. "В настоящий момент порты Никарагуа минированы,— сказал он,— но что бы произошло, если бы Контадора не выдвинула свой альтернативный мирный план?" Гонсалес подчеркнул, что в "значительной степени европейская кредитная политика в отношении Центральной Америки обусловлена активными действиями Социалистического интернационала"⁴². Многие европейские страны в вопросе о Никарагуа заняли позицию, прямо противоположную американской. Так, Финляндия на 1985—1987 гг. выделила около 84 млн марок на строительство дорог, больниц, небольших предприятий. Ежегодная помощь Норвегии составила 60 млн крон, Швеции — 90 млн крон. Социалисты и коммунисты внесли в Европейский парламент резолюцию о возмещении Никарагуа ущерба от американского эмбарго, и она получила почти половину голосов, а из выступивших во время дебатов только один поддержал идею эмбарго.

Развивается и движение солидарности в самих США. К 1987 г. там было уже 38 городов — побратимов никарагуанских населенных пунктов: только за 1986 г. в Никарагуа побывало около 40 тыс. граждан США, добравшихся сюда окольными путями вопреки президентскому запрету. Едут они не отдыхать и развлекаться, а работать, в меру сил искупая вину своего правительства перед народом Никарагуа. Гневный отклик вызвало в Соединенных Штатах известие о гибели от рук "контрас" 28-летнего американского инженера Бенджамина Линдера, грудившегося в Никарагуа на строительстве гидроэлектростанции.

Конечно, правительство США не упускает возможности прекратить или хотя бы ослабить поддержку Латинской Америки со стороны других государств, а также демократических сил всего мира. Не без его нажима существенно изменился подход Франции, которая в 1984 г. выступала за увеличение финансовой помощи Никарагуа и участие в разминировании ее портов.

Соединенным Штатам удалось добиться некоторых "успехов" в этом направлении и в Латинской Америке. Так, для Мексики непосредственное соседство с США создает серьезные проблемы и в отношениях с социалистическими странами, и в достижении единой с ними позиции по ряду между-

народных проблем. Руководство Институционно-революционной партии, активно отстаивающее принципы самоопределения, противодействия внешнему давлению и экспансии, вынуждено в некоторых случаях, касающихся оказания помощи национально-освободительным движениям, придерживаться абстрактной поддержки принципа невмешательства во внутренние дела других государств. Подобный подход не случаен. Имея открытую протяженную границу с США, которые в прошлом веке силой оторвали у Мексики около $\frac{2}{3}$ ее территории, и массу проблем с северным соседом, руководство страны не располагает зачастую иной возможностью бороться против неоглобализма США, кроме как абсолютизируя некоторые принципы международных отношений. В американской печати, в конгрессе США и так слишком часто выражается недовольство независимой политикой Мехико, раздаются слегка завуалированные угрозы, намеки на "излишнюю радикальность" его позиции по ряду международных проблем. Этот комплекс факторов во многом и определяет подход Мексики к межамериканским отношениям, в частности к отношениям с руководством Никарагуа. Так, в августе 1986 г. журнал "Тайм" с удовлетворением констатировал, что, если "не так давно Мексика обеспечивала потребности Никарагуа в нефти на 75%, сейчас... подчиняясь давлению США, отказалась продолжать поставки"⁴³.

Четкую классовую позицию по вопросу единства Латинской Америки со всеми прогрессивными силами мира занимает Куба, роль которой определяется не только ее участием в Движении неприсоединения, но и тем, что ей сейчас открыты возможности для включения в процесс латиноамериканской интеграции. Конечно, немалое противодействие этому со стороны ряда стран региона в прошлом было обусловлено не только давлением с Севера, но в значительной степени и общей классовой антинародной направленностью политики их правящих кругов. В рамках интеграционных союзов, инициатором создания которых выступала прежде всего крупная промышленная и торгово-финансовая латиноамериканская буржуазия, развиваются и усиливаются взаимные хозяйственные контакты и связи, объективно создавая основу для совместного наступления на интересы рабочего класса. Вместе с тем развитие процесса интеграции, сопровождающееся ростом концентрации производства и капитала, миграция рабочей силы в континентальном масштабе создают новые предпосылки для совместных выступлений рабочих латиноамериканских стран, координации их действий с трудящимися всего мира. "Капитал, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их"⁴⁴. Это положение становится особенно актуальным в Латинской Америке в условиях противоборства с неоглобалистской стратегией США.

В настоящее время Куба делает основной упор на развитие двусторонних экономических связей со странами региона, в первую очередь с теми, где у власти находятся прогрессивные правительства. Одновременно уделяется внимание и производственному кооперированию в отдельных отраслях на двусторонней и многосторонней основе в рамках государственного сектора этих стран. Использование преимуществ разделения труда может дать существенный эффект и при торговых операциях.

Предпринимаются первые шаги к специализации производства и эффективной кооперации между отраслями кубинской экономики и государственным сектором хозяйства других латиноамериканских стран. Куба оказывает техническое содействие в развитии промышленного рыболовства Гайане и Перу, сотрудничает с Мексикой и Перу в создании кормовой базы и повышении продуктивности тропического животноводства. Перспективной сферой сотрудничества является и производство сахара: Мексика, Перу и те страны Карибского общего рынка, что в меньшей степени поддались давлению США, проявляют определенный интерес к опыту реконструкции кубинских сахарных заводов и механизации уборки сахарного тростника. Имеются объективные предпосылки к налаживанию производственной кооперации между Кубой и Мексикой в выпуске оборудования для сахарной промышленности.

Конечно, США стараются не допустить налаживания экономических отношений между Кубой и ее соседями, особенно в нефтяном хозяйстве и кредитной сфере, а также нейтрализовать политическое влияние Кубы в латиноамериканской системе. С середины 70-х годов США весьма обеспокоены стремлением некоторых латиноамериканских стран установить отношения непосредственно с Советом Экономической Взаимопомощи, оформив их соответствующим образом. Начало положила Мексика, которая в августе 1975 г. подписала с СЭВ Соглашение об экономическом сотрудничестве, направления которого отражают взаимные интересы сторон: черная металлургия, энергетика, горнодобывающая, целлюлозно-бумажная, рыбная промышленность, сельское хозяйство и др. Стремление к расширению контактов с СЭВ, в том числе и по мексиканскому образцу, проявили и другие латиноамериканские страны, причем в условиях необходимости поиска новых рынков интерес этот в 80-е годы существенно возрос.

Особое значение приобретает проблема развития торговли машинами, оборудованием и новейшими техническими достижениями на условиях, которые отвечали бы интересам латиноамериканских государств. Экономическое сотрудничество стран Латинской Америки с СССР и предоставление им кредитов для закупки советских машин и оборудования имеют уже почти 30-летнюю историю. В 60-е и 70-е годы соглашения об

экономическом сотрудничестве и предоставлении кредитов (на 8—10 лет, при льготной процентной ставке) на закупку нашей техники были заключены с Перу, Бразилией, Боливией, Аргентиной и другими странами региона. Советский Союз принимал или принимает участие в таких крупных стройках Латинской Америки, как ТЭС "СЕГБА-7", "Сан-Николас" и "Лухан де Куйо", ГЭС "Сальто-Гранде" в Аргентине, "Капивара", "Собрадиньо" в Бразилии, гидроэнергетический комплекс "Ольмос" в Перу, рыбопромышленные комплексы в Аргентине и Перу, и в ряде других.

Важным фактором развития торгово-экономических связей со странами Латинской Америки может стать усиление координации, кооперации и использования новых форм сотрудничества между самими странами—членами СЭВ. С этой целью страны СЭВ создали в Международном инвестиционном банке "Специальный фонд кредитования мероприятий по оказанию экономического и технического содействия развивающимся странам" в сумме 1 млрд переводных рублей, фонд "Стипендии" для оказания помощи им в подготовке национальных кадров в высших учебных заведениях стран—членов СЭВ. Данная форма помощи лишает США монополии на подготовку кадров и связанных с этим выгод. Газета "Вашингтон пост" отмечала: "Должностные лица администрации Рейгана обнаружили новый повод для тревоги в Центральной Америке: молодые люди из беднейших слоев населения во все большей степени обращаются к Советскому Союзу за получением высшего образования..."⁴⁵

Развитие связей с социалистическими государствами приносит значительные прямые и косвенные выгоды странам Латинской Америки. Оно облегчает им борьбу за свою экономическую и политическую независимость, заставляет империалистические державы смягчать в какой-то мере условия кредитов, предоставлять больше необходимого оборудования, ослаблять экономический и политический нажим. Небезынтересно, что Аргентина, например, в 80-е годы дважды прибегала к резкому расширению экономического сотрудничества с социалистическими странами, продав им большое количество зерна после Фолклендского кризиса и заключив ряд договоров по рыболовству, когда Англия ввела 200-мильную охраняемую зону вокруг Мальвин.

Немалую позитивную роль сыграли состоявшиеся на протяжении 80-х годов визиты советских руководителей в страны Латинской Америки и официальных правительственных делегаций из латиноамериканских государств, в первую очередь из тех, где ранее правили антинародные военные режимы (Аргентина, Бразилия, Уругвай),— в СССР. "Добрая воля следовала за советскими должностными лицами в Латинской Америке",— вынуждены признать и американские исследователи. Они отмечают высокую эффективность советской внеш-

ней политики, ее привлекательность для стран региона, совпадение по ряду важных вопросов при голосовании в международных организациях⁴⁶.

Вероятно, тенденции, наметившиеся в экономических и политических отношениях СССР со странами Латинской Америки в последние 10—15 лет, будут действовать и в дальнейшем. Усиливающиеся антиамериканские настроения в регионе как выражение протеста против засилья монополий США в их экономике, углубление противоречий с империализмом США по ряду важных внешнеэкономических проблем будут неизбежно стимулировать латиноамериканские страны на пути установления и расширения торгово-экономических связей с СССР.

Все это, естественно, вызывает раздражение Вашингтона, и его правительственные и пропагандистские органы предпринимают усилия, чтобы дискредитировать экономическую помощь СССР латиноамериканским и другим развивающимся странам, особенно в отношении ее объема и условий. А в 80-е годы со стороны средств массовой информации и администрации США посыпались обвинения в том, что "советская экспансия" в Центральную Америку осуществляется и по финансово-кредитной линии — имелась в виду помощь Никарагуа. Однако ее предназначение коренным образом отличается от кредитов США, предоставленных центральноамериканским странам. Как сообщил в январе 1987 г. генеральный секретарь Никарагуанской ассоциации дружбы с социалистическими странами, с их стороны республике была предоставлена дополнительная помощь в виде денежных средств, технических услуг и товаров в целом на 260 млн долл. (Большая значимость этой суммы становится очевидной, если учесть, что бюджет Никарагуа на 1987 г. предусматривал внешнеторговый дефицит в размере 600 млн долл.) Он заявил также, что поддержка со стороны Кубы, Советского Союза, других социалистических государств необходима для выживания революции⁴⁷.

США применяют и такой метод противодействия торгово-экономическому сотрудничеству социалистических стран с Латинской Америкой, как инспирирование кампаний запугивания латиноамериканских фирм, контактирующих с СССР, и ассоциаций, содействующих торговле. Периодически практикуются анонимная рассылка по почте фирмам, закупающим товары в СССР, различного рода антисоветских материалов с угрозами, полицейские налеты, ставятся препоны деятельности торговых палат, способствующих расширению взаимных связей.

Развитие политических контактов СССР со странами Южной и Центральной Америки не могло не вызвать также соответствующей идеологической, а точнее, пропагандистской реакции со стороны США. Среди многочисленных публика-

ций, "разоблачающих" "подрывную деятельность русских" в регионе, особенно примечательна статья "Игра Москвы в третьем мире", опубликованная в журнале "Ньюсуик". С точки зрения ее авторов — американских "специалистов" по внешней политике Советского Союза (один из них — Д. Сьюард, корреспондент "Ньюсуик" в Москве), ожидать от СССР действенной помощи народам, борющимся против неоглобализма США, не приходится, так как "в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке Советы заигрывают с богатыми развивающимися странами, которыми Кремль некогда пренебрегал, считая их безнадежно обуржуазившимися, ищут страны, где они могли бы опереться на скрытый антиамериканизм..."⁴⁸. В этой аргументации, которую пытаются внушить развивающимся государствам, с первого же взгляда бросаются в глаза логические противоречия. Ведь в "богатых" странах не так уж часто у власти находятся действительно прогрессивные правительства, а еще реже — "ориентирующиеся" на Советский Союз и последовательно выступающие против американского гегемонизма. Беднейшие страны, испытывающие на себе двойной гнет — со стороны местной и зарубежной, чаще всего американской, олигархии, не имеющие средств для подкармливания средних слоев и подачек "низам", — вот главная арена борьбы против иноземного засилья.

Появление подобных публикаций свидетельствует об осознании частью правящих кругов США того факта, что политика неоглобализма, жесткий подход к Латинской Америке в условиях явственно обозначившегося краха "стратегии развития" оборачиваются усилением антиамериканизма, стремлением максимально уменьшить зависимость от США.

* * *

Пример Латинской Америки наглядно подтверждает вывод Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии о том, что путем характерных для неоглобализма методов прямого и косвенного воздействия на политику освободившихся от колониальной зависимости государств империализм сумел не только спасти сложившиеся ранее отношения экономической зависимости, но и создать на этой базе самую изощренную систему неоколониалистской эксплуатации. Ведущую роль в этой системе играет финансовый капитал Соединенных Штатов, использующий и новые, и традиционные формы господства, выдвигающий не только "своих людей" на руководящие посты в США и за их пределами, но и свои теории для руководства как самим американским государством, так и всем капиталистическим миром.

Появление и развитие доктрины неоглобализма отнюдь не случайно совпало с обострением экономических проблем

”третьего мира”, с превращением некоторых из них, в первую очередь кризиса задолженности, в долгосрочный фактор, определяющий политику многих развивающихся государств, особенно латиноамериканских. Развитие в качестве эксплуатируемого элемента мировой капиталистической системы неизбежно приводит к перераспределению богатств: накоплению их на одном полюсе — в развитых странах (в нашем случае — в США) и дальнейшему возрастанию нищеты на другом (в частности — в Латинской Америке). Приведенный в работе материал позволяет сделать принципиально важный вывод о том, что в отношениях между метрополиями и бывшими колониями также действует всеобщий закон капиталистического накопления, хотя и в особой форме, со специфическими модификациями. В таком контексте доктрина неоглобализма отражает стремление наиболее реакционных кругов империализма сохранить и продлить действие этого закона, упрочить систему империалистической эксплуатации.

Если проводить условную параллель, то в комплексе взаимосвязей США — Латинская Америка достаточно ярко прослеживаются во всем многообразии отношения капиталиста и наемного работника, который эксплуатируется на всех стадиях процесса производства и обращения. Степень же эксплуатации в каждый данный момент, как указывал К. Маркс, определяется соотношением сил между ними. В зависимости от его изменения модифицируются формы давления и господства, хотя финансовый капитал не отказывается и от использования старых, ”зарекомендовавших” себя методов. ”Тут и натравливание одних государств на другие, тут и разжигание возникающих конфликтов; тут и военные акции, государственный терроризм против неугодных режимов; тут и обучение, вооружение и финансирование всяких ”контрас”, сепаратистов и террористов, экономическая блокада и долговая кабала; разного рода политические и идеологические диверсии и интриги... вмешательство во внутривнутриполитическую борьбу, другие попытки подорвать изнутри прогрессивные режимы”⁴⁹ — эти характерные черты политики неоглобализма, отмеченные М. С. Горбачевым, в той или иной мере проявляются и в практике Вашингтона в отношении Латинской Америки. При этом представители правящих кругов США прямо увязывают подобный образ действий с борьбой против возрастающего влияния ”международного коммунизма”.

В интерпретации исторического хода событий неоглобалистами мир предстает контрастным, изображается двумя красками — белой и черной (или, точнее, ”красной”) и их антагонистическим сочетанием: больше одной — меньше другой. Такой подход очень удобен, поскольку позволяет не только свалить вину за обострение глобальных противоречий, но и даже списать свои собственные проблемы и промахи на ”козни красных”. США же и их руководители высту-

пают как воплощение прогрессивного начала, причем борющегося активно за торжество своих идеалов.

Обычно неоглобализм связывается с именем Р. Рейгана и с деятельностью окружающих его представителей "калифорнийской команды". Однако даже при простом перечислении тех сил, чьи интересы непосредственно отражает пресловутая концепция: верхушка государственного аппарата и истеблишмента, транснациональные корпорации и банки США, не может не броситься в глаза, что по меньшей мере упрощением является сведение ее к цитированию анекдотичных зачастую высказываний о "коммунистической угрозе" Соединенным Штатам со стороны, скажем, Никарагуа (таких "опасных врагов" набирается немало, их список пересматривается и пополняется), безнадежны попытки понять неоглобализм без анализа экономического аспекта взаимоотношений США и развивающихся стран.

Поскольку кардинального решения проблем задолженности, неэквивалентного торгового обмена, "бегства" капиталов и умов и т. п. правящие круги империалистических держав предложить не могут, то по логике их действий и прошлому опыту можно ожидать усиления давления с Севера на латиноамериканские государства, что объективно должно привести к их большей консолидации. Логично также предположить, что усилится стремление Вашингтона и его союзников подорвать изнутри антиимпериалистические тенденции, сорвать объединение демократических сил в масштабах региона и дестабилизировать режимы, критически настроенные в отношении США. Будут предприниматься попытки любыми средствами вбить клин между Никарагуа и поддерживающими ее правительствами, продолжена практика всестороннего нажима на Кубу. Идеологической канвой подобной политики опять же будет заезженный лозунг борьбы с "коммунистической угрозой".

Усилению такой направленности американской стратегии может способствовать отношение в США к перспективам перестройки в Советском Союзе. Выполнение задач развития, определенных решениями Коммунистической партии и Правительства СССР, позволило бы резко повысить качество и конкурентоспособность продукции советского машиностроения и других готовых изделий; реорганизация внешнеэкономических связей, развитие инициативы предприятий должны облегчить более полный учет запросов наших латиноамериканских партнеров. Ускоренное развитие экономики СССР, реализация советских предложений по разоружению дали бы возможность расширить экономическую помощь народам, борющимся за самоопределение и независимость в широком смысле этих слов.

Хотя в исторической перспективе альтернатива развития по некапиталистическому пути на основе сотрудничества

с миром социализма не вызывает сомнения, в ближайшее время ее реализация будет осложняться серьезными экономическими проблемами, которые должны решать социалистические страны. В этих условиях большинство латиноамериканских и других развивающихся стран неизбежно вынуждены ориентироваться на бывшие метрополии как источник капитала, передовой технологии и т.д. Объективные интересы экономического развития государств региона определяют их стремление к сотрудничеству и с Соединенными Штатами.

Действительность демонстрирует нам таким образом обратную диалектически взаимосвязанную сторону положительного ответа, данного в докладе М. С. Горбачева "Октябрь и перестройка: революция продолжается" на вопрос о необходимости системы неоколониальной эксплуатации для существования современного империализма. Латиноамериканская практика убедительно показывает, что в первую очередь противоречивое единство экономических интересов транснационального капитала и стран региона определяет характер их взаимоотношений с центрами империализма. Поэтому в меж-американских отношениях можно ожидать сохранения неустойчивого равновесия, основанного на противоборстве как стратегических целей, так и текущих задач, стабильность которого будет во многом зависеть от конкретного соотношения сил, ситуации в той или иной стране, международной обстановки.

ИСТОЧНИКИ

Предисловие

¹ Цит. по: Правда. 1986. 28 нояб.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 223.

³ Американский экспансионизм. Новейшее время. М., 1986; Овинников Р. С. Зигзаги внешней политики США: От Никсона до Рейгана. М., 1986; Пономарева И. Б., Смирнова Н. А. Геополитика империализма США: Атлантическое направление. М., 1986; Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985.

⁴ См., например: Латинская Америка в системе экономических отношений современного капитализма. М., 1987; Латинская Америка: проблемы развития и размещения промышленности. М., 1987; Бушувев В. Г. Латинская Америка – США: революция и контрреволюция. М., 1987; Тарасов К. С., Зубенко В. В. Тайная война США против Латинской Америки. М., 1987.

Глава I

¹ LeoGrande W. M. Rollback or Containment?: The United States, Nicaragua, and the Search for Peace in Central America // International Security. Cambridge (Mass.), 1986. N 2. P. 89.

² Granma. 1984.9.I.

³ Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985. С. 251.

⁴ Castro F. La cancelación de la deuda externa y el nuevo orden económico internacional como única alternativa verdadera. Otros asuntos de interés político e histórico. Texto completo de la entrevista concedida al periódico "Excelsior" de México. La Habana, 1985. P. 108 – 109.

⁵ Granma. 1985.18.X.

⁶ Цит. по: Granma.1985.18.X.

⁷ Проблемы мира и социализма. 1984. № 5. С. 53.

⁸ Leis R. Comando Sur, poder hostil // Ko'EUV Latinoamericano (Caracas). 1986. N 38. P. 26.

⁹ The New York Times. 1984.23.IV; 1985.6.VI.

¹⁰ Informe Central de Fidel al Tercer Congreso // Granma. 1986.7.II.

¹¹ The Time (N. Y.). 1986.31.III.

¹² Granma. 1985.25.I.

¹³ Подробнее см.: Латинская Америка: экспансия иностранных монополий. М., 1984; Латинская Америка в системе экономических отношений современного капитализма. М., 1987; Зименков Р. И. Американский империализм на современном этапе: Экономические аспекты. М., 1984, и др.

¹⁴ БИКИ. 1987.17.I; 1986.25.XII.

¹⁵ См.: Паниев Ю. Н. Экономические отношения стран Латинской Америки с ЕЭС. М., 1982; БИКИ. 1986.10.V; 1987.28.II.

¹⁶ ICI – CEPAL. Las relaciones económicas entre España e Iberoamérica. Madrid, 1982. P. 45.

¹⁷ The Journal of Commerce. International Edition. 1986.29.IX. P. 27.

¹⁸ См.: Бунегина И. А. Индустрия информатики // Латинская Аме-

- рика. 1987. № 4. С. 72 – 83; БИКИ. 1986.6.XI; Известия. 1986.7.VIII.
- 19 БИКИ. 1987.17.I; 19.III; The Washington Post. 1986.3.VII.
- 20 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 94.
- 21 Survey of Current Business. 1981.VIII. P. 32; 1986.VIII. P. 46 – 49.
- 22 Цит. по: Барри Т., Вуд Б., Пройш Д. Доллары и диктаторы. М., 1986.
- 23 Transnational Corporations in International Trade and Foreign Direct Investment: Report of the Secretariat. N. Y. E/C. 10/1985/3. P. 8, 9.
- 24 Almanaque 1982. São Paulo, 1983.
- 25 Подробнее см.: Латинская Америка: проблемы развития и размещения промышленности. М., 1987. С. 137 – 141.
- 26 Transnational Corporations... P. 9.
- 27 Comercio exterior. 1985. N 11. P. 1060 – 1070.
- 28 БИКИ. 1986.30.IX.
- 29 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 381.
- 30 Правда. 1986. 28 нояб.
- 31 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 363.
- 32 Bolling L. R., Smith C. Private Foreign Aid: US Philanthropy for Relief and Development. Colorado, 1982. P. 21.
- 33 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 98.
- 34 Banco Interamericano de Desarrollo (BID). Progreso económico y social en América Latina. Informe 1980 – 81. Wash., 1982. P. 94; Comercio exterior. 1982. VII. P. 744.
- 35 Подсчитано по: Euromoney. 1982. III. Supplement. P. 29.
- 36 ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986 г. Нью-Йорк, 1986. Т. 3. С. 63.
- 37 Там же. С. 62.
- 38 Euromoney. 1982.III. Supplement. P. 20 – 21; 1981. XI. P. 108 – 118.
- 39 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 431.
- 40 Цит. по: Granma. 1985.9.VIII.
- 41 The Banker. 1982. X. P. 82; International Currency Review. 1982. V. P. 14.
- 42 The Banker. 1982. VIII. P. 120.
- 43 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 42.
- 44 Granma. 1981.16.IX.

Глава II

- 1 Кастро Ф. Экономический и социальный кризис мира. Его последствия для развивающихся стран, его мрачные перспективы и необходимость бороться, если мы хотим выжить. Доклад, представленный VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. М., 1983. С. 115 – 116.
- 2 Realidad Económica. 1987. N 78. P. 47.
- 3 Notas sobre la economía y el desarrollo (Santiago de Chile). 1986. N 438/439. P. 19 – 20.
- 4 El Mercurio. 1978.28.II.
- 5 Барри Т., Вуд Б., Пройш Д. Указ. соч. С. 40.
- 6 Granma. 1986.7.I.
- 7 Внешняя торговля. 1983. № 10. С. 23 – 28.
- 8 Notas sobre la economía y el desarrollo. 1986. N 429. P. 115.
- 9 Shriver S. Point of the Lance. N. Y., 1964. P. 8.
- 10 Revista del CIEM (La Habana), 1985. N 14. P. 53; Prisma (La Habana). 1987. N 3. P. 42.
- 11 The Journal of Commerce. International Edition. 1986.29.IX.
- 12 Цит. по: Granma. 1985.29.X.
- 13 ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. Т. IV. С. 8.
- 14 Там же. С. 9.
- 15 The Journal of Commerce. International Edition. 1987.13.IV.
- 16 Transnational Corporations... P. 6.

- 17 *Castro F.* La cancelación de la deuda externa... P. 123.
- 18 См.: Латинская Америка в системе экономических отношений современного капитализма. М., 1987; Латинская Америка: валютно-финансовое положение в 70-х годах. М., 1978; *Бушуев В. Г.* Указ. соч.; *Курьеров В. Г.* Внешнеэкономический курс республиканской администрации США. М., 1987; *Холодков Н. Н.* Латинская Америка: проблемы внешней задолженности. М., 1979.
- 19 БИКИ. 1985.5.XI.
- 20 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. I. С. 384.
- 21 *Castro F.* La cancelación de la deuda externa... P. 117.
- 22 World Debt Tables. The World Bank. Wash., 1986. P. 251.
- 23 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 57.
- 24 La evolución económica de América Latina en 1981 // Notas sobre la economía y el desarrollo de América Latina (Santiago de Chile). 1982. N 355/356. P. 2.
- 25 Financial Times. 1982.10.II; Business Week. 1982.17.V. P. 91; OECD. Financial Market Trends. 1982. VI. P. 36.
- 26 External Debt of Developing Countries. Wash., 1984. P. 36.
- 27 The Banker. 1982. IX. P. 82.
- 28 The Washington Post. 1987.2.IV.
- 29 Euromoney. 1987. II. P. 5.
- 30 См.: *Карпунин В. Н.* Долговые обменные операции и их роль в урегулировании валютно-финансовых проблем развивающихся стран // БИКИ. 1987.11.IV; 12.XII.
- 31 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 425.
- 32 Материалы XXVII съезда КПСС. С. 18.
- 33 Подсчитано по: Balance preliminar de la economía latinoamericana 1987 // Notas sobre la economía y el desarrollo de América Latina. P. 23; БИКИ. 1984.15.IX.
- 34 ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. Т. II. С. 3; Т. IV. С. 67.
- 35 *Епанешников В. К., Rogov В. В.* Проблема внешней задолженности развивающихся стран // БИКИ. 1986. Приложение № 2. С. 11; ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. Т. III. С. 2.
- 36 Granma. 1985.29.X.
- 37 Подсчитано по: Notas sobre la economía y el desarrollo de América Latina. 1986. N 438/439. P. 22.
- 38 Business Week. 1987.6.IV. P. 20; БИКИ. 1987.9.IV.
- 39 The Journal of Commerce. International Edition. 1986.12.V; БИКИ. 1986. Приложение № 2. С. 13; Quarterly Economic Review of Argentina (London). 1985. N 3. P. 14.
- 40 The Time. 1986.25.VIII. P. 9.
- 41 Правда. 1987. 10 нояб.
- 42 *Castro F.* La cancelación de la deuda externa... P. 124 – 125.
- 43 World Debt Tables. P. 250.

Глава III

- 1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 191.
- 2 МЭМО. 1984. № 10. С. 34.
- 3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 627.
- 4 Цит. по: *Барри Т., Вуд Б., Пройш Д.* Указ. соч. С. 137.
- 5 Из последних работ см., например: *Голиков А. Н.* ТНК и развивающиеся страны: углубление противоречий. М., 1987. С. 89.
- 6 Granma. 1983.28.II.
- 7 The Journal of Commerce. International Edition. 1986.29.IX. P. 11.
- 8 Granma. 1985.9.VIII.
- 9 Ibid. 1983.28.II; 1985.22.I.
- 10 *Барри Т., Вуд Б., Пройш Д.* Указ. соч. С. 137.
- 11 The World Bank Annual Report 1985. Wash., 1986. P. 218 – 221.

- 12 Ibidem.
- 13 БИКИ. 1983.27.I; Granma. 1985.26.IX.
- 14 The Journal of Commerce. International Edition. 1986.28.IV.
- 15 The Washington Post. 1987.27.III.
- 16 Granma. 1987.8.IV.
- 17 The Wall Street Journal. 1986.10.XII.
- 18 Granma. 1987.8.IV.
- 19 The Washington Post. 1987.2.IV.
- 20 Цит. по: Granma. 1987.13.II.
- 21 The Washington Post. 1986.6.VII.
- 22 Цит. по: Правда. 1987. 9 нояб.
- 23 PCE. Integración de América Latina. Experiencias y perspectivas. México, 1966. P. 80.
- 24 Подробнее см.: БИКИ. 1982. Приложение № 4. С. 67.
- 25 Nueva Nicaragua. 1982.21.I.
- 26 Pedrosa M. A Orçao Brasileira. Rio de Janeiro, 1986. P. 287.
- 27 Dell S. A Latin American Common Market? L., 1966. P. 32.
- 28 Le Monde. 1976.18.IX.
- 29 Подробнее см.: *Hilbourn A. Watson. The Caribbean Basin Initiative and Caribbean Development: A Critical Analysis // Contemporary Marxism (San Francisco). 1985. N 10.*
- 30 Prisma. 1986.XII. P. 35.
- 31 Ibidem. P. 34.
- 32 Notas sobre la economía y el desarrollo. 1986. N 429.
- 33 The Washington Post. 1986.6.VII.
- 34 Ibidem; The Journal of Commerce. International Edition. 1986.22.XII.
- 35 The Washington Post. 1986.7.VII.
- 36 The Journal of Commerce. International Edition. 1986.22.XII.
- 37 The Washington Post. 1986.5.XII.
- 38 БИКИ. 1987.14.II.
- 39 The Washington Post. 1986.5.XII.
- 40 Granma. 1984.29.II; 1987.7.IV; БИКИ. 1985.29.I.
- 41 Granma. 1985.11.X.
- 42 См.: Comercio exterior. 1986. N 2. P. 184.
- 43 Цит. по: Granma. 1985.26.IX.
- 44 Granma. 1985.27.IX.
- 45 Ibidem.
- 46 Цит. по: Granma. 1985.30.IV.
- 47 Ранее эта цифра была приведена в интервью мексиканской газете "Эксельсиор" (Castro F. La cancelación de la deuda externa... P. 109).
- 48 Granma. 1985.11.IX.
- 49 БИКИ. 1987.28.III; 1986.27.V.
- 50 Granma. 1986.7.V.
- 51 Экономическое совещание стран – членов СЭВ на высшем уровне. 12 – 14 июня 1984 года: Документы и материалы. М., 1984. С. 38.
- 52 Правда. 1987. 10 нояб. См. также выступление П. Гомеса // Правда. 1987. 9 нояб.

Глава IV

- 1 Цит. по: Правда. 1987. 10 нояб.
- 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 362.
- 3 Проблемы мира и социализма. 1982. № 6. С. 30.
- 4 The Time. 1986.22.IX. P. 11.
- 5 U. S. News and World Report. 1986.5.V. P. 30.
- 6 Die Tat. 1982.2.IV.
- 7 Granma. 1982.19.IV.
- 8 The Wall Street Journal. 1984.3.V.
- 9 Granma. 1987.24.I.

- 10 Цит. по: Правда. 1987. 10 нояб.
- 11 *Watson R. Dancing with Dictators // News week. 1988.15.II. P. 22.*
- 12 См.: Капитализм в Латинской Америке: Очерки генезиса, эволюции и кризиса. М., 1983. С. 317.
- 13 Проблемы мира и социализма. 1980. № 11. С. 73.
- 14 Латинская Америка. 1982. № 4. С. 8.
- 15 *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 95.*
- 16 Там же. Т. 25. С. 262.
- 17 Цит. по: Латинская Америка. 1982. № 6. С. 36.
- 18 Цит. по: *Барри Т., Вуд Б., Проиш Д. Указ. соч. С. 32.*
- 19 *Granma. 1985.IX; см. также: Барри Т., Вуд Б., Проиш Д. Указ. соч. С. 144 – 149.*
- 20 *Comercio exterior. 1986. N 5. P. 424 – 433; ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. Т. 2. С. 3.*
- 21 ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии. 1986. Т. 2. С. 9.
- 22 *CEPAL. Balance preliminar de la economía latinoamericana 1986. Cuadro 5.*
- 23 *The Time. 1986.25.VIII. P. 9.*
- 24 *Ibidem.*
- 25 *Барри Т., Вуд Б., Проиш Д. Указ. соч. С. 24.*
- 26 *Кастро Ф. Другой альтернативы нет: или отмена внешнего долга или политическая смерть процесса демократизации в Латинской Америке. Гавана, 1985. С. 79.*
- 27 *Krauss C. Revolution in Central America? // Foreign Affairs. 1987. N 3. P. 564 – 565.*
- 28 *Wireless Bulletin from Washington. 1985.21.XI. P. 5 – 6.*
- 29 *The Time. 1986.31.III. P. 6.*
- 30 *Ibid. 1987.23.II. P. 44.*
- 31 *U. S. News and World Report. 1985.12.XII. P. 41.*
- 32 *LeoGrande W. M. Rollback or Containment? The United States, Nicaragua, and the Search for Peace in Central America // International Security. Cambridge (Mass.), 1986. N 2. P. 89 – 120.*
- 33 *Castro F. La cancelación de la deuda externa... P. 91.*
- 34 *The Washington Post. 1986.26.II.*
- 35 Перестройка неотложна, она касается всех и во всем: Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Дальний Восток. М., 1986. С. 21.
- 36 *БИКИ. 1985.20.VIII.*
- 37 *Granma. 1985.25.XI.*
- 38 *Достоевский Ф. М. Подросток. М., 1986. С. 214.*
- 39 *Business Week. 1987.9.III.*
- 40 *Granma. 1987.8.IV.*
- 41 *Castro F. La cancelación de la deuda externa... P. 95.*
- 42 *Granma. 1984.9.IV.*
- 43 *The Time. 1986.25.VIII. P. 12.*
- 44 *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43.*
- 45 Цит. по: Известия. 1986.5.VIII.
- 46 *Newsweek. 1987.23.III. P. 12; Foreign Affairs. Fall 1986. N 2.*
- 47 *Granma. 1986.17.I.*
- 48 *Anderson H., Cullen R., Seward D. Moscow's Third World Game // Newsweek. 1987.23.III. P. 12.*
- 49 *Правда. 1986. 28 нояб.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. 80-е ГОДЫ: НОВЫЙ РАУНД "НАСТУПЛЕНИЯ НА ЮГ"	6
Истоки и движущие силы	—
Обострение конкуренции в бывшей американской вотчине	18
Транснациональные корпорации: переход к "ползучей" экспансии	26
Эстафетная палочка эксплуатации — у банков США	37
Глава II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: СПЕЦИФИКА ДЕСЯТИЛЕТИЯ	50
Закрепление "новой" роли региона в традиционном разделении труда	—
Модификация диктата во внешней торговле	61
Механизм действия "финансовой ловушки"	69
Подчинение накопления внешним интересам	81
Глава III. СТОЛКНОВЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И БОРЬБА В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ СФЕРЕ	88
Американское государство в роли приказчика финансового капитала	—
Проблема внешнего долга и диктат международных финансовых кругов	98
Региональная интеграция — в чьих интересах?	108
Пути решения проблем региона: противоположный подход "двух Америк"	119
Глава IV. НЕОГЛОБАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ	129
В поисках социальной опоры	—
Углубление классовой пропасти	142
Развитие революционных процессов и реанимация "политики канонерок"	147
Укрепление единства как основа противостояния внешнему диктату	155
Международная солидарность против объединенного фронта реакции	159
ИСТОЧНИКИ	169

Монография

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЩЕГОЛЕВ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ НОСОВ

НЕОГЛОБАЛИЗМ США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Заведующая редакцией **Т. А. Воскресенская**

Редактор **Л. Г. Соловьева**

Оформление художника **А. П. Григорьева**

Художественный редактор **А. И. Ольденбургер**

Технический редактор **Л. П. Гришина**

Корректор **С. С. Новицкая**

Оператор наборно-печатающего автомата **М. Ю. Арефьева**

ИБ №3472

Набор текста произведен в издательстве "Мысль" на наборно-печатающем автомате. Подписано в печать 19.07.88. А10950. Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура "Пресс-Роман". Офсетная печать. Усл. печатных листов 9,24. Усл.кр.-отт. 9,57. Учетно-издат. листов 11,91. Тираж 5000 экз. Заказ № **575** Цена 1р. 40 к.

Издательство "Мысль". 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Тула, проспект Ленина, 109.

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства "Мысль" по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете "Книжное обозрение".

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли "Союзкнига".

1 р. 40 к.

НЕО ГЛОБАЛИЗМ США

в Латинской
Америке

Проблема отношений между "двумя Америками" показана авторами в новом, малоисследованном плане. Глубокий теоретический анализ базисных, экономических аспектов комплекса противоречий "США — Латинская Америка" подкреплен использованием значительного, во многом нового и интересного статистического материала.